

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 3 • 2016 • ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история социологии

- Соломатина Е.Н.* Конфликт как фактор социальных изменений в теории Алена Тулена 4
- Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (*Начало*) 21
- Кравченко А.И.* Социология организаций Н.И. Лапина. 39
- Масленников Е.В.* Инструментальная концептуализация предметных областей социологии: некоторые возможные решения (*Окончание*) 56

Социология неравенства

- Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.* Неравенство в современном мире: обзор международных докладов. 74
- Батуренко С.А.* Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России 92

Социология семьи и демографии

- Синельников А.Б.* Есть ли альтернатива законному браку? 109
- Игбаева Ф.А.* Влияние образа жизни городской семьи на ее стабильность. 127
- Шипунова Т.В.* Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин 142

Социология медицины

- Васильев В.П.* Социальные ценности и институты здравоохранения . . 159

Социология города

Дроздова Ю.А. Дискурсы повседневности и аффектов в тексте регионального пространства (на примере Волгоградской области) . . 175

Социология коммуникаций

Могилевич Б.Р. Дискурс коммуникативной толерантности. 192

Научная жизнь

Сорокинские чтения—2016: подводя итоги (материал подготовили
П.С. Каневский, Е.Н. Новосёлова) 202

Памяти Бориса Владимировича Князева (1926—1989) 205

CONTENT

Theory and history of sociology

<i>Solomatina E.N.</i> Conflict as a factor of social changes in the theory Alain Touraine	4
<i>Dobrinskaya D.E.</i> Sociological understanding of Internet: theoretical approaches to the network analysis	21
<i>Kravchenko A.I.</i> N.I. Lapin's sociology of organizations.	39
<i>Maslennikov E.V.</i> Instrumental conceptualization subject area sociology: some possible solution	56

Sociology of inequality

<i>Vershinina I.A., Martynenko T.S.</i> Inequality in the modern world: a re- view of international reports	74
<i>Baturenko S.A.</i> The sociological theory of social stratification and trans- formational processes in modern Russia	92

Sociology of family and demography

<i>Sinelnikov A.B.</i> Is there an alternative to legal marriage?	109
<i>Igebaeva F.Ab.</i> The impact of lifestyle of urban families for its stability . . .	127
<i>Shipunova T.V.</i> Spousal violence in the context of women's victimization . .	142

Sociology of medicine

<i>Vasiliev V.P.</i> Social values and institutes of health.	159
--	-----

Sociology of the city

<i>Drozdova J.A.</i> Discourses of routine and affects in the text of regional space (on the example of Volgograd region).	175
---	-----

Sociology of communications

<i>Mogilevich B.R.</i> Communicative tolerance discourse	192
--	-----

Scientific life

"Sorokin readings"—2016: key results (<i>Kanevskiy P.S., Novoselova E.N.</i>) . .	202
In memory of Boris V. Knyazev	205

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Е.Н. Соломатина, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕОРИИ АЛЕНА ТУРЕНА

E.N. Solomatina, candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of modern sociology of the Faculty of Sociology of The Lomonosov Moscow State University, e-mail: solomatina.08@mail.ru

CONFLICT AS A FACTOR OF SOCIAL CHANGES IN THE THEORY ALAIN TOURAINE

В статье анализируется конфликт как один из основных элементов социальной реальности, непосредственный источник и механизм современных социальных изменений. Автор выделяет классификационные основы современных теорий конфликта, сформированные в западной социологической науке, прогнозирует дальнейшее развитие социального знания в проблемном поле конфликта, формулирует основные положения современного конфликтологического дискурса. Определены суть и специфика проявления конфликта в условиях современных реалий, намечены тенденции ценностных ориентаций современного общества через призму концептуальных взглядов Алена Турена. Раскрыты понятия “субъект”, “историчность”, “социальные движения”, “ценности”, характер социальных взаимодействий, выделены культурные модели. При этом историчность понимается не как совокупность культурных ценностей, накопленных за определенное историческое время и интегрированных в структуры общества, а как совокупность инструментов, с помощью которых произошла эта интеграция, своего рода инструмент формирования различных общественных практик, востребованных в то или иное историческое время. Выявлено, что многие положения теории Алена Турена оказывают влияние на транзитивное общество, осуществляющее переход к новому устройству мира. В результате исследования выявлено, что ведущую роль в конфликтологическом дискурсе А. Турен отводил социологическому исследованию социальных изменений, которые продолжаются во времени и пространстве, а конфликт как фактор социальных изменений в теории А. Турена имеет более описательный характер, поскольку полностью сконцентрирован на исследовании нового исторического этапа развития общества и роли общественных движений.

Ключевые слова: общество, социальный конфликт, историчность, общественные движения, социальные трансформации, пространство, дискурс.

* Соломатина Елена Николаевна, e-mail: solomatina.08@mail.ru

The article analyzes the conflict as one of the basic elements of social reality, immediate source and mechanism of modern social changes. The author distinguishes the classification basics of the modern theories of conflict in Western social science, predicts the further development of social studies in problem field of conflict, and formulates the main provisions of the modern conflictological discourse. Are determined, the specific manifestations of the conflict in terms of contemporary realities, trends identified value orientations of modern society through the prism of conceptual views Alain Touraine. Disclosed concepts “subject”, “historicity”, “social movements”, “value”, the nature of social interactions, marked cultural patterns. This historicity is not understood as set of cultural values, accumulated over a certain historical time, integrated into the structure of society, as well as a set of tools with which this integration has occurred, a sort of tool of formation of various social practices that are in demand in a particular historical period. The study shows that the leading role in the discourse conflictological Alain Touraine assigned a sociological study of social changes that are going on in time and space. The conflict as a factor of social change in the theory of A. Touraine has more descriptive as fully concentrated on the study of a new historical stage of development of society and the role of social movements.

Keywords: society, social conflict, historicity, social movements, social transformation, space, discourse.

Способность к саморазвитию является неотъемлемым атрибутом современного социума. Скорость социальных трансформаций сегодня выросла настолько, что общество меняет свое качество в пределах жизни одного поколения. XX столетие дало старт радикальным социально-экономическим и культурным преобразованиям, которые происходят во всем мире. Развернулись необратимые процессы глобализации, стремительного роста информационных технологий и телекоммуникаций на фоне формирования многополюсного мироустройства — арены взаимодействия конкурирующих культур и цивилизаций, демографического кризиса, угрозы экологической катастрофы. Эти глобальные изменения ведут к трансформации социального устройства, экономики, политики, культуры на уровне как отдельных государств, так и техногенной цивилизации в целом.

Радикальная трансформация социальной структуры и институтов развитых стран Запада, которая началась в последней четверти прошлого века, дала основания многим представителям социологии утверждать, что начался переход к качественно новому этапу развития общества. Это общество называли по-разному — постиндустриальное, постсоциальное, технотронное, информационное и т.п. Объективной основой различных точек зрения на суть современного общества является качественное изменение места и роли теоретического знания и информации, которые стали ключевыми факторами общественного развития.

Актуализация теоретического осмысления процессов, происходящих сегодня, определила содержание теоретико-методологического дискурса в современной социологии. Возникает целая серия “теоретико-методологических и теоретико-эмпирических дискурсов (дискурс эндизма, сопряженные с ним дискурсы постиндустриализма и информационного общества, постмодернистский дискурс, а также дискурс глобализации), которые в своей совокупности определили трансформацию содержания и структуру современной социологической теории и предложили новый диагноз современности”¹.

Конфликт как один из основных элементов социальной реальности, выступает непосредственным источником и механизмом ее изменений, постоянно находится в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей. Чаще всего сформированные в западной социологической науке варианты современных теорий конфликта предлагается классифицировать на основании определения видов социальных столкновений, которые выступают центральными концептами этих теоретических построений. Исходя из этого, предлагается рассматривать группы теорий — международного конфликта, политического конфликта, конфликта в организации и общей теории конфликта.

Достаточно распространенным в современных публикациях, посвященных теоретическому исследованию конфликта, является предложение ориентироваться на две большие группы, основанные на теоретическом наследии К. Маркса и на теоретических разработках Г. Зиммеля. Очевидно, что при таком подходе к систематизации теорий конфликта не только некоторые варианты теорий оказываются за пределами этих концептуальных групп, но также не уточняется взаимосвязь между ними в общей схеме исследования проблемного поля конфликта.

В контексте дальнейшего рассмотрения данной проблемы конструктивным представляется обращение к рассуждениям американского исследователя М. Сифора по истории формирования теории конфликта в современной макроисторической социологии и венгерско-британского философа и историка науки И. Лакатоса о развитии “зрелых” теоретических знаний².

Согласно выявленным утверждениям, развитие социального знания в проблемном поле конфликта может быть представлено по схеме: анализ различных форм стратификации — анализ раз-

¹ См.: Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29.

² См.: Marika C. Affecting relations: introducing affect theory to archival discourse // Archival Science. 2016. March. Vol. 16. Iss. 1. P. 7–31.

личных форм организации — анализ поведения структур — разработка модели организационного конфликта и на ее основе, собственно, теории конфликта — применение различных вариантов теории конфликта (парадигмы) для объяснения всех феноменов социальной реальности — дополнение теорий макроуровня теориями микроуровня (концепции взаимодействий повседневной жизни). При этом необходимо учитывать, что на определенном этапе своего развития (модельного оформления) теория конфликта превращается в парадигму и с этого момента (в этом случае с конца 50-х гг. XX в., т.е. со времени основных конфликтологических теоретических исследований) понятие “конфликтная парадигма” выступает синонимом категории “теория конфликта”.

Следует подчеркнуть, что в этом случае Г. Браун предлагает интерпретировать понятие “парадигма” (в соответствии с утверждениями другого американского представителя теоретической социологии Дж. Тернера) как определенный уровень в формировании научной теории, а именно как непосредственную организацию решения исследовательских задач, объясняющую природу и механизмы нормативного регулирования социальных действий в конкретной социальной системе³.

Очевидно, что исходя из вышесказанного, все предложенные в западной социальной науке варианты теории конфликта можно систематизировать с помощью аналитической схемы развития знаний в контексте их классификации, разделения на так называемые “основные” (т.е. содержащие в полном объеме основные положения конфликтологического подхода) и “вспомогательные” (т.е. те, которые развивают эти положения в пределах теоретической интерпретации отдельных аспектов социальной реальности, являющихся жизненным пространством различных видов социального противостояния) теоретические конструкции.

Основными положениями конфликтологического дискурса являются следующие утверждения: в социальных системах распределение ресурсов имеет определенный приоритет относительно социальной интеграции; последняя выступает результатом решения различных видов конфликтов, возникающих в процессе распределения так называемых “средств к жизни” — материальных ресурсов, власти и высших ценностей; социальное устройство характеризуется плюралистичностью существующих в нем групповых интересов, наличием двух или более противоборствующих классов; социальный порядок — осознанный результат утверждения власти

³ См.: *Graham K.B.* The influence of education on violent conflict and peace: inequality, opportunity and the management of diversity // *Prospects*. 2011. June. Vol. 41. Iss. 2. P. 191–204.

определенной группы (класса); этот класс осуществляет контроль за распределением материальных ресурсов и с помощью системы высших ценностей обосновывает легитимность своего господства; господствующему классу не удается постоянно сохранять “статус-кво” на уровне легитимного признания представителями позиции подчинения; в результате в социальной системе наблюдаются социальные изменения, которым присущ как эволюционный, так и революционный характер.

В результате существенных глобальных изменений, происходящих в современном мире, социальные системы становятся открытыми как никогда раньше. Поэтому вполне естественно, что сегодня происходят масштабные и глубокие преобразования как в самой культуре, так и в социальных ценностях. При таких условиях часть исследователей не совсем обоснованно говорят о “кризисе ценностей”, “потере гуманных ценностей”, “нарушении общечеловеческих ценностей”, отмечают “конфликт поколений”, необходимость “переоценки ценностей” и т.п. Это свидетельствует о том, что восприятие трансформационных процессов, изменяющих ценностную среду общества и личности, осуществляется далеко неоднозначно, а утверждение новой шкалы ценностей сопровождается противоречивыми оценками прошлого, тех социальных трансформаций, которые уже состоялись, а также перспектив недалекого будущего. Именно в этой связи и происходит осмысление конфликта как фактора социальных изменений.

Подход к изучению конфликтов в постиндустриальном мире связан с именем Алена Турена, а также с распространением в социологической теории идей нового информационного общества и с изменением ценностных ориентаций. А. Турен, приняв позицию критики классической социологии, настаивает на необходимости трансформации социологии. Созданная им теория общества, основой которого являются социальные движения, характеризуется как наиболее влиятельное неоклассическое построение наряду с социологической теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теорией структуризации Э. Гидденса, структуралистским конструктивизмом П. Бурдьё, системной теорией Н. Лумана, позиционной теорией общества Р. Дарендорфа, культурсоциологией Дж. Александера⁴.

В рамках своей теории ученый пытается заменить понимание общественной жизни. Он утверждает: “...то, что мы называем обществом, является системой, но это система действия. И действие означает не только решение: оно предполагает и культурные ориентации, существующие в области конфликтных социальных от-

⁴ См.: Полякова Н.Л. Указ. соч. С. 30.

ношений. Конфликт не означает ни противоречия, ни бунта, он является социальной формой историчности, формой самовоспроизводства общества”⁵. Понимание общества у А. Турена существенно отличается от классической социологической традиции, рассматривающей общество как набор взаимозависимых механизмов, обеспечивающих интеграцию или комбинацию противоположных элементов: индивидуализма акторов и интернализации институциональных норм, служащих коллективной интеграции⁶.

Ученый раскрывает сущность и характер социальных взаимодействий через конфликтный потенциал. Действительно, согласно А. Турену, социальные субъекты постоянно борются за право овладеть историчностью, которое трактуется как “способность общества конструировать себя, исходя из культурных моделей и используя конфликты и общественные движения”⁷. При этом историчность понимается не как совокупность культурных ценностей, накопленных за определенное историческое время и интегрированных в структуры общества, а как совокупность инструментов, с помощью которых произошла эта интеграция, своего рода инструмент формирования различных общественных практик, востребованных в то или иное историческое время.

Таким образом, историчность как ресурс принадлежит не всем членам общества (по принципу равенства), а особой группе, которая контролирует и отождествляет себя с ней. Здесь и находится основной источник противоречий (за овладение историчностью), который, по А. Турену, перерастает в социальный конфликт. “Центральным социальным механизмом является конфликт, посредством которого поле историчности, совокупность культурных моделей трансформируется в систему социальных отношений, каковые всегда представляют собой отношения неравенства, отношения власти”⁸. Конфликтные и протестные действия направлены на то, чтобы изменить отношения социального господства по вопросу использования главных культурных ресурсов — производства, знания, этических правил.

Особым вкладом А. Турена в понимание протестов является его акцент на типе общества, в котором протест имеет место. Отрицая эволюционизм как центральный принцип интерпретации общества, А. Турен все же согласен с выделением основных этапов развития

⁵ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 82.

⁶ См.: Touraine A. Sociology after sociology // European Journal of Social Theory. 2007. Vol. 10. N 2. P. 184.

⁷ См.: Турен А. Указ. соч. С. 9.

⁸ Там же. С. 59.

общества: торговый, промышленный и программируемый (постиндустриальный) этап. Специфика последнего раскрывается через более высокую степень мобилизации, чем в индустриальном обществе. “Еще сегодня, — пишет А. Турен, — когда общественная мысль тех стран, которые сами себя считают современными, рассматривает остальной мир, она делит его на страны позднего капитализма, слаборазвитые страны и, наконец, коммунистические страны, перспективой которых является неизбежное слияние с современными западными странами. Считается при этом, что в мире утвердится универсальная модель, несмотря на то, что многие страны следуют явно другими путями эволюции”⁹.

Вообще, как считает французский ученый, современному обществу присущ конфликтный и протестный потенциал. И если раньше в торговых обществах центральным пунктом протеста была свобода, в индустриальных — справедливость, то основной целью протестов в постиндустриальном обществе становится достижение счастья. Действительно, “классовая борьба, которая была характерной для индустриальных обществ, уходит в прошлое, заменяясь новыми видами социально-политических и социально-экономических конфликтов, природа которых еще до конца не осознана”¹⁰.

Описывая конфликты в таком новом обществе, следует выделить четыре общих положения:

1. Конфликты пронизывают все постиндустриальное общество.
2. Перед лицом все более интегрированной власти оппозиция пытается охватить все глобальные группы.
3. Социальные конфликты и маргинальные (т.е. те, которые существенно отклоняются от принятых в обществе норм) формы поведения стремятся соединиться друг с другом.
4. Структурные конфликты удаляются от конфликтов, связанных с изменениями.

Отталкиваясь от этих положений, дальнейшее теоретическое исследование конфликта можно проводить в следующих направлениях: во-первых, А. Турен предполагает исследования собственно коллективного поведения через выявление и анализ тех конфликтных действий, которые могут быть поняты как усилия защиты, реконструкции или адаптации определенного “больного” элемента социальной системы (независимо от того, идет речь о ценности, норме, отношении власти, или о самом обществе). Во-вторых, выдвигается альтернативный подход к исследованию собственно борьбы при условии, если конфликты анализируются как механизмы мо-

⁹ Турен А. Указ. соч. С. 50.

¹⁰ См.: Каневский П.С. Политика и демократия в трудах Алена Турана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 153.

дификации решений, как определенные факторы изменений, или, даже, как политические силы в самом широком смысле этого слова. И третье направление для анализа конфликтов — исследование общественных движений. С этой позиции исследователь обращает внимание только на те конфликтные действия, которые стремятся изменить отношения социального господства, затрагивающие характер использования главных культурных ресурсов — производства, знания, этических правил. И именно в деятельности этих новых общественных движений находит свое отражение специфический тип протестной активности, порождаемый конфликтной динамикой модерна.

Вот что отмечают современные исследователи творчества А. Турана: “Социальные движения сегодня совмещают в себе, с одной стороны, отражение социальных конфликтов, которые их порождают, с другой — культурные ориентации их участников. Социальные движения <...> все чаще ассоциируются с культурными движениями, которые действуют скорее в сфере формирования дискурсов, чем в сфере принятия решений”¹¹.

Во многих теоретических концепциях культуры фундаментальными основами являются совокупности тех ценностей, которые разделяет сообщество — создатель и носитель культуры. Спектр понимания ценности варьирует от способности любой личности к познанию социальной нормы и до осознанного обществом смысла жизни. В жизни общества ценности играют важную роль интегрирующих, социализирующих, коммуникативных основ посредством регуляции социальных отношений в виде специфических систем норм контроля, социальных институтов и ориентиров для целенаправленных действий человека. Все действия, по сути, являются результатом акта оценки объектов окружающего мира и содержат три подсистемы — замысел, который состоит из ценности (жизненного смысла), цели и плана, реализацию и следствие.

Генетически ценности аккумулируют в себе общую направленность потребностей, интересов и эмоциональных переживаний субъектов. Мотивы действий человека — это потребности, инстинкты, влечения, эмоции, установки и идеи. Необратимый переход к демократической консолидированной социальной системе возможно осуществить при условии принципиальных изменений на четырех основных уровнях: первый уровень — идеология, второй — институты, третий — гражданское общество, четвертый — культура¹².

¹¹ Каневский П.С. Указ. соч. С. 157.

¹² См.: Mitrović L.R. Creative metamorphoses of Alain Touraine — a pathway towards constituting and redefining the scientific paradigm // Journal of International Scientific Researches. 2009. Vol. 1. N 1. С. 26–35.

Рассмотрим более подробно представленные уровни. Уровень 1 — идеология. Это уровень нормативных убеждений в правильности или неправильности демократических институтов и поддерживающих их рыночных структур. Очевидно, демократические общества не могут выжить в течение длительного времени, если люди не верят, что демократия является легитимной формой правления. Первый уровень является сферой национального самосознания, в котором изменения восприятия легитимности могут произойти совершенно неожиданно. Такое изменение, благоприятное для демократии и рынка, произошло во всем мире за последние двадцать лет.

Уровень 2 — институты. Эта сфера включает конституции, судебные системы, партийные системы, рыночные структуры и т.п. Институты меняются не так быстро, как идеи в том, что касается легитимности, но ими можно манипулировать с помощью государственной политики. Это тот уровень, на котором в последнее время велась политическая борьба, когда новые демократические государства, которые возникли раньше, стремились приватизировать государственные предприятия, написать новые конституции, консолидировать партии и т.д.

Уровень 3 — гражданское общество. Это царство спонтанно созданных социальных структур, отдельных от государства, лежащих в основе демократических политических институтов. Эти структуры оформляются еще медленнее, чем политические институты. Они меньше подвержены манипулированию со стороны государственной политики и часто находятся в обратной зависимости от государственной власти, усиливаясь по мере отступления государства и наоборот.

Уровень 4 — культура. Этот глубокий уровень включает такие явления, как структура семьи, религия, моральные ценности, этническое сознание, гражданственность и партикулярные исторические традиции. Подобно тому как демократические институты покоятся на здоровом гражданском обществе, гражданское общество в свою очередь имеет предшественников и предпосылки на уровне культуры. Культуру можно определить как иррациональную этическую привычку, передаваемую по традиции. Хотя она и подвергается воздействию изменений, происходящих на трех верхних уровнях, культура склонна лишь к наиболее медленным трансформациям.

Главные трудности на пути любых изменений, с которыми сталкиваются транзитивные общества, встречаются на третьем и особенно на четвертом уровне. Реальные проблемы, влияющие на качество жизни в современных демократических государствах, относятся к социальным и культурным отклонениям от нормы, которые стоят

за пределами возможностей институциональных решений, а, следовательно, — за пределами возможностей государственной политики. Вопросы культуры быстро выдвигаются на первый план. Таким образом, борьба, которая поможет определить судьбу либеральной демократии, будет вестись не из-за природы институтов, по поводу чего уже в значительной мере достигнут консенсус во всем мире. Настоящая битва состоится на уровне культуры, а следовательно — приоритетов ценностей. Эта сфера многими учеными признается как та, что имеет критическое значение для новых демократических государств, “выходящих” из своего авторитарного прошлого.

Следует отметить, что перспективы дальнейших социологических исследований будут определяться необходимостью понять, как в современных условиях индивидуализм наиболее богатых стран совмещается с попытками агрессивной защиты традиций или тех культурных проектов, которым угрожает глобализация¹³. Таким образом, социологический анализ возникающих противоречий становится возможным с учетом современных модернизационных процессов. “По сути, однако, любой индивид, любая социальная или культурная группа оказываются сегодня перед внутренним конфликтом вовлеченности в процессы глобализации и отстаивания собственной культурной идентичности”¹⁴.

В “транзитологической” литературе восточно-европейские страны в основном рассматриваются как форма бывших коммунистических обществ, стремящихся к политическому плюрализму и рыночной экономике. Однако часто упускается из виду, что эти страны отличаются друг от друга, особенно в отношении своих потенциалов, достигнутого экономического и культурного развития и этнической структуры¹⁵. Однако “транзакция” все же укрепила как термин и понятие, означающее в основном нынешние изменения в Восточной Европе, ведущие к установлению стабильной политической демократии и эффективной рыночной экономики. Нельзя не признать, что такое понимание транзакции в значительной степени имеет конвенциональный характер и во всяком случае является результатом упрощения и обобщения значимых различий между самими странами транзакции в Восточной и Центральной Европе, и все же оно является общим определением, которое удобно в качестве отправного пункта в сравнительных и эмпирических исследованиях, несмотря на его некоторую стереотипность.

¹³ См.: *Ефременко Д.В.* Турен А. Социология после социологии // Социологический ежегодник, 2009: Сб. научных трудов / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2009. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ См.: *Бронзино Л.Ю.* “Антисоциология” Алена Тулена // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология. 2008. № 1. С. 91.

Социальная транзакция в научном понимании, по определению А. Турена, это то, что происходит при переходе от одной сложившейся общественной системы к другой, новой. При этом имеется в виду, что в случае посткоммунистических стран Восточной Европы упомянутая другая, новая система — это не что-то невиданное и неведомое, а общественный строй развитых западных демократий. Но то, что начало вырисовываться в результате последних 15–20 лет переходных процессов в большинстве постсоветских государств, мало напоминает развитое либерально-рыночное общество западного типа. Следует напомнить, что и сегодня некоторые авторы оспаривают необходимость этого понятия. Они прежде всего подчеркивают, что все страны, даже развитые, так или иначе находятся в процессе перманентных социальных изменений. По их мнению США находятся в транзакции от постиндустриального и посткапиталистического общества к информативному, постмодернистскому обществу¹⁶.

Процессам социально-культурной трансформации вообще присущ длительный, разносторонний, противоречивый характер, а в современной Российской Федерации они тем более отличаются сложностью. Британский политолог Т. Гузо свое время охарактеризовал ситуацию в России как “четвертичный переход” (quadruple transition), т.е. переход от тоталитаризма — к демократии, от плановой экономики — к рыночной, от пребывания в составе империи — к национальной независимости, от недо модернизированной этнической общности — к современной политической нации. Очевидно, что каждая из этих транзакций сама по себе не могла быть простой и безболезненной, зато их взаимное сочетание и переплетение возвели сложности в квадрат, а то и в куб¹⁷. Актуальный конфликт ценностей в странах транзакции преимущественно происходит из самых общественных изменений, начавшихся в 1989 г. Он продолжается и сейчас, каждое общество более или менее является конфликтующим в любое время своего существования, и все же ранний период (особенно к концу 1970-х гг.) выделялся как наиболее протестный¹⁸.

¹⁶ См.: Каневский П.С. Указ. соч. С. 156.

¹⁷ См.: Турен А. Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 102 (перевод Д. Карасева).

¹⁸ См.: Соломатина Е.Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 103–107; Она же. Сущность социального протеста: теоретико-методологический аспект // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 10 (64). С. 36–42.

В социалистических странах он хотя бы на первый взгляд, в среднем, был менее конфликтным по сравнению с настоящим периодом. Все же переходный, изменчивый и нестабильный характер современного общества и его культуры в целом не вызывает сомнения. Подобные процессы следует называть не транзакцией, а трансформацией. Трансформация — это интерактивные общественные изменения, которые могут породить (но не обязательно) системные изменения и которые касаются отдельных элементов общественной системы и отдельных видов деятельности (например, культурной деятельности). Трансформировавшись, эти элементы и виды деятельности в какой-то момент могут привести от одной (сформированной, известной) системы к другой — малоизвестной, сформировавшейся. Попробуем указать на несколько ключевых составляющих культурной трансформации, что происходит в России в течение последних 15–20 лет¹⁹. Итак, говоря об идеологической трансформации в отечественной культуре, следует прежде всего вспомнить о переходе от ранее насаждаемого “сверху” коллективизма к быстрому распространению индивидуалистических ценностей; от мировоззрения, порожденного советской уравниловкой и “экономикой дефицита”, — к мировоззренческим установкам западного “общества потребления”²⁰.

В идеале, в результате трансформации на смену бывшим ценностям должны приходить идеалы демократии и свободного рынка, но действительность дает больше оснований считать, что трансформация носит фрагментарный и регионализированный характер, более того, она, по крайней мере в определенной степени, похожа на то, что польский культуролог Казимеж Кшиштофек назвал негативной конвергенцией (когда из двух разных культурных систем берутся преимущественно их “плохие” черты): в нашем случае, младшим и средним поколениями россиян, особенно в больших городах, все заметнее овладевают индивидуализм и потребительство, зато значительная часть старшего поколения, особенно в провинции, словно “закристаллизовалась” в своем постсоветском сознании, в ностальгии по “старым добрым временам” стабильных зарплат и цен, оптимистичным советским фильмам и песням. Эмпирические исследования в восточноевропейских странах пестрят выводами о кризисе модернизма и трудностях в обновлении традиций — эти процессы воспринимаются особенно остро. Важнейшими видами конфликтов ценностей являются конфликты между свободой и

¹⁹ См.: *Соломатина Е.Н.* Становление и развитие социологии конфликта в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 207–221.

²⁰ См.: *Ильин А.Н.* Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 112.

равенством, справедливостью и неравенством, между коллективизмом и индивидуализмом, ксенофобией и открытостью миру, демократией и авторитарностью, стремлением к общественной собственности и ориентацией на частную собственность.

Определенные социальные слои в какой-то степени сохранили модернизаторский потенциал, а в рядах образованной молодежи действуют даже постмодернистские тенденции. Однако трудно определить, насколько они самобытны, а в какой степени являются заимствованием западных стандартов и подражанием им. Этот конгломерат ценностей сказывается на позициях политических партий. Исследования выявляют значительные ценностные наложения, смешивания и комбинирования на первый взгляд несовместимых систем. Итак, ценности являются инструментами измерения, интегральной основой выбора, субъектом, социальной группой, совокупностью целей, средств, результатов и условий деятельности в контексте определенных социально-экономических отношений.

Ценностные системы формируются и изменяются в процессе исторического развития общества. Специфику имеют и другие уровни конфликта ценностей — между индивидами, малыми и большими группами. А. Турен находит резкие различия не только между ценностями отдельных стран, но и целых цивилизаций. В развитых странах Запада традиционные формы религии (протестантизм, католицизм) находятся в упадке: уровень посещения церковей снижается, обесценивается и роль традиционной морали. В то же время исламский фундаментализм с его ценностями находится на видимом подъеме, особенно в тех странах, где экономика или слабо развита, или основана исключительно на продаже нефти. В развитых западных странах наблюдается постепенное исчезновение тех систем ценностей, которые сложились в условиях дефицита, и явное распространение в обществе таких ценностей, в основе которых лежат обеспеченность и стабильность. Это обуславливается беспрецедентно высоким уровнем реального благосостояния, которым характеризуется положение народа в передовых индустриальных странах, в отличие от условий существования более ранних обществ. Поэтому в развитых индустриальных странах большинство людей оценивают достаток как нечто само собой разумеющееся и воспринимают его как должное. И именно потому, что они относятся к своему материальному благополучию как к должному, они не осознают степени влияния этой данности на их мировоззрение.

Традиционные для Западной Европы ценности, издавна играющие ключевую роль в становлении индустриального общества, т.е. экономические достижения, рост и рациональность, в какой-то сте-

пени потеряли свое влияние. На уровне общества в целом наблюдается радикальное замещение приоритетов раннего этапа индустриализации. Усиливается тенденция противостояния негативным последствиям индустриализации. На уровне индивида максимизация экономических успехов постепенно теряет приоритет: для растущей части населения куда более значимыми становятся самовыражение и стремление к осмысленной работе. Меняются и мотивации в работе: максимизация доходов как главный приоритет все очевиднее уступает место степени удовлетворенности самим процессом труда.

Конфликты ценностей в странах так называемой транзакции (где проводятся кардинальные экономические и политические реформы) имеют специфические черты. Во-первых, ценностный конфликт в странах транзакций представляет собой ярко выраженное явление с многочисленными формами проявления. Закономерным спутником начального этапа транзакции обязательно является аномия. В познавательном плане это — дезориентация, путаница целей; в эмоциональном — беспричинный страх, пессимизм; в плане мотивации — апатия, замыкание в себе.

Во-вторых, ценностная дифференциация в некоторых сферах выражена ярче (конфликт между традиционализмом и модернизмом, коллективизмом и индивидуализмом, между равенством и свободой, закрытостью и открытостью миру, между толерантностью и нетерпимостью), чем в области других возможных ценностных ориентаций. В-третьих, конфликт существует и в некоторых из перечисленных ценностных ориентациях, внутри их компонентов. В-четвертых, конфликт ценностей представляет собой результат происходящих социальных изменений (прогрессивных и регрессивных). В-пятых, ценностные конфликты варьируют, иногда даже речь идет об очень больших различиях в зависимости от культурного и экономического разнообразия стран транзакции. В-шестых, осмысление эмпирических данных мониторинга ценностных ориентаций населения транзитивных обществ свидетельствует о том, что они находится вовсе не в начале, а примерно посередине пути к модернистской системе ценностей или преодолели более половины этого пути. И, наконец, при всем разнообразии процессов в этих странах самым очевидным считается конфликт между традиционализмом и модернизмом.

Современное общество, согласно А. Турену, “находится в состоянии культурного ценностного кризиса, за которым можно усмотреть фундаментальные сдвиги в способе управления, производства, распределения, обмена и потребления, в структуре и организации

общественной жизни в целом”²¹. С одной стороны, такое общество становится все более открытым управленческим и культурным практикам, динамичным, самоорганизационным, однако, с другой — более опасным и непредсказуемым²².

Таким образом, конфликт как фактор социальных изменений в теории А. Турена имеет более описательный характер, поскольку полностью сконцентрирован на исследовании нового исторического этапа развития общества и роли общественных движений. Рассматривая специфику протестов в программируемом обществе, А. Турен остается в стороне от конкретной (практической) стороны исследования этого феномена. Кроме того, предвидя трудности в установлении четкой грани между обществом индустриальным и программируемым, А. Турен оставляет нераскрытым вопрос о судьбе индустриальных протестов в постиндустриальном обществе. Вклад А. Турена заключается в том, что он попытался выявить новые универсальные законы, на которых базируется новый тип социальных отношений, порождающий новые формы социальных конфликтов²³. Конечно, нельзя не заметить специфичность восприятия идей А. Турена в отечественной науке, основанной на знакомстве только с незначительной частью его интеллектуального наследия. Отсюда — в большей степени прерывистое и неполное восприятие его теории и лишь единичные исследовательские поиски за пределами его основных трудов. Поэтому его научные взгляды еще предстоит более детально осмыслить и систематизировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипов А.Г., Маркова Ю.С. А. Турен о причинах кризиса социологии и путях выхода из него // Вестн. Пермск. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2012. № 1.

Бронзино Л.Ю. “Антисоциология” Алена Турена // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология. 2008. № 1.

Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 — начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестн. общественного мнения. 2012. № 2 (112).

Ефременко Д.В. Турен А. Социология после социологии // Социологический ежегодник, 2009: Сб. научных трудов / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2009.

²¹ См.: *Антипов А.Г., Маркова Ю.С.* А. Турен о причинах кризиса социологии и путях выхода из него // Вестн. Пермск. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2012. № 1. С. 87.

²² Там же.

²³ См.: *Каневский П.С.* Указ. соч. С. 153.

Ильин А.Н. Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. № 3.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.

Казаков В. Концепция нового социального конфликта Алена Турена // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3.

Каневский П.С. Политика и демократия в трудах Алена Турена // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Кимелев Ю.А. Ален Турен. Критика модерна // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 1999. № 1.

Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее теоретической социологии в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX — начала XXI в.: отход от “социологической ортодоксии” // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 4.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 1.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 2003.

Соломатина Е.Н. Становление и развитие социологии конфликта в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 2.

Соломатина Е.Н. Сущность социального протеста: теоретико-методологический аспект // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 10 (64).

Соломатина Е.Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 1 (33).

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4.

Турен А. Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1 (перевод Д. Карасева).

REFERENCES

Antip'ev A.G., Markova Ju.S. A. Turen o pricinah krizisa sociologii i putjah vyhoda iz nego // Vestn. Permsk. un-ta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2012. N 1.

Bronzino L.Ju. “Antisociologija” Alena Turena // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser. Sociologija. 2008. N 1.

Efremenko D.V. Turen A. Sociologija posle sociologii // Sociologicheskij ezhegodnik, 2009: Cbornik nautschnych trudov / Red. i soct. N.E. Pokrowckij, D.W. Evremenko. M., 2009.

Il'in A.N. Dekonsolidacija i depolitizacija, harakternye dlja obshhestva potreblenija // Sociologicheskij zhurnal. 2014. N 3.

Inozemcev V.L. Sovremennoe postindustrial'noe obshhestvo: priroda, protivorechija, perspektivy. M., 2000.

Kazakov V. koncepcija novogo social'nogo konflikta Alena Turena // Sociologija: teorija, metody, marketing. 2008. N 3.

Kanevskij P.S. Politika i demokratija v trudah Alena Turena // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2015. N 2.

Kimelev Ju.A. Alen Turen. Kritika moderna // Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 3. Filosofija. 1999. N 1.

Osipova N.G. Proshloe, nastojashhee i budushhee teoreticheskoy sociologii v Rossii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2015. N 2.

Poljakova N.L. XX vek v sociologicheskijh teorijah obshhestva. M., 2004.

Poljakova N.L. Metodologicheskie osnovanija postroenija teorii obshhestva v sociologii konca XX — nachala XXI v.: othod ot "sociologicheskoy ortodoksii" // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2011. N 4.

Poljakova N.L. Social'noe neravenstvo v sociologicheskijh teorijah vtoroj poloviny XX v. Oformlenie konstruktivistskoj perspektivy // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2015. N 1.

Poljakova N.L. Novye teoreticheskie perspektivy v sociologii nachala XXI v. // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2015. N 2.

Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija / Pod obshh. red. G.V. Osipova. M., 2003.

Solomatina E.N. Stanovlenie i razvitie sociologii konflikta v Rossii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2011. N 2.

Solomatina E.N. Sushhnost' social'nogo protesta: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2013. N 10 (64).

Solomatina E.N. Social'nye protesty v sovremennom mire: sociologicheskij analiz // Vestn. Nizhegorodsk. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Social'nye nauki. 2014. N 1 (33).

Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii. M., 1998.

Turen A. Social'nye izmenenija dvadcatogo stoletija // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. T. 2. N 4.

Turen A. Ideja revoljucii // Sociologicheskoe obozrenie. 2014. T. 13. N 1 (perevod D. Karaseva).

Volkov D. Protestnye mitingi v Rossii konca 2011 — nachala 2012 gg.: zapros na modernizaciju politicheskijh institutov // Vestn. obshhestvennogo mneniija. 2012. N 2 (112).

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕТИ**

D.E. Dobrinskaya, candidate of sociology, associate professor at the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF INTERNET: THEORETICAL APPROACHES TO THE NETWORK ANALYSIS

Изучение интернета осуществляется в рамках различных научных дисциплин и с точки зрения различных исследовательских перспектив. Социологическая наука изучает интернет, прежде всего, как новую технологию, революционное средство массовых коммуникаций и особое социальное пространство. Перед исследователями при этом возникают трудности, связанные со скоростью развития и распространения интернет-технологий, сбором и фильтрацией необходимых материалов, связанных с интернетом, а также разработкой новой понятийности, способной отразить влияние интернета на социальные процессы и явления, происходящие в современном мире. В связи с этим возникает вопрос применения категории “сети”, поскольку именно сеть является основой функционирования интернета, и именно сеть фундирует практически все социальные взаимодействия в современном обществе, характеризуемом поэтому как сетевое. В перспективе исследования интернета три сетевых теоретических направления являются наиболее актуальными: теория сетевого общества, анализ социальных сетей и акторно-сетевая теория. Каждый из этих теоретических подходов вносит свой вклад в изучение интернета и его влияния на все сферы жизнедеятельности современного общества, так как способствует созданию образов взаимодействий между людьми во всей их полноте и динамике, а также позволяет получать полную информацию о сущности этих взаимодействий.

Ключевые слова: сеть, сетевое общество, анализ социальных сетей, акторно-сетевая теория, интернет.

Internet studies are carried out by various scientific disciplines and in different research perspectives. Sociological studies of the Internet deal with a new technology, a revolutionary means of mass communication and a social space. There is a set of research difficulties associated with the Internet. Firstly, the high speed and wide spread of Internet technologies' development. Secondly, the col-

* **Добринская Дарья Егоровна**, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

** Начало. Окончание статьи будет в № 4 за 2016 г.

lection and filtration of materials concerning with Internet studies. Lastly, the development of new conceptual categories, which are able to reflect the impact of the Internet development in contemporary world. In that regard the question of the "network" category use is essential. Network is the base of Internet functioning, on the one hand. On the other hand, network is the ground for almost all social interactions in modern society. So such society is called network society. Three theoretical network approaches in the Internet research case are the most relevant: network society theory, social network analysis and actor-network theory. Each of these theoretical approaches contributes to the study of the Internet. They shape various images of interactions between human beings in their entity and dynamics. All these approaches also provide information about the nature of these interactions.

Keywords: *network, network society, social network analysis, actor-network theory, Internet.*

В рамках современных социологических исследований интернет занимает одну из ключевых позиций. Интернет выступает объектом социологического анализа и, соответственно, в фокусе исследовательских интересов находятся социальные явления и процессы, которые становятся результатом повсеместного его распространения. Особое внимание со стороны социологов связано также с активным применением интернет-технологий для реализации различных исследовательских практик. Сегодня очевидно наличие целого ряда проблем, сопряженных с подобного рода исследованиями. Так, возникает вопрос адекватности существующей понятийности и методологии социологической науки в применении к изучению интернета. Исследовательская специфика анализа интернета связана еще и с высокими темпами развития, а также масштабами распространения и диапазоном применения интернет-технологий. Эти технологии значительным образом трансформировались с момента изобретения интернета в 60-х гг. XX в.

Истории развития интернета посвящено множество работ¹, общий вывод которых сводится к следующему: "...интернет был рожден в результате кажущегося невероятным пересечения интересов большой науки, военных исследований и либертарианской культуры"². Интернет стал не просто одной из технологических новаций Третьей промышленной революции. Исследователи интернета сходятся во мнении, что интернет является "ключевой

¹ См., например: *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004; *Abbate J.* Inventing the Internet. Cambridge, 1999; *Gillies J., Cailliau R.* How the Web was born: the story of the World Wide Web. L., 2000; *Naughton J.A.* Brief history of the future: the origin of the Internet. Oxford, 1999.

² *Кастельс М.* Указ. соч. С. 31.

технологией информационной эпохи”³, которая стала обязательным атрибутом повседневной жизни индивида, а также определила новый облик развития общества в целом. Однако ограничивать исследование интернета лишь технологической перспективой было бы ошибкой, поскольку интернету также отводится ведущая роль в рамках анализа “новых медиа”, а кроме того, интернет-пространство рассматривается как особый тип социального пространства⁴.

При анализе интернета как особого типа социального пространства возникает необходимость оценить существующий инструментарий изучения социального поведения в интернете с точки зрения его адекватности в связи с новой исследовательской перспективой. Интернет как средство массовой коммуникации (СМК) кардинальным образом отличается от традиционных СМК. Встает вопрос о возможности применения существующих теорий коммуникации, исследующих традиционные СМК, к изучению интернета. В процессе исследования технологических аспектов интернета в центре внимания исследователей оказываются факторы, влияющие на его столь стремительное распространение и последствия этого распространения.

Обращаясь к анализу особенностей изучения интернета, следует указать на следующие моменты:

– *Скорость*. Очень часто работы, посвященные интернету, теряют свою актуальность быстрее, чем появляются в виде публикаций. Фундаментальные исследования, целью которых является объяснение тех или иных аспектов развития интернет-технологий, как правило, отстают от реального положения дел в сфере развития интернета.

– *Масштабы влияния*. В настоящее время любая область научного знания так или иначе связана с интернетом. Очевидно, что изучение интернета не ограничивается рамками социологической науки и носит междисциплинарный характер. Именно поэтому количество работ, посвященных интернету, чрезвычайно велико, что создает серьезные трудности в подборе необходимой литературы.

– *Понятийность*. Учитывая междисциплинарный характер исследования интернета и принимая во внимание возникающие при этом сложности методологии, а также неоднозначность интерпретаций многих понятий в рамках социологической теории, исследователи ставят вопрос о необходимости ревизии существующего понятийно-категориального аппарата социологической науки с целью изучения ключевых сфер социальной жизни в связи с повсеместным

³ Кастельс М. Указ. соч. С. 8.

⁴ Cavanagh A. Sociology in the age of the Internet. Maidenhead, 2007. P. 4.

распространением интернета. Социология стремится соответствовать социально-историческому контексту, характерному для обществ начала XXI в. Поэтому предпринимаются многочисленные попытки пересмотра и корректировки существующих теорий, а также разработки и внедрения новой понятийности, новой методологии и нового понимания исследовательского поля социологической науки⁵.

Один из первых вопросов, который возникает в связи с изучением интернета, связан с определением понятия “сети”, поскольку именно “интернет выполняет роль технологического базиса для организационной разновидности информационной эры — сети”⁶. Понятие “сеть” исследуется в рамках различных научных дисциплин, включая антропологию, экономику, социологию, философию, психологию⁷.

Применение концепта сети, также как и в случае с изучением интернета, сопряжено с определенным набором ограничений, в том числе в связи с наличием большого числа значений этого понятия. Как указывают исследователи сетевой концепции, понятие “сеть”, являясь категорией, получившей широкое распространение в научном обиходе, имеет сложную и запутанную генеалогию. Это связано с тем обстоятельством, что происхождение этого понятия невозможно соотнести с определенной теоретической традицией или идеями одного конкретного мыслителя. Использование понятия “сети”, прежде всего, метафорично⁸. Сеть, по крайней мере, в современном употреблении этого понятия, является тропом в силу изменения своего значения: от исследований компьютерных технологий (в которых сеть используется для анализа соединений между компьютерами и другими электронными устройствами) к социальным наукам (в которых сеть используется в качестве метафоры для обозначения нового общественного состояния или в качестве особого метода анализа социальной структуры современных обществ).

“Понятие сети, которое до начала 1970-х годов имело скорее специальное или маргинальное употребление, с тех пор стало объектом большого внимания и является сегодня ключевым для целого

⁵ Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.

⁶ Кастельс М. Указ. соч. С. 13.

⁷ См.: Knox H., Savage M., Harvey P. Social networks and the study of relations: networks as method, metaphor and form // *Economy and Society*. 2006. Vol. 35. N 1. P. 113–140; Scott J. *Social Network analysis: a handbook*. L., 2000; Freeman L.C. *The development of social Network analysis: a study in the sociology of science*. Vancouver, 2004; Wellman B. *Structural analysis: from method and metaphor to theory and substance* // *Social Structures: A Network Approach* / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Greenwich; L., 1998. P. 19–61.

⁸ Van Loon J. *Network // Theory, Culture & Society*. 2006. Vol. 23. N 2–3. P. 307.

ряда довольно разнообразных теоретических и экспериментальных работ по разным дисциплинам, так что приверженцы такого рода разработок решительно заявляют о новой парадигме”⁹.

“Сеть — это модель организации, присущая всему живому. Везде, где мы обнаруживаем жизнь, мы видим сети”¹⁰. Повсеместное распространение сетей в политической и экономической жизни современного общества способствует укреплению позиций сетевого мышления, при этом сеть рассматривается как “метафора и как модель индивидуальной и коллективной жизни”¹¹. При наличии изобилия определений сети между различными направлениями сетевого мышления практически нет согласия¹².

В связи со спецификой анализа сетевого концепта в рамках исследования интернета наиболее актуальными представляются три ключевых подхода, использующих в качестве центрального элемента категорию сети. Следует отметить, что, возникнув приблизительно в одно и то же время (середина 90-х гг. XX в.) в том виде, в котором они представлены сегодня, эти три направления исследований практически не соотносятся между собой, при этом каждое из них занимает свою нишу в рамках современной социологической науки¹³.

1. Теория “сетевого общества”, основные положения которой в оформленном виде представлены в работах М. Кастельса и Я. ван Дейка¹⁴.

2. Теории, специализирующиеся на анализе социальных сетей (Social Network Analysis, SNA). Следует указать на то, что эти разработки имеют довольно длинную историю. В настоящее время в связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий они осмысливаются по-новому, что убедительно доказывают Б. Уэллман и Дж. Скотт.

3. Акторно-сетевая теория (АСТ), представленная в работах Б. Латура, Дж. Ло, М. Каллона.

Выше уже отмечалось, что идея сети имеет длинную историю. При этом авторы тех работ, которые были написаны до начала 90-х гг. XX в., преимущественно используют понятие “сеть” как основу для анализа социальных сетей (речь здесь идет о работах

⁹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011. С. 254.

¹⁰ Капра Ф. Скрытые связи. М., 2004. С. 24.

¹¹ Barry A. Political machines: governing a technological society. L.; N.Y., 2001. P. 85.

¹² Knox H., Savage M., Harvey P. Op. cit. P. 114.

¹³ Gane N., Beer D. New media: the key concepts. Oxford, 2008. P. 16.

¹⁴ Следует также отметить работы М. Хардта и А. Негри, А. Барда и Я. Зодерквиста, Р. Хассана, которые также рассматривают сеть в качестве нового социального порядка.

в области социологии и антропологии)¹⁵. Особое место категория сети занимает в исследованиях различных компьютерных наук¹⁶.

Для описания нового качественного состояния обществ в конце XX — начале XXI вв., которые характеризуются индивидуализацией, появлением новых форм социального взаимодействия, развитием новых технологий, в том числе распространением новых средств массовой коммуникации, которые фактически сделали возможным преодоление временных и пространственных границ, представляется важным переосмысление понятия “сеть”. Как справедливо отмечает У. Бек, «споры о технике в начале XXI века, вопреки вовлеченным в эту деятельность отраслям и общественности, всегда базируются на том, что модерн сейчас уже является (а в будущем еще больше станет) миром, конституированным техникой. Это означает, что с триумфальным шествием модерна связано двойное движение: исчезновение традиционных форм безопасности и жизненных взаимосвязей — и растущая уплотняющаяся, технически — глобальная “сетевизация”, интеграция и новая организация жизненных условий»¹⁷. Интерес представляет концепт сети в перспективе развития интернета, поэтому ниже представленный анализ содержит именно те теоретические построения, которые непосредственным образом связаны с развитием информационно-коммуникационных технологий.

¹⁵ Некоторые исследователи отмечают, что еще в 40-е гг. прошлого века А. Рэдклифф-Браун для описания комплексного характера социальной структуры использовал метафору “социальная сеть”. Дж. Барнс в 1954 г. впервые употребляет понятие “социальная сеть” в своей работе “Классы и собрания в норвежском островном приходе” (“Class and committees in a Norwegian island parish”). В это же время появляются и другие исследования в рамках Манчестерской школы антропологии, представленные работами Э. Ботт, К. Митчелл и др., в которых встречается понятие “социальная сеть”. Как отмечает А.А. Никишенков, представители этой школы рассматривают “социальную сеть” как набор аналитических инструментов, не имеющих самостоятельной содержательной ценности и касающихся лишь определенных аспектов социального процесса (см. подробно об этом: *Никишенков А.А. История британской социальной антропологии*. СПб., 2008). Указывают также, что важную роль в становлении и развитии сетевого подхода сыграл социометрический метод Я.Л. Морено, который фактически стал базой для анализа и последующей интерпретации межличностных отношений в исследовании социальных сетей.

¹⁶ В этом случае сеть рассматривается как совокупность компьютеров, которые связаны между собой каналами передачи информации, необходимого программного обеспечения и технических средств, предназначенных для организации коммуникации, а также для доступа к информации. Такие сети могут быть локальными/глобальными, открытыми/закрытыми, и могут принимать различные формы или топологии, такие как “звезда”, “шина” и “кольцо”.

¹⁷ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 190.

Теории сетевого общества

Основной идеей теоретиков сетевого общества является осмысление современного общества по аналогии с компьютерными сетями в метафорическом смысле. В сетевых обществах сеть становится основой нового социального порядка, а не используется лишь в качестве метода для изучения существующего социального состояния¹⁸.

На вопрос о том, что же конкретно подразумевается под сетью в сетевом обществе, однозначного ответа у теоретиков нет. Сеть может рассматриваться как форма социального, а сетевое общество — как общество, которое характеризуется наличием в нем сетей или общество, которое представляет собой сеть.

Общество можно определить как “сетевое”, если оно обладает по крайней мере двумя фундаментальными характеристиками. Во-первых, это наличие в сетевом обществе сложных цифровых технологий сетевых коммуникаций. Во-вторых, это формирование и институционализация сетей как основной формы организации и взаимодействия социальных, политических и экономических ассоциаций в различных конфигурациях как внутри сетевого общества, так и за его пределами¹⁹.

Один из наиболее известных теоретиков сетевого общества М. Кастельс представляет обстоятельный анализ культурных и социальных трансформаций, свидетельствующих о новом качественном состоянии современного общества, демонстрируя широкий диапазон возможностей концепта “сеть”. Несмотря на тот факт, что сеть, как форма социальной организации, известна уже очень давно, только в конце XX в. она стала существовать в принципиально новых условиях — глобальных, с точки зрения масштабов их распространения, и динамичных, с точки зрения времени их протекания. Он пишет, что предпосылками к появлению и становлению новой социальной структуры, основанной на сетях, становится “слияние воедино трех независимых процессов... развития экономики, обеспечивающей гибкость управления и глобализацию капитала, производства и торговли; стремления к построению общества, в котором будут господствовать ценности свободы личности и открытой коммуникации, и поразительного прогресса компьютеров и телекоммуникаций, оказавшегося возможным благодаря революции в микроэлектронике”²⁰.

¹⁸ *Cavanagh A.* Op. cit. P. 38.

¹⁹ *Barney D.* The Network society. Cambridge, 2004. URL: <https://read.amazon.com/?asin=B00CFHYPYS> (дата обращения: 13.04.2016).

²⁰ *Кастельс М.* Указ. соч. С. 14.

Мыслитель постоянно подчеркивает, что ключевым фактором в формировании сетевого общества являются высокие темпы развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Динамичное развитие ИКТ наряду с инновациями в области микроэлектроники и генной инженерии позволило говорить о новой технологической парадигме, которая коренным образом меняет повседневную жизнь современного человека. Термин “информационное общество” с точки зрения М. Кастельса лишен смысла постольку, поскольку знание и информация всегда являлись основой общественного развития. Нынешнюю же эпоху определяет наличие новых информационных технологий, которые кардинальным образом отличны от технологий Первой и Второй промышленных революций. Новая технологическая революция, у истоков которой сегодня находится человечество, стала возможной благодаря изобретению интернета, создавшего возможности интерактивной коммуникации в режиме реального времени и в масштабах всей планеты. Именно интернет способствовал “беспрецедентному сочетанию гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации”²¹.

Очевидно, что мыслитель не рассматривает технические характеристики сети в качестве методологического инструментария анализа общества. Разработка идеи сети связана у него именно с метафоричным ее применением с совершенно определенной целью, которая состоит в том, чтобы зафиксировать процесс технологизации современных социальных отношений.

М. Кастельс определяет сеть как совокупность взаимосвязанных узлов. Топология сети зависит от типа системы, частью которой она является. При этом узлы не равнозначны в рамках одной сети: наиболее важные из них называются “центрами”. Значение каждого узла напрямую связано с доступом к информации, а доступ к ценной информации и эффективность ее обработки повышают роль и значение узла. Каждая сеть функционирует в рамках заданной программы посредством бинарного кода. Функции и значение каждого узла в сети зависят от этой программы, а также определяются в процессе взаимодействия с другими сетевыми узлами. Таким образом, значение узла для сети определяется не его внутренними характеристиками, а его способностью эффективно функционировать ради достижения целей всей сети в соответствии с ее инте-

²¹ *Вершинина И.А.* Трансформация социальной структуры в информациональном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 5.

ресами. Если в сети деятельность узла перестает вносить вклад в достижение ее целей, сеть перестраивается, удаляя нефункциональный узел и добавляя новый в случае необходимости. Узлы существуют и действуют исключительно в качестве компонентов сети. Единством выступает сеть, а не отдельный ее узел.

Для М. Кастельса ключевым моментом является рассмотрение сети как социальной структуры современного общества. Он рассматривает сети как “открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи)”²². Преимуществом социальной структуры, в основе которой лежит сетевой принцип организации, является возможность сохранения баланса структуры в условиях высокого уровня динамизма и инновационной активности.

В социальной жизни сети представляют собой коммуникативные структуры. Эти модели контактов создаются посредством передачи потока сообщений между агентами коммуникации в пространстве и во времени. Таким образом, сети производят потоки, представляющие собой движение информации между узлами. Любая сеть определяется программой с конкретными целями и правилами функционирования. Эта программа состоит из кода, который включает оценку исполнения поставленных задач и критерии успеха/неудачи, а также содержит определенный набор ценностей или производственных задач. В социальных или организационных сетях акторы, отстаивая свои ценности и интересы во взаимодействии с другими, фактически стоят у истоков создания и программирования сетей²³.

Сети либо сотрудничают, либо конкурируют друг с другом. Они сотрудничают, поскольку способны коммуницировать между собой благодаря наличию общего кода, оперативной совместимости или доступу к точкам пересечения. Сети конкурируют, поскольку одна сеть способна превзойти другие в эффективности выполнения поставленных задач, а также кооперироваться с другими сетями. Сети являются сложными структурами коммуникации. Они целостные и гибкие, запрограммированные и самонастраиваемые одновременно, благодаря их уникальной способности легко адаптироваться к операционной среде²⁴.

²² Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 495.

²³ Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. С. 37.

²⁴ Там же. С. 38.

М. Кастельс неоднократно подчеркивает долгую историю существования сетевой формы организации, при этом ограниченный интерес к ним в прошлом связывает с тем, что в реальности эти сети подчинялись логике вертикальных организаций, власть которых осуществлялась через общественные институты, распространяясь посредством односторонне направленных потоков управленческих команд. Превосходство иерархических структур над горизонтальными сетями было связано с невозможностью преодоления пространственно-временных границ. Сила же сетей состоит в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию. В условиях же функционирования доэлектронных коммуникационных технологий сети менее эффективны, чем вертикально организованные командно-административные структуры²⁵. Сети, формирующиеся в процессе инновационных технологических трансформаций, оказались самыми эффективными организационными формами благодаря их гибкости, масштабируемости и живучести, а, главное, благодаря их интерактивности.

Эти выводы позволяют М. Кастельсу выдвинуть идею оформления нового типа общества — сетевого общества, в котором социальная структура выстраивается вокруг сетей, активируемых посредством переведенной в цифровую форму информации и основанных на функционировании коммуникационных технологий. Сама эта структура также представляет собой сеть. Ученый пишет, что человечество становится свидетелем преобразования “материальных основ общества, организованных вокруг пространства, которое пронизано потоками и где отсутствует время”²⁶. Он отмечает, что за этой метафорой стоит серьезная гипотеза о том, что важнейшие общественные функции организуются в сетевые структуры в пространстве потоков, которое объединяет их по всему миру, одновременно разобщая второстепенные функции и самих людей в другом пространстве, состоящем из локалий, которые оказываются оторваны друг от друга. Таким образом, безвременье становится результатом отрицания времени в сетевых структурах пространства потоков. Конец истории, нашедшей свое воплощение в бесконечном обороте компьютеризированных финансовых потоков и в завершающихся в мгновение ока “хирургических” войнах, подминает под себя биологическое время нищеты и механическое время труда на производстве²⁷. Социальное построение новых форм пространства и времени ведет к развитию глобальной сети.

²⁵ Кастельс М. Власть коммуникации. С. 39.

²⁶ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. С. 502.

²⁷ Там же. С. 504.

Позиция М. Кастельса состоит в том, что сетевое общество есть глобальное общество. Однако он подчеркивает, что несмотря на ее глобальный характер далеко не все индивиды включены в эту глобальную сеть сетей. Большинство оказываются исключенными из нее. Он подчеркивает, что каждого затрагивают процессы, происходящие в глобальных сетях, которые оформляют эту новую сетевую социальную структуру. В рамках этой структуры формируются ценности, создаются культурные коды и кодексы и принимаются решения, связанные с властью и управлением. Общество сетевых структур, выступая в качестве нового социального порядка, большинством воспринимается как глобальный беспорядок, как запрограммированная, произвольная последовательность событий, следующая неконтролируемой логике рынка, технологий, геополитических факторов или биологической детерминанты. Сохраняется лишь доминирование над деятельностью и людьми, находящимися вне сетей. Глобальное одерживает верх над локальным, пока локальное не будет связано с глобальным в качестве узла альтернативных глобальных сетей, созданных социальными движениями.

Таким образом, фактически неравномерная глобализация сетевого общества является важнейшим свойством новой социальной структуры. Сетевое общество сосуществует с промышленными и аграрными обществами²⁸.

Таким образом, М. Кастельс рассматривает сеть, как состоящую из индивидуальных связей, пространств, технологий и функций. Элементы выборочно подключены к сети, которая является особенной, а не обладает универсальными характеристиками. Сеть трансцендирует свои элементы и функционирует как самостоятельный актор. Эта сеть функционирует на глобальном уровне, формируется на основе глобальных императивов и продвигает интересы элиты.

Я. ван Дейк называет XXI в. эпохой сетей, поскольку сети стали “нервной системой” современного общества²⁹.

В настоящее время в социологии представлен целый ряд теорий, которые осуществляют анализ современного общества с точки зрения оказываемого на него влияния со стороны новых информационных и коммуникационных технологий. Я. ван Дейк подробно рассматривает теории информационного и сетевого общества. Так, теоретики информационного общества фокусируют свое внимание на содержании основных видов деятельности в этом новом обществе. Авторы же теорий сетевого общества рассматривают трансформацию организационных форм и (инфра)структуры общества.

²⁸ Кастельс М. Власть коммуникации. С. 42—43.

²⁹ Van Dijk J. The Network society. Social aspects of new media. L., 2006. P. 2.

В информационном обществе высока динамика информационной активности, и, как следствие, главными организующими принципами становятся принципы научности, рациональности и рефлексивности. В основе экономической деятельности лежит воспроизводство и обмен информацией, поэтому рынок труда предъявляет высокие требования к уровню знаний и обязательному наличию высшего образования. Отсюда еще одна характеристика современного общества как общества знаний. В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий в формировании культуры главенствующую роль сегодня играют средства массовой информации.

В концепции сетевого общества центральным элементом анализа являются формы организации процессов производства и обмена информацией, непосредственным образом связанные с функционированием развитой инфраструктуры социальных и медиа сетей. Сетевое общество — это такая форма социальной организации, в которой инфраструктура социальных и медиа сетей определяет способ организации общества на всех уровнях его функционирования (индивидуальный уровень/уровень организации или группы/уровень общества в целом). Со временем сети охватывают и связывают все части этой социальной организации. При этом Я. ван Дейк подчеркивает, что в западных обществах главным элементом сетевого общества является индивид, который с помощью сетей связан с другими индивидами, группами и обществом в целом, а в восточных — семья, сообщество, рабочая команда.

Важное место исследователь отводит понятию “сеть”, которую определяет как совокупность соединений между элементами целого. Сети, являясь довольно сложным способом организации, оформляют системы как в природной, так и в социальной среде. Фактически, они производят порядок из хаоса, соединяя элементы определенным образом. Элементами сети являются узлы, а целое представляет собой систему. Сеть возникает тогда, когда наличествует по крайней мере три элемента и два соединения между этими элементами-связями. В сетевом подходе внимание исследователей сосредоточено не на элементах, образующих целое, а на организации и отношениях, т.е. на изучении и описании связей, возникающих между этими элементами. И это является общим местом как для естественных, так и для общественных наук, в которых анализ связей между частями становится важнее анализа сущности самих частей³⁰.

Определив сеть как основу для сложной организации порядка в природной и социальной среде, Я. ван Дейк предлагает следующую типологию сетей:

³⁰ *Van Dijk J. Op. cit. P. 24.*

- *физические сети*, которые представляют собой сложные физические системы, такие как экосистема, речная система и т.п.;
- *органические сети*. Примером могут быть нервная система, система кровообращения или двойная спираль ДНК в организме человека;
- *нейронные сети*. Здесь можно рассматривать сложные нейронные системы, ментальные карты;
- *социальные сети*, которые представляют собой системы конкретных связей во всем многообразии абстрактных отношений между индивидами;
- *технические сети*, к примеру, дорожная сеть, телекоммуникационные или компьютерные сети;
- *медиа сети*. Это такие сети, которые соединяют отправителя и получателя информации³¹.

Инфраструктура сетевого общества представляет собой социальные, технические и медиа сети, которые пронизывают все уровни и охватывают все сферы жизнедеятельности современного общества. Я. ван Дейк подчеркивает, что сетевой способ организации отношений связан с изобретением языка. И в этом смысле, рассматривая особенности социальных сетей, он рассуждает в русле классической антропологической традиции. Так, социальные сети представлены на следующих уровнях:

- *Индивидуальные отношения*. Здесь социальные сети рассматриваются как связи индивидов с другими членами семьи, друзьями, соседями, коллегами по работе и т.п. В современном обществе на функционирование таких социальных сетей большое влияние оказывают технические сети (электронная почта, мобильная связь).
- *Отношения внутри группы или организации*. Эти отношения формируются в процессе создания различных групп или коллективов, которые могут быть постоянными (институты и организации) или временными (проектные команды) в зависимости от целей и задач этих образований. Компьютерные и телекоммуникационные сети способствуют эффективному воспроизводству взаимоотношений в современных группах, коллективах или организациях. Благодаря возможности виртуального взаимодействия групповые и организационные структуры становятся гибкими и независимыми от условий пространства и времени. Поэтому такие организации приобретают, как правило, сетевую структуру.
- *Уровень общественных отношений*. Индивиды, группы и организации в процессе их взаимодействия во всех общественных сферах

³¹ Van Dijk J. Op. cit. P. 25.

(экономика, политика, культура) оформляют сетевое общество, основанное на функционировании социальных и медиа сетей.

– *Уровень глобальных отношений в мировой системе обществ и международных организаций.* Нынешняя эпоха становится эпохой глобальной сети, что объясняется созданием глобальной системы международных отношений, а также всепроникающим влиянием международных корпораций. Эти глобальные тенденции имеют место благодаря развитию сетей международного телерадиовещания, телекоммуникаций и компьютерных сетей³².

Я. ван Дейк пишет, что с точки зрения иерархии, все способы социальной организации можно условно разделить на иерархические и гетероиерархические. Очевидно, что сети относятся ко второй группе. В структурах, организованных по иерархическому принципу, нижестоящие уровни всегда полностью включены в выше расположенные. Таким образом, получается, что индивиды образуют группы, которые, соответственно, оформляют общество. При этом низшие уровни в иерархии находятся под контролем высших. Гетероиерархический способ организации не предполагает обязательного включения всех элементов более низкого уровня в выше стоящий. На основе анализа организации социальных сетей на различных уровнях видно, что элементы одного уровня содержат отношения и структуры, которые могут пересекаться с элементами на вышестоящих или нижестоящих уровнях, но необязательно в этом процессе участвуют все элементы. Сети пронизывают эти структурные отношения, проходя через все уровни и соединяя их между собой. При этом вопрос контроля не относится ни к высшему, ни к низшему уровню такой структуры. Таким образом, в сетях реализуются сложные взаимодействия, которые происходят внутри и между уровнями, а сети повышают гибкость организационной структуры.

Примерами таких проходящих сквозь все уровни сетей являются отношения индивидов, принадлежащих определенной семье, группе, подразделению, организации, с другими индивидами в группах, организациях и сообществах, к которым они не принадлежат. В процессе взаимодействия создаются новые структуры. По аналогии можно рассмотреть взаимодействия организаций, которые пересекают границы обществ и национальных государств.

Использование телекоммуникационных и компьютерных сетей способствует распространению подобных практик. А современный мир уже попросту невозможно представить без этой плотной сети взаимодействий, которые также связывают различные уровни коммуникаций (между индивидами, группами или обществом в целом).

³² Van Dijk J. Op. cit. P. 25–27.

Это становится возможным благодаря появлению и повсеместному распространению интернета.

Являясь представителем сетевого подхода, Я. ван Дейк стремится уточнить свою позицию, определяя ее как “умеренную”. Согласно традиционному сетевому подходу, который теоретик называет “радикальным”, приоритет отдается форме, а не содержанию отношений в сети. Анализ социальных сетей в русле логики этого радикального подхода акцентирует внимание на морфологии связей и узлов, при этом практически не принимая во внимание особенности самих социальных объединений и то, что происходит внутри и между ними. Получается, что коммуникативные действия акторов, которые используют и создают правила, ресурсы и значения в процессе взаимодействий, остаются за пределами исследовательского интереса традиционного сетевого подхода.

Для Я. ван Дейка важны не только отношения (связи) между элементами, но и характеристики этих элементов. Интерес представляют также конфликты, которые происходят в случае рассогласования отношений между элементами. Новые цифровые коммуникационные сети действуют за пределами пространства и времени, в глобальной 24-часовой экономике. Их функционирование сталкивается с проблемами биологических ограничений человеческого организма (как элемента сети), который работает в своем ритме, ему необходим отдых, что явно расходится с интересами технологии и экономики.

Еще одна черта радикального сетевого подхода, по мнению автора, связана с тем, что сеть рассматривается как основной элемент современного общества (в частности, в теории сетевого общества М. Кастельса). У Я. ван Дейка такими элементами являются люди, домохозяйства, группы и организации, которые становятся все более связанными посредством социальных и медиа сетей. В современном западном обществе именно индивид является основным элементом общества, но не сеть. Совокупность социальных и медиа сетей формирует всеобъемлющую сетевую структуру современных обществ. Такое сочетание оправдывает использование метафоры сети, которая становится “нервной системой” современных высокотехнологичных обществ.

Таким образом, сетевое общество — это такая форма общества, в которой отношения в медиа сетях постепенно вытесняют взаимоотношения в социальных сетях, осуществляющихся лицом к лицу. Это означает, что социальные и медиа сети оформляют новый способ организации и наиболее важные структуры современного общества. Я. ван Дейк не согласен с утверждением М. Кастельса о том, что сеть и есть современное общество. Общество по-прежнему со-

стоит из отдельных индивидов, пар, групп и организаций. Он признает, что именно сети оформляют современные социальные отношения, но сами по себе сети не являются обществом. Отношения и взаимодействия по-прежнему происходят между индивидами.

Современные общества находятся в процессе перехода от массового типа к сетевому типу организации. Именно сетевая структура становится основой каждой отдельной системы общества, а также соединяет все эти сферы между собой. Сетевая структура также соединяет все уровни общества, частную и общественную его сферы. Фактически происходит стирание этих ограничений, в том числе и благодаря интернету, который способствует нивелированию границ между межличностными, организационными и массовыми коммуникациями.

Структура сети характеризуется дуальностью, поскольку сети соединяют и разъединяют одновременно. Они имеют центры, узлы и отношения между ними. В этих точках находятся индивиды, которые участвуют в принятии решений или исключены из этого процесса.

Отвечая на вопрос, является ли сетевое общество радикально новым типом общества, исследователь указывает, что изменения, происходящие в обществе благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, носят эволюционный характер, и поэтому сетевое общество не будет совершенно новым типом общества. Он признает, что наблюдаемые социальные изменения чрезвычайно динамичны и происходят намного быстрее, чем это было в прошлом. Социальные, экономические и медиа сети, товары, идеи, материальные ценности, заболевания и все типы кризисных явлений распространяются намного быстрее. Однако сетевое общество является неустойчивым типом.

Социальные последствия распространения новых медиа не смогут изменить основы функционирования современных обществ, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Экономика по-прежнему характеризуется капиталистическими отношениями, с той лишь разницей, что новые медиа способствуют повышению их эффективности и гибкости. Развитие информационно-коммуникационных технологий не сможет остановить наступление экологической катастрофы, но в то же время будет способствовать повышению эффективности использования природных ресурсов. Глобализация экономики также не связана исключительно с развитием новых медиа. Национальные государства также не перестанут существовать в результате распространения ИКТ. Все возрастающий уровень социального неравенства не является причиной распространения информационно-коммуникационных технологий, однако исклю-

чение из пользования ими может стать причиной увеличения этого разрыва. Поэтому сетевое общество, по мнению Я. ван Дейка, является фактически одной из характеристик современного общества, а сеть используется как метафора, способная наилучшим образом отразить важные тенденции его развития.

Таким образом, для теоретиков сетевого общества использование “сети” является метафорой нового типа общества, более гибкого, децентрализованного и индивидуализированного, основой развития которого является повсеместное внедрение и распространение новых информационно-коммуникационных технологий, в том числе интернета. Это не означает, что прежде в истории человечества не было сетей. Как отмечают М. Хардт и А. Негри, “сеть стала всеобщей формой, которой свойственно определять то, как мы понимаем мир и действуем в нем... Сети — это такая форма организации, сотрудничества и коммуникативных связей, которая диктуется нематериальной производственной парадигмой”³³. Теории сетевого общества и ставят своей целью продемонстрировать эти новые тенденции в жизни современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.

Вершинина И.А. Трансформация социальной структуры в информационном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3—17.

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

Капра Ф. Скрытые связи. М., 2004.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.

Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29—46.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

REFERENCES

Abbate J. *Inventing the Internet.* Cambridge, 1999.

Barry A. *Political machines: governing a technological society.* L.; N.Y., 2001.

³³ *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 181.

Bek U. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vseмирno-političeskaja jekonomija. M., 2007.

Boltanski L., K'japello Je. Novyj duh kapitalizma. M., 2011.

Cavanagh A. Sociology in the age of the Internet. Maidenhead, 2007.

Freeman L.C. The development of social Network analysis: a study in the sociology of science. Vancouver, 2004.

Gane N., Beer D. New media: the key concepts. Oxford, 2008.

Gillies J., Cailliau R. How the Web was born: the story of the World Wide Web. L., 2000.

Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii. M., 2006.

Kapra F. Skrytye svjazi. M., 2004.

Kastel's M. Stanovlenie obshhestva setevykh struktur // Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija. M., 1999.

Kastel's M. Galaktika Internet. Ekaterinburg, 2004.

Kastel's M. Vlast' kommunikacii. M., 2016.

Knox H., Savage M., Harvey P. Social networks and the study of relations: networks as method, metaphor and form // Economy and Society. 2006. Vol. 35. N 1. P. 113–140.

Naughton J.A. Brief history of the future: the origin of the Internet. The World Wide Web. Oxford, 1999.

Nikishenkov A.A. Istorija britanskoj social'noj antropologii. SPb., 2008.

Poljakova N.L. Novye teoreticheskie perspektivy v sociologii nachala XXI v. // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2015. N 2. S. 29–46.

Scott J. Social Network analysis: a handbook. L., 2000.

Van Dijk J. The Network society. Social aspects of new media. L., 2006.

Van Loon J. Network // Theory, Culture & Society. 2006. Vol. 23. N 2–3.

Vershinina I.A. Transformacija social'noj struktury v informacional'nom gorode // Sociologija goroda. 2013. N 3. S. 3–17.

Wellman B. Structural analysis: from method and metaphor to theory and substance // Social Structures: A Network Approach / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Greenwich; L., 1998. P. 19–61.

А.И. Кравченко, докт. социол. наук, проф., ведущий науч. сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ Н.И. ЛАПИНА

A.I. Kravchenko, doctor of sociology, professor, leading researcher of the Department of history and theory of sociology of the sociological faculty of Moscow State University, e-mail: kravchenkoai@mail.ru

N.I. LAPIN'S SOCIOLOGY OF ORGANIZATIONS

В советский период социология организаций не являлась ведущим направлением, поскольку используемый в ней концептуальный аппарат, глубина и основательность проработки проблематики не всегда импонировали идеологическим установкам властей. Куда более лояльной выглядела социология труда, доказывавшая преимущества социализма перед капитализмом. Но именно эта особенность позволяет считать ее не устаревшим сводом фундаментальных знаний, опираясь на который мы смело можем продвигаться вперед. Значимый вклад в развитие этой области социологии внес видный российский ученый Н.И. Лапин, которого современные читатели знают как специалиста совсем в других направлениях.

Над изучением структуры и функционирования организаций, сплоченности малой рабочей группы, бригадных форм организации труда, лидерства и стилей руководства, соотношением формальной и неформальной структуры, профессионально-квалификационной структуры, профессиональным отбором и расстановкой кадров, трудовой дисциплины, организационных инноваций, условий и оплаты труда, мотивации и стимулирования, наконец, воспитанием работника и идеологической деятельностью в трудовом коллективе в 1960–1980-е гг. трудились сотни, если не тысячи специалистов самых разных профилей и подготовленности — социологи, психологи, экономисты, философы, педагоги, юристы, инженеры. Методологической основой социологии организаций у Н.И. Лапина служат инновационный подход, теория социальных групп, ценностно-нормативный подход и трехфункциональная схема организационной структуры предприятия.

Ключевые слова: социология, организация, структура, коллектив, группа.

In the Soviet period, sociology of organizations was not a leading trend, as used in its conceptual apparatus, the depth and thoroughness of the study of the problems is not always impressed by the ideological authorities. Much more loyal looked sociology of work, to prove the superiority of socialism over capitalism.

* Кравченко Альберт Иванович, e-mail: kravchenkoai@mail.ru

But this feature makes it possible to consider it not outdated set of fundamental knowledge, based on which we can move forward boldly. A prominent contribution to the development of the field sociology has made a prominent Russian scientist N.I.Lapin, which modern readers know as a specialist in completely different directions.

Over the study of the structure and functioning of organizations, cohesion small working group of brigade forms of work organization, leadership and management styles, formal and informal structure of the relationship, skill mix, professional selection and placement of personnel, labor discipline, organizational innovation, conditions and remuneration, motivation and stimulation, finally, the education of the worker and ideological activities in the workplace in the 1960–80s worked hundreds if not thousands of professionals of various profiles and preparedness: sociologists, psychologists, economists, philosophers, teachers, lawyers, engineers. The methodological basis of sociology of organizations have N.I. Lapin are an innovative approach, the theory of social groups, value-regulatory approach and the three-functional diagram of the organizational structure.

Keywords: sociology, organization, structure, team, group.

Обращение к историческому прошлому социологии необходимо не только студентам, знакомящимся с ней впервые, но и преподавателям, которые не всегда имеют доступ к нужной литературе часто по причине ее отсутствия. Сегодня мы стали больше публиковать материалов из истории дореволюционного периода и современной зарубежной социологии. К советскому периоду мы относимся пока еще с некоторой осторожностью, считая, видимо, все сделанное тогда “не совсем научным”. Мол, над всем доминировала идеология, она и не позволяла творить истинную науку. На самом деле, наука в 1960–1980-е гг. была что ни на есть самая подлинная. Неподлинной была идеология. Доказательством существования такой науки в советский период служит социологическая концепция организации, автор которой и сегодня продолжает плодотворно трудиться, поражая коллег фундаментальными открытиями¹.

Николай Иванович Лапин был признан одним из ведущих теоретиков отечественной социологии организаций еще в 1960–1980-е гг., т.е. в период наивысшего развития советской социологии. В ряде своих работ он обозначил предметную сферу социологии организаций — социальную организацию предприятия, выделил процессы и отношения в производственной организации, попытался проанализировать социальные функции, выполняемые организацией, их структуру и анатомию². Н.И. Лапин определяет социальную орга-

¹ Кравченко А.И. История социально-экономической мысли в России. М., 2010.

² Лапин Н.И. Проблемы социологического анализа организационных систем // Вопросы философии. 1974. № 7; Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1975.

низацию в широком смысле — как коллектив (организационно оформленное множество работников, объединенных производством необходимой обществу продукции), и в узком — как систему социальных групп и отношений между ними.

Свою научную деятельность Н.И. Лапин начал в 1965 г., когда ушел с должности заведующего редакцией литературы по истории философии и стал старшим научным сотрудником Института философии. Точнее сказать, сектора новых форм труда и быта (затем — сектор социологических исследований), который был первой социологической ячейкой в академических научных учреждениях страны (руководил сектором Г.В. Осипов; там уже активно работали В.В. Колбановский, Н.Ф. Наумова, В.Б. Ольшанский и еще около 20 человек). Сферой его научных интересов стала теория социальных групп и социальная структура общества, а также неформальные группы в производственной организации, как их составная часть³. Эмпирические исследования он начал летом 1966 г., предметом избрал роль поощрений и наказаний в первичном производственном коллективе (участке мастера). Объектом полевых работ стал Подольский механический завод — крупный производитель швейных машин промышленного и бытового назначения (до Октябрьской революции — завод Зингера)⁴. Н.И. Лапин вместе с помощниками Т.С. Сыровой и В.Н. Шаленко получили интервью от всех работавших в момент опроса на 27 участках (около 500 рабочих и 27 мастеров). На основе полученных данных были составлены социометрические матрицы взаимных симпатий/антипатий работников трудовых коллективов⁵.

Базовые положения, а также эмпирические изыскания в области социальной организации изложены в целом ряде публикаций Н.И. Лапина. После свертывания работ над исследовательским проектом “Социальная организация” (СО) в ИКСИ в 1973 г. Н.И. Лапин в 1974 г. изложил суть своих взглядов на эту проблему в статье “Проблемы социологического анализа организационных систем” (Вопросы философии, 1974, № 7). Ее высоко оценил не только В.Г. Подмарков, с которым Н.И. Лапин не раз обсуждал интересовавшие их вопросы, но и другие отечественные социологи. Публи-

³ На эту тему он выступил с докладом на Всесоюзной конференции (Ленинград, 1967) и опубликовал статью: *Лапин Н.И.* Проблема неформальной группы в индустриальной социологии // Социальные исследования. Вып. 2. М., 1968.

⁴ Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов на предприятии (Генеральный проект ИКСИ АН СССР, 1968—1973 гг.). М., 2004. С. 9.

⁵ См.: *Лапин Н.И.* Человек в трудовом коллективе // Социология и идеология. М., 1969; *Болотова Н.Ф., Лапин Н.И.* Поощрения и наказания как оперативные средства руководства // Руководитель коллектива. М., 1974.

кация и сегодня не утратила своей актуальности, поскольку ссылки на нее появляются до сих пор. Одновременно вышла книга “Руководитель коллектива” (1974), в которой приведены результаты эмпирических исследований, проведенных аспирантами по ИКСИ, участвовавшими вместе с Н.И. Лапиным в проекте СО (И.Ф. Болотова, Ю.Е. Дуберман, Ю.Л. Неймер, В.Н. Шаленко).

В одной из своих ранних статей⁶, посвященных этой теме, автор дает некоторые базовые понятия социальной организации с точки зрения теории социальных групп. Под социальной группой (СГ) понимается совокупность работников, объединенных по значимому для них признаку, имеющих одинаковое положение (статус) в организации, общие интересы, ценности, нормы и образцы поведения⁷. Организацию он определяет как способ объединения множества индивидов для достижения определенной цели (или целей). По своему содержанию она представляет систему отношений между людьми.

СГ стоит на перепутье двух социальных потоков: через нее от общества (и организации) к индивиду идут ценности и нормы, а в обратном направлении — от индивида к организации (и обществу) — идет поток правил поведения (ценностные ориентации, нормативные установки, образцы поведения). На стыке этих двух процессов и возникают собственно групповые правила, дающие основание рассматривать ее как реальную группу⁸.

Н.И. Лапин выделяет два типа требований, предъявляемых работнику организацией: ценностные (обоснование цели организации) и нормативные (регулирующие поведение индивида). Особенно тщательно в организации регламентируются отношения власти, субординации и координации, правила приема новых членов и выхода из нее. Н.И. Лапин выделяет три функции организации: 1) целевую (продуктивную); 2) интегративную (объединение членов организации); 3) изменяюще-поддерживающую (поддержание социального статуса членов организации). В соответствии с ними существуют три типа социальных процессов функционирования организации — базовые (социально-трудовые), интегративные, изменяюще-поддерживающие. Надо сказать, что концепцию идентификационного ядра предприятия впервые выдвинул А.В. Тихонов еще в начале 1970-х гг. в рамках проекта СО, но лишь в формате опросной методики. Она не публиковалась вплоть до 2005 г. Н.И. Лапин обобщил его идею, предложив теоретическую концепцию идентификационных слоев предприятия, включающих ядро.

⁶ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии // Социология и производство. Казань, 1976.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 96–97.

В направлении от индивида к организации идет поток чего-то более конкретного и мощного: ожиданий (повышение зарплаты, получение жилья, устройство ребенка в садик и т.д., что можно решить именно с помощью предприятия), жалоб и предложений, а от организации к индивиду тянется шлейф заданий, приказов, окриков, штрафов, обещаний, вознаграждений, давления и т.п.

Социальные отношения, составляющие внутреннюю природу СГ, обладают следующими параметрами: группообразующий фактор, морфология и динамика группы, направление действия и степень формализации этих параметров, интеграция группы. Группообразующий фактор представляет собой совокупность признаков, на основании которых СГ выделяется именно как группа. Им может оказаться, например, цель деятельности. Морфологические параметры образуют “кристаллическую решетку” СГ. К ним относятся размер группы, наличие подгрупп, статусная система, “система престижей”, физические условия. К динамическим параметрам можно отнести все то, что заставляет СГ двигаться и развиваться, а именно: источники динамики (потребности, интересы, стимулы, мотивы, нормы), каналы коммуникации и средства контроля (вознаграждения и наказания), стандартизированные виды поведения (роли и образцы; роли — поведенческий аспект статуса, образец — поведенческий аспект нормы), уровни актуального поведения (индивидуальные поступки, групповые события и групповой процесс, понимаемый как статистически устойчивая последовательность групповых событий, ведущих к сохранению или изменению состояния группы), механизмы актуального поведения (детерминированные зависимости одних параметров от других, определяющие характер, направление и темпы групповых событий и процессов).

По существу перед нами одна из самых развернутых и основательных социологических теорий социальной группы, созданных к середине 1970-х гг. в отечественной науке. А поскольку СГ выступают основой социальной организации, то предложенную Н.И. Лапиным модель следует считать и одной из самых разработанных отечественных концепций социальной организации.

Среди различных критериев, на основании которых можно и нужно классифицировать СГ, а именно размер, статус, характер контроля, степень формализованности структур и механизмов динамики, Н.И. Лапин выбирает критерий отношения к собственности и проводит его методологический анализ. Оказывается, он работает только при капитализме, при котором существуют группы владеющих средствами производства (капиталисты) и не владеющих ими (рабочие). При социализме он не работает, поскольку классовые различия между людьми нивелированы одинаковым отношением

различных групп к этим самым средствам. “Это меняет сущность самих групп и их взаимоотношений. Между группами имеются различия по участию в управлении производством, по размерам дохода и по ряду других признаков, но определяются они прежде всего различиями в содержании деятельности различных СГ, связанными с разделением труда на современном этапе социалистического производства”⁹. Для социологии организаций самым ценным Н.И. Лапин считает поведенческий критерий. “Для целей исследования эффективности групп наибольшее значение имеет классификация групп в зависимости от детерминант их поведения, т.е. от того, характеристики какого из социальных субъектов оказывают наибольшее влияние на поведение того или иного вида групп”¹⁰.

Это означает, что при изучении СГ надо обращать внимание не на идеологический или классовый контекст, не на сознание людей и их намерения, а на вполне зримые и материальные признаки, связанные с поведением группы. А как еще можно судить об “эффективности групп”, если не анализировать конфликты, выполнение норм выработки, участие в рационализаторстве и т.п.?

Согласно подходу Н.И. Лапина, СГ складываются и функционируют под влиянием трех факторов — социальной среды, предприятия как организации, индивида. Автор предлагает проследить такое воздействие в “генетическом плане”. Первые два фактора составляют условия, а третий указывает на того, кому приходится жить в таких условиях. Социальная среда предприятия у Н.И. Лапина, как и у В.Г. Подмаркова, описывает “человеческий потенциал региона, в котором расположено предприятие”. В него входят социальная инфраструктура и трудовые резервы региона. А ничего другого для успешного функционирования организации из внешней среды и не требуется: надо знать, каких по квалификации, профессиям и демографическим данным работников может предоставить предприятию данная местность, и какие больницы, детсады, школы, химчистки и т.п. она может предоставить для их обслуживания. Все очень просто даже на интуитивном уровне, надо лишь облечь все это в научную форму.

Внутренняя среда предприятия, составляющая у Н.И. Лапина “второй ряд условий”, представлена по существу теми же компонентами — вещественными и людскими (кстати, у В.Г. Подмаркова, придерживавшегося концепции двойственности труда, они так и поименованы). Предоставленные регионом трудовые ресурсы поступают, правда, не все, а прошедшие через отдел кадров и профотбор,

⁹ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 100.

¹⁰ Там же.

на предприятие и здесь составляют основу профессионально-квалификационной структуры предприятия. К ним применяются: а) требования рабочего места, б) должностные требования, в) материальные стимулы, г) моральные стимулы. Пожалуй, впервые мы видим материальные стимулы стоящими впереди моральных. Подобное нарушение канонических правил либо осталось незамеченным цензурой (сборник статей, напомним, вышел в Казани), либо свидетельствовало о либерализации социалистических нравов. В 1960-е гг. ни в одной работе нет и намека на то, что для социалистического труженика корыстные материальные стимулы важнее общественных моральных.

Характерна для социологии организации следующая оговорка: материальные и моральные стимулы выполняют роль фильтров, привлекающих на предприятие одну часть трудовых ресурсов и отсеивающих другую. Для социологии менеджмента функцию таких фильтров призван играть профотбор. Но оказывается, что не только для социологии менеджмента, но и для социологии предприятия (например, у О.И. Шкаратана). У Н.И. Лапина система стимулов-фильтров привлекает вполне конкретных индивидов для работы в определенном подразделении и неопределенной должности, т.е. ради достижения поставленной руководством цели. Целевые функции формируют целевые группы. «Их сущность состоит в том, чтобы достигать конкретные цели (прежде всего производственные, но также и управленческо-воспитательные). Поэтому мы называем их целевыми группами. Структура и механизм динамики этих групп обычно фиксированы в соответствующих положениях, уставах, инструкциях и т.п. документах, т.е. формализованы. На этом основании такие группы нередко называют “формальными”, что, однако, не выражает их сущности. К тому же наряду с формальными отношениями как основным типом отношений в рамках целевых групп складывается целая система отношений иного типа: внеформальная, т.е. отношения по поводу формальных целей и задач, но не укладывающиеся в рамки предписанных правил, а также неформальные, имеющие психологический, межличностный характер. Некоторые целевые группы вообще имеют малую степень формализации»¹¹. Хотя Н.И. Лапин это и не упоминает, но в качестве последних могут выступать производственные совещания, комсомольские собрания, комиссии по аттестации и вообще любые временные группы, которые в 1980–1990-е гг. за рубежом будут именоваться матричными структурами.

¹¹ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 101.

Коротко говоря, целевые группы — родовой признак отечественной социологии организаций. На Западе учение о целевых группах внутри организации не получило такого глубокого и основательного развития, не приобрело такого всеобъемлющего и методологически важного значения, как у нас. Достаточно сказать, что вклад в учение о целевых группах позже внесли такие крупные теоретики, как О.И. Шкартан (1978) и А.И. Пригожин (1980), не говоря уже о целом сонме подражателей и малоизвестных исследователей, не совершивших оригинальных открытий, но тщательно выявлявших новые детали и повороты темы. Вокруг учения о целевых группах выстраивалась типология формальных, неформальных, внеформальных и т.п. отношений, которую также можно отнести на счет национального своеобразия российской социологии организаций. Удивительно, но сложные классификационные типологии в нашей науке очень мало связаны с практикой, они не использовались в частнотеоретических построениях или эмпирических исследованиях в качестве основания для выдвижения проверяемых и более или менее эвристичных гипотез. Учение о целевых группах и типология формальных-внеформально-неформальных отношений так и остались теоретическим достоянием отечественной мысли.

По иерархическому принципу целевые группы делятся на следующие уровни: 1) *первичный* (низший) — малая рабочая группа (бригада) с одним уровнем руководства; 2) *средний* — система первичных, или малых групп, объединенных общим трудовым процессом и имеющих два уровня руководства (цех, отдел); 3) *высший* — система средних групп, объединенных единым производственным процессом и имеющих три уровня управления (предприятие, институт). По существу, подобная иерархия заимствована из социологии производственного коллектива и шире — из промышленной социологии. Нечто похожее мы встречаем у В.Г. Подмаркова, только у него трудовой коллектив подразделяется на а) первичный (бригада), б) вторичный (цех), в) основной (предприятие). Непонятно, зачем Н.И. Лапину потребовалось придумывать новую классификацию, а не использовать существующую. Логических обоснований в его статье нет.

Довольно плодотворной и оригинальной (в зарубежной литературе такого не обнаружено) выглядит типология групповых характеристик трех видов СГ — целевых, социально-психологических и макрогрупп (правильнее именовать их большими социальными группами или социальными категориями). Эти характеристики можно обобщить в виде таблицы (см. табл.).

Групповые характеристики различных видов социальных групп на предприятии¹²

Целевые группы	Социально-психологические группы	Макрогруппы
1. Цель (группообразующий признак) 2. Рабочие позиции 3. Рабочие операции, роли 4. Подгруппы (цех, участок, бригада) 5. Коммуникации 6. Принципы управления 7. Стимулы 8. Нормы 9. Образцы поведения 10. Ценностные ориентации	1. Симпатии (группообразующий признак) 2. Поле согласованного непосредственного взаимодействия 3. Малая совокупность симпатизирующих друг другу индивидов 4. Роли 5. Статусы 6. Ценностные ориентации 7. Нормы 8. Образцы поведения 9. Групповые цели, функции	1. Макросоциальный признак (группообразующий признак) 2. Большая, статистически измеряемая совокупность индивидов, обладающих данным макросоциальным признаком 3. Потребности, интересы, ценностные ориентации 4. Статусы, роли 5. Мотивы, стимулы 6. Нормы, образцы поведения 7. Коммуникации

Порядок расположения характеристик по столбцам вовсе не случайный. Но он продиктован не столько эмпирическими данными, сколько логикой теоретического мышления. В целевых группах главной характеристикой выступает “цель”. Далее порядок расположения во взаимосвязи с целью строится так: “Ей соответствуют статусы, роли, коммуникации, стимулы и другие параметры, которые в свою очередь определяют структуру эмпирического группирования членов групп; в рамках этого группирования складывается система норм, образцов поведения и ценностных ориентаций”¹³. Очевидно, что чем ниже уровень характеристики в иерархии, тем менее важной и более зависимой она является. В этом ряду рабочие позиции главнее стимулов или ценностных ориентаций.

Принципы иерархии характеристик в социально-психологических группах иные. Почвой формирования малой группы выступают не заданные сверху цели, а формирующиеся снизу симпатии и антипатии. Они служат основой “поля согласованного взаимодействия”, на котором произрастают затем групповые нормы, образцы поведения, групповые цели и межличностные статусы (не следует путать последние с социальными или организационными). Вполне логичная и убедительная классификация, в которой на первом месте стоят чувства, а на последнем — групповые цели. Если

¹² Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 102–104.

¹³ Там же. С. 101–102.

в первом случае исходным моментом служила организация, то во втором — личность.

Иерархия характеристик макрогрупп выводит нас за рамки отдельного предприятия в большой мир общества. Индивид выступает носителем не только внутренних, отчасти врожденных свойств, но и внешних, отчасти приобретенных: у него есть пол, возраст, национальность, а также профессия, образование и квалификация. Эти шесть фундаментальных характеристик приобретаются за пределами предприятия и описывают социальную структуру общества. Ими индивид обладает как представитель больших социальных групп. Третий вид СГ — макрогруппы — складывается под воздействием социальной среды.

К макрогруппам на предприятии относятся группировки по классовой принадлежности (рабочие, техническая интеллигенция), характеру труда (работники физического и умственного труда), профессии, квалификации, возрасту, национальности, полу. По существу, это те же самые группы, что составляют костяк социальной структуры общества. Только на предприятии мы видим ее уменьшенную копию. Но, как и у всякой копии, у структуры предприятия должны сохраняться основные признаки структуры общества и главный среди них — статистический. На предприятии должна иметься достаточно большая (статистически измеряемая) совокупность людей, обладающих каким-либо макросоциальным признаком, допустим, возрастом, образованием или квалификацией¹⁴. А если нет? Но об этом авторы модели структуры предприятия как уменьшенной копии структуры общества (и не только Н.И. Лапин) умалчивают. Хотя знать условия допустимости проведения аналогии между двумя типами социальной структуры — предприятия и общества — более чем необходимо. Несмотря на подобное упущение данную модель можно, как и указанные выше, отнести к специфически российским особенностям социологии организаций и социологии предприятия.

Еще одним завоеванием отечественной социологии организаций (а может быть и не только этой отрасли знания) следует считать *концепцию идентификационных слоев* работников. Одним из первых, а может быть и самым первым, в отчетливом виде ее сформулировал Н.И. Лапин, а затем разрабатывали ведущие советские социологи (и не только в социологии организаций), в частности, О.И. Шкаратан и В.А. Ядов (последний вплоть до середины 1990-х гг. успешно изучал — концептуально и эмпирически — более широкий вариант данной модели, который можно было назвать теорией социально-

¹⁴ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 104.

психологической идентификации, характеризующей большие социальные группы в обществе).

Под *идентификацией* Н.И. Лапин понимает “сознательное, внутренне мотивированное принятие индивидом (в отличие от пассивной адаптации) целей, ценностей, норм и образцов поведения целевой группы или организации в целом”¹⁵. Для того чтобы говорить об идентификации, надо располагать какой-нибудь референтной группой. Для работника референтным объединением может быть предприятие в целом, профессиональная или любая другая целевая группа, вплоть до малой группы, например, группы сверстников, дружеской кампании или бригады. И все бы хорошо, но, оказывается, малые группы у Н.И. Лапина не равноправны по данному критерию. Если человек идентифицируется с бригадой, то это хорошо, а если с друзьями, то это, вроде как, плохо. Малые группы могут быть целевыми, а могут быть социально-психологическими. Равнение на первые приветствуется, а на вторые — нет: “...если у индивида нет референтной группы внутри СО предприятия или же таковой является лишь социально-психологическая группа, никак не связанная с официальными (формальными) целями и задачами СО предприятия, то это свидетельствует о неидентифицированности работника с предприятием и его целевыми группами”¹⁶.

Суровый приговор, вынесенный автором малым неформальным группам, эмпирически никак не подтвержден. А надо бы было сделать это, поскольку без эмпирического или логического обоснования он, этот приговор, повисает в воздухе. Постоянные тусовки у пивной, где рабочие обсуждают не только политику, женщин и футбольные матчи, но иногда и производственные проблемы, относятся к разновидности неформальных временных малых групп, которые никак не связаны с целевыми группами. Тем не менее, они помогают сплотиться работникам предприятия, почувствовать себя комфортно в его среде, а значит “внутренне мотивированно принять ценности и нормы предприятия”. Стало быть, далеко не все социально-психологические группы свидетельствуют о неидентифицированности.

В социальной организации (СО) Н.И. Лапин выделяет три идентификационных слоя работников: 1) слой безразличных работников, ориентированных только на собственные интересы и выгоду; он выступает источником конфликтов и текучести кадров; 2) слой локально идентифицированных работников, ориентированных не на предприятие в целом, а на отдельные целевые группы;

¹⁵ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 105.

¹⁶ Там же.

3) слой организационно идентифицированных работников, ориентированных на предприятие в целом; они подчиняют свое поведение интересам организации, даже в ущерб своей собственной группе.

Идентифицированное ядро (позднее этот термин получит права гражданства в отечественной социологии под иным именем — “идентификационное ядро”) состоит только из последней слоевой группы работников, “которые не просто добросовестно относятся к своим обязанностям, но готовы действовать по неформальным правилам и образцам поведения ради успешного решения задач предприятия и повышения его престижа”¹⁷. Н.И. Лапин не приводит данных эмпирических исследований, показывающих, в каких процентных долях распределяются идентификационные слои на предприятии и какую долю от общего числа работников составляет идентификационное ядро. Тем не менее, принцип отнесения передовиков производства к идентификационному ядру получит широкое распространение в отечественной промышленной социологии и сподвигнет массы социологов на эмпирические исследования. Все они будут доказывать приблизительно одно и то же: при социализме к ядру относятся самые добросовестные и передовые рабочие; размеры ядра свидетельствуют о степени социальной и морально-политической зрелости данного коллектива.

Важны аргументы Н.И. Лапина в пользу того, что идентификационные слои представляют не статистические, а реальные группы: “Признак, по которому выделяются идентификационные слои (признак идентификации с целями, ценностями, нормами и образцами поведения), является поведенческим, уже по одному этому данные слои работников могут быть не просто статистическими группированиями, а и реальными совокупностями, проявляющими себя в действиях определенного типа”¹⁸. Несомненно, бихевиористский признак в отнесении группы к реальным совокупностям играет очень важную роль. Но он не может считаться единственным.

Статистические категории “вся молодежь” или “все пенсионеры страны” относятся в то же время к реальным совокупностям, так как каждый член этой группы отождествляет себя с целями, ценностями и нормами своей группы. Более того, он в действительности ведет себя в соответствии с ними. Тем не менее, такие категории сохраняют статус статистических и реальных одновременно. При этом термин “реальный” обозначает в случае с большими группами совсем не то, что и в случае с малыми. В малых группах люди знакомы друг с другом, каждодневно взаимодействуют между

¹⁷ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 106.

¹⁸ Там же.

собой. Ничего подобного нет в больших группах. В малых идентификация с группой происходит скорее через механизм сплоченности, а в больших — через механизм солидарности. Первый, несомненно, относится к числу социально-психологических регуляторов поведения, а второй — к числу социально-символических. Разумеется, такого рода методологические нюансы необходимо разъяснять. К сожалению, они остались не проясненными не только у Н.И. Лапина, но практически у всех других отечественных социологов.

Признак “реальный” имеет еще один аспект. В исследованиях И.М. Поповой, проведенных в те же годы, что и теоретический анализ строения СО Н.И. Лапина, четко проведено разграничение между тем, что человек говорит, и тем, что он делает. Что считать реальным — слова или поступки? Если поступки, то они не всегда улавливаются средствами анкетного опроса, необходимо еще наблюдение за фактическими действиями работников либо анализ объективных показателей работы, например, выработки. Но Н.И. Лапин не проводит разграничения между вербальным и реальным поведением и не уточняет, какое из них подразумевается, когда говорится о “реальных совокупностях”. Не проясняет сути дела и указание на то, что “безразличные” не образуют социальной общности, ибо, преследуя только личные цели, они не кооперируются. В отличие от них передовики образуют социальную общность. Она-то и служит основой идентификационного ядра. Но на основании чего судить об их солидаризации с целями, ценностями и нормами организации — анкетного опроса, наблюдения, анализа объективных показателей? Они могут декларировать одно, а вести себя совсем иначе.

Если говорить исключительно в историко-методологическом ключе, то советских социологов труда можно разделить на два лагеря — первый тяготеет к принципам анализа и объяснительным моделям социальной психологии малых групп, а второй — к аналитическим инструментам социальной психологии больших групп. Малые и большие группы изучались в отечественной науке преимущественно социальными психологами. В рамках этой науки можно найти два раздела как совершенно равноправные части, хотя и неодинаково эмпирически (впрочем, и теоретически тоже) разработанные. Пожалуй, и это следует отнести к национальному своеобразию советской науки. Во всех или, по крайней мере, в большинстве стран предметом социальной психологии, как правило, выступают только малые группы.

Разделение — декларируемое авторами или неявно подразумевающееся — социологии организации на два лагеря существовало объективно. В зависимости от этого в отечественной социологии можно найти два рода теорий социальной организации — одни

построены с позиций малых групп (сплоченность, лидерство, стиль, социометрия, групповая динамика и т.п.), а другие — с позиций больших групп (профессионально-квалификационная структура, разделение труда, формальная и неформальная структура, целевые группы и т.п.). Думается, что представителем “большой” модели СО надо считать Н.И. Лапина. Акцент на статистических особенностях СГ — несомненный признак подхода с позиций больших социальных групп. Ему подчинена не только статика организации, что является как бы само собой разумеющимся, но также динамика, что может показаться достаточно странным (лучше сказать, нетрадиционным, и не только с точки зрения отечественной социологии организаций). Н.И. Лапин, раскрывая детерминанты эффективности групповых процессов, пишет: “Реальная взаимосвязь этих характеристик осуществляется в динамических процессах, протекающих в группе. Групповой процесс — это статистически устойчивая последовательность большого числа актов группового поведения, результатом которой является сохранение либо изменение состояния определенной характеристики группы”¹⁹.

Так может рассуждать только социолог. Он мыслит большими совокупностями и статистическими закономерностями. Н.И. Лапина можно отнести к немногочисленному племени социологов в социологии организаций, которая в те годы испытывала засилье социальных психологов. Разумеется, провести четкую демаркацию между двумя методологическими ориентациями в социологии организаций вряд ли удастся. В реальности у одного и того же автора можно встретить скорее весь ассортимент понятий, нежели ориентацию на избирательное употребление. Так обстоит дело и у Н.И. Лапина. После сильного методологического захода в сторону больших групп мы встречаем заранее спланированное отступление на позиции социальной психологии: в числе групповых процессов рядом с ростом численности, изменением статусно-ролевой структуры, коммуникации, принятием решений и контролем, характеризующих отнюдь не малые группы, стоят лидерство, сплоченность и конфликты, которые по преимуществу описывают малые общности. После чего Н.И. Лапин полностью уходит в социальную психологию и малые группы, подробно анализируя степень интеграции малой группы (уровень сплоченности плюс уровень стабильности)²⁰. Но и здесь, возьмем на себя смелость утверждать, Н.И. Лапин остается по стилю мышления и концептуальной ориентации

¹⁹ Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии. С. 111.

²⁰ Там же. С. 113–114.

социологом: нигде не говорится о внутренних психологических механизмах личности, о чувствах, симпатиях и антипатиях.

Таким образом, ранний вариант социологии организаций, представленный здесь, по существу, освещал все основные понятия и проблемы, которые в дальнейшем получили всестороннее развитие как у самого Н.И. Лапина, так и у его последователей. Уже в данном случае он проявил себя преимущественно — по складу мышления и выбора терминов — социологом организаций, а не промышленным социологом или специалистом по социологии управления. В поздних работах Н.И. Лапина наблюдается “расконцентрация” внимания, уход от узкоорганизационных проблем в сторону более широкой проблематики, часто находившейся на стыке нескольких дисциплин. Сегодня его творчество охватывает широчайший круг вопросов, касающихся не только социологии, но и смежных дисциплин²¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болотова Н.Ф., Лапин Н.И. Поощрения и наказания как оперативные средства руководства // Руководитель коллектива. М., 1974.

Лапин Н.И. Проблема неформальной группы в индустриальной социологии // Социальные исследования. Вып. 2. М., 1968.

Лапин Н.И. Человек в трудовом коллективе // Социология и идеология. М., 1969.

Лапин Н.И. Проблемы социологического анализа организационных систем // Вопросы философии. 1974. № 7.

Лапин Н.И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии // Социология и производство. Казань, 1976.

Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3.

Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 32–39.

Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.

Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

Лапин Н.И. Социетальная социология. Узловые проблемы и программа курса // Социологические исследования. 2001. № 8.

Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // Социологические исследования. 2002. № 8.

Лапин Н.И. Когда и как Огюст Конт ввел термин “sociologie” // Социологические исследования. 2003. № 4.

²¹ Основные работы современного этапа указаны в списке литературы.

Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6.

Лапин Н.И. Общая социология. М., 2006.

Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8.

Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: Уч. пособ. М., 2008.

Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.

Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7.

Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9.

Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. 2012. № 9.

Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8–9.

Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.

Лапин Н.И. Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 45–55.

Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1975.

Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов на предприятии (Генеральный проект ИКСИ АН СССР, 1968–1973 гг.). М., 2004.

REFERENCES

Bolotova N.F., Lapin N.I. Pooshhrenija i nakazanija kak operativnye sredstva rukovodstva // Rukovoditel' kollektiva. М., 1974.

Lapin N.I. Problema neformal'noj gruppy v industrial'noj sociologii // Social'nye issledovanija. Vyp. 2. М., 1968.

Lapin N.I. Chelovek v trudovom kollektive // Sociologija i ideologija. М., 1969.

Lapin N.I. Problemy sociologicheskogo analiza organizacionnyh sistem // Voprosy filosofii. 1974. N 7.

Lapin N.I. Social'nye gruppy i grupповые processy na predprijatii // Sociologija i proizvodstvo. Kazan', 1976.

Lapin N.I. Cennosti, gruppy interesov i transformacija rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. 1997. N 3.

Lapin N.I. Puti Rossii: sociokul'turnye transformacii. М., 2000.

Lapin N.I. Sociokul'turnaja transformacija Rossii: liberalizacija versus tradicionalizacija // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2000. T. III. N 3. S. 32–39.

Lapin N.I. Problema sociokul'turnoj transformacii // Voprosy filosofii. 2000. N 6.

Lapin N.I. Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funkcional'nye struktury // Sociologicheskie issledovanija. 2000. N 7. S. 3–12.

Lapin N.I. Societal'naja sociologija. Uzlovye problemy i programma kursa // Sociologicheskie issledovanija. 2001. N 8.

Lapin N.I. Predmet i metodologija sociologii // Sociologicheskie issledovanija. 2002. N 8.

Lapin N.I. Kogda i kak Ogjust Kont vvel termin "sociologie" // Sociologicheskie issledovanija. 2003. N 4.

Lapin N.I. Kak chuvstvujut sebja, k chemu stremjatsja grazhdane Rossii // Sociologicheskie issledovanija. 2003. N 6.

Lapin N.I. Obshhaja sociologija. M., 2006.

Lapin N.I. Region, ego status i funkcii v rossijskom obshhestve: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija // Sociologicheskie issledovanija. 2006. N 8.

Lapin N.I. Teorija i praktika innovatiki: ucheb. posobie. M., 2008.

Lapin N.I. Funkcional'no-orientirujushhie klasteri bazovykh cennostej naselenija Rossii i ejo regionov // Sociologicheskie issledovanija. 2010. N 1. S. 28–36.

Lapin N.I. Novye problemy issledovanij regional'nykh soobshhestv // Sociologicheskie issledovanija. 2010. N 7.

Lapin N.I. Sociokul'turnye faktory rossijskoj stagnacii i modernizacii // Sociologicheskie issledovanija. 2011. N 9.

Lapin N.I. Izmerenie modernizacii rossijskikh regionov i sociokul'turnye faktory ee strategii // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 9.

Lapin N.I. Problemy formirovanija koncepcii i chelovecheskikh izmerenij strategii pojetapnoj modernizacii Rossii i ee regionov // Sociologicheskie issledovanija. 2014. N 7. S. 8–19.

Lapin N.I. Aktual'nye teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovanij rossijskoj modernizacii // Sociologicheskie issledovanija. 2015. N 1. S. 5–10.

Lapin N.I. Distancii mezhdru modernizirovannost'ju makroregionov i jetapy integrirujushhej modernizacii Rossii // Sociologicheskie issledovanija. 2015. N 3. S. 45–55.

Lapin N.I., Korzheva Je.M., Naumova N.F. Teorija i praktika social'nogo planirovanija. M., 1975.

Social'naja organizacija promyshlennogo predpriyatija: sootnoshenie planiruemykh i spontannykh processov na predpriyatii (General'nyj proekt IKSI AN SSSR, 1968–1973 gg.). M., 2004.

Е.В. Масленников, канд. философ, наук, доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ СОЦИОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ**

E.V. Maslennikov, the candidate of philosophical sciences, the senior lecturer of faculty of methodology of sociological researches of the Faculty of Sociology of The Lomonosov Moscow State University, e-mail: maslev@rambler.ru

INSTRUMENTAL CONCEPTUALIZATION SUBJECT AREA SOCIOLOGY: SOME POSSIBLE SOLUTIONS

В статье намечены некоторые возможные пути развертывания интегрирующей инструментальной концептуализации предметных областей социологии на базе аппарата ступеней множеств¹. Обосновывается актуальность проблемы применения конструкторов структурной математики в качестве структурообразующих формализмов предметной области социологии как совокупности теоретического знания.

Сформулировано понимание социологического измерения в широком смысле и самого исследования как концептуального измерения на основе применения инструментальной концептуализации в методологии социологического исследования. Под инструментальной концептуализацией понимается построение сложных понятийных (концептуальных) схем со структурно взаимосвязанными отношениями между их отдельными элементами, в которых единицами рассмотрения выступают связанные понятийные целостности, полученные на основе интерпретации свойств конструктора “множество”.

В статье предлагается на основе определения свойств множеств в шкале множеств Н. Бурбаки² через структуру систем отношений на данных множествах, под структурным измерением социального явления понимать интерпретацию исследуемых свойств социального явления в терминах конструктора, который лежит в основании теоретической модели, отражающей разнообразие этих качеств с помощью концепту-

* Масленников Евгений Вячеславович, e-mail: maslev@rambler.ru

** Окончание. Начало статьи см. в № 2 за 2016 г.

¹ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Математический аппарат. М., 2010. С. 160. URL: <http://www.spnikanorov.ru/?to=books> (дата обращения: 27.11.2015).

² Об использовании шкалы множеств из теории множеств Н. Бурбаки, например, см.: Бальцер В., Мулинз К.У., Снид Дж.Д. Архитектоника науки. Структуралистская программа // Общественные науки за рубежом. РЖ ИНИОН. Сер. Науковедение. 1989. № 2 (авторы реф. М.С. Бургин и В.И. Кузнецов).

альных схем, определяющих каждое качество как структуру систем отношений (т.е. как свойство) на данных качествах.

В заключение статьи приведены представленные в ряде публикаций результаты эскизного применения методологии инструментальной концептуализации в смежных с социологией дисциплинах. Эти работы могут выполнять направляющую роль в ознакомлении и понимании методов, проблемного поля и задач предстоящей работы по концептуализации теоретической социологии с использованием форм математической теории.

Ключевые слова: социология как совокупность теоретического знания, инструментальная концептуализация, структурные математические конструкты, концептуальная схема, концептуальная модель, социологическое измерение в широком понимании.

The article outlines some of the possible ways of integrating the deployment tool conceptualizing domains of sociology on the basis of the machine sets of steps³. Substantiates the urgency of the problem of application of structural constructs of mathematics as a structure-formalism domain of sociology as a combination of theoretical knowledge.

Formulated understanding of the sociological dimension in a broad sense of the concept of research as a measurement based on the use of instrumental in conceptualizing the methodology of sociological research. Under instrumental conceptualization refers to the construction of complex conceptual (conceptual) schema structurally interconnected relationships between their individual elements, which are the units of the consideration related conceptual integrity, derived from interpretation of the properties "Set" construct.

The paper proposes a definition based on the properties set in the scale set by the structure of N. Bourbaki⁴ relations systems in the data sets under the structural dimension of social phenomena to understand the interpretation of the investigated properties of social phenomena in terms of a construct that lies at the basis of the theoretical model that reflects the diversity of these qualities with the help of conceptual schemes that determine the quality of each as a structure of relations systems (ie, property) in these qualities.

In conclusion, the article lists presented in a number of publications, some preliminary results of the application of the methodology of conceptualizing instrumental in related disciplines from sociology. These works can perform suggestive role in the knowledge and understanding of methods of problem fields and objectives of the work on the conceptualization of theoretical sociology, using the mathematical theory of forms.

Keywords: sociology as a set of theoretical knowledge, instrumental conceptualization, structural mathematical constructs, conceptual scheme, a conceptual model, sociological measurement in wide understanding.

³ Nikanorov S.P. Introduction to the machine sets of steps. A series of "Conceptual analysis and design". Mathematical apparatus. M., 2010. P. 160. URL: <http://www.spni-kanorov.ru/?to=books> (accessed: 11.27.2015).

⁴ On the use of sets of the scale of the Bourbaki set theory, for example, see: Balzer W., Mulinz C.U., Snead J.D. Arhitektonika science. Structuralist program // Social Sciences Abroad. RJ INION. Ser. Naukovedenie. 1989. N 2 (the authors of ref. M.S. Burgin, V.I. Kuznetsov).

В статье намечены некоторые возможные пути развертывания интегрирующей инструментальной концептуализации предметных областей социологии на базе аппарата ступеней множеств⁵. Под инструментальной концептуализацией на основе структурных математических конструкторов понимается одна из возможных форм концептуализации⁶. Предлагается на основе определения свойств множеств в шкале множеств Н. Бурбаки⁷ через структуру систем отношений на данных множествах под структурным измерением социального явления понимать интерпретацию исследуемых свойств социального явления в терминах конструкта, который лежит в основании теоретической модели, отражающей разнообразие этих качеств с помощью концептуальных схем, определяющих каждое качество как структуру систем отношений (т.е. как свойство) на данных качествах.

Актуальность проблемы

Актуальность проблемы концептуальной интеграции социологии как совокупности теоретического знания, относящегося к типу — концептуально сложноорганизованных — больших теорий, не только связана с неразработанностью данной проблемы в теоретическом аспекте⁸, но и определяется социальной значимостью таких больших теорий. Напомним, что в данном подходе масштаб теории определяется для ее предметной области степенью концептуальной сложности, потенциально устанавливаемой количеством базисных множеств, на которых построены шкалы множеств и принадлежащие им ступени, представляющие определения теоретизируемой предметной области.

Среди особенностей разработки и применения больших теорий наиболее важной, по мнению одного из основателей отечественной школы системного анализа и основателя концептуального анализа С.П. Никанорова⁹, является *прикладная роль больших тео-*

⁵ Никаноров С.П. Указ. соч. С. 160.

⁶ См.: Масленников Е.В. Перспективы применения структурных математических конструкторов как основы инструментальной концептуализации предметных областей социологии: постановка проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 24–37.

⁷ Об использовании шкалы множеств из теории множеств Н. Бурбаки, например, см.: Бальцер В., Мулинз К.У., Снид Дж.Д. Архитектоника науки. Структуралистская программа // Общественные науки за рубежом. РЖ ИНИОН. Сер. Науковедение. 1989. № 2 (авторы реф. М.С. Бургин и В.И. Кузнецов).

⁸ Масленников Е.В. Указ. соч.

⁹ Никаноров С.П. Системный анализ: этап развития методологии решения проблем в США // Оптнер С.Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1969. С. 7–43.

рий, т.е. вопрос о том, *что приобретает общество, если оно овладевает миром гипертеорий*. С.П. Никаноров отмечает, что развернутого, удовлетворительного ответа на этот вопрос сегодня нет, но все же некоторые предварительные соображения вынесены им на суд читателя¹⁰. Далее в соответствии с представлениями автора данной статьи излагаются наиболее важные фрагменты позиции С.П. Никанорова по данному вопросу, в которых подчеркивается социальная значимость больших теорий.

В связи с быстро возрастающим разнообразием мира, окружающего человека, перед человечеством возникает необходимость овладения этим разнообразием. Увеличение разнообразия происходит в различных сферах жизни человека — технической, психологической, социальной и т.п. *Развитие человечества идет через овладение этим разнообразием*, но человечество этого “не понимает” из-за отсутствия познавательных средств, что ведет к большим издержкам и потерям. Человеческий мир, опирающийся на гипертеории, которые оперируют большими разнообразиями, может существенно отличаться от ныне существующего.

Сейчас еще нельзя выразить, насколько серьезны последствия того, что общественное *овладение уровнем гипертеории, т.е. его включение в общественную практику, давно необходимо*, а он как практический и когнитологический уровень не освоен. По-видимому, для дальнейшего развития человечества *отставание в этой области имеет критический характер*. Увеличение разнообразия является вызовом человечеству. Интенция ответа на него заключается *во все большем переходе к проектированию мира человека, опирающемся на учет возникающего разнообразия, на овладение максимальным разнообразием*. Проектирование организаций, психики, физиологии на генном уровне и т.п. Эта интенция является отражением ситуации, которая сейчас существует, — отражением того высокого уровня развития, которого достигло человечество и *который не рефлексивируется* или очень слабо рефлексивируется.

Прикладное значение гипертеории определяется тем, *что она позволяет контролировать, какие прикладные области, масштаб и сложность которых поднимается по шкале базисных множеств от элементарных теорий до гипертеорий*. Существует *общая тенденция редукции представлений и техники элементарных теорий к следующим уровням*.

Элементарная теория имеет свою область применения и при переносе ее в другую сферу требует внимательности и осторожности.

¹⁰ Никаноров С.П. О больших теориях // Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генезология психосферы. М., 2001. С. 560–562.

По-видимому, существующая общественная практика является конгломератом, составленным из редукций к элементарным теориям. Зачастую трудно понять, о чем говорится, откуда взяты представления, чем оперируют авторы при выборе решений и проектов. И уже на уровне элементарных теорий имеются обширные разнообразия, которыми удастся овладеть только с помощью *микротеорий*. Их роль совершенно другая, чем элементарной теории. Микротеория *позволяет овладеть широким кругом ситуаций*. Прикладная роль мезотеории еще более отличается.

Можно предположить, что *основное назначение гипертеории в том, чтобы обоснованно устанавливать, какой мезотеорией пользоваться в конкретном случае и почему*. При изучении гипертеорий важную роль играет понятие редукционных отношений. Поскольку любая реальность описывается гипертеорией, а общество гипертеориями не владеет, то это означает, что оно оперирует редукциями гипертеории к теориям более низких уровней. А это значит, что если необходимо объяснить реальность, то редукционное отношение, лежащее в основе этого объяснения, должно быть применено методологически *осознанно*.

Мегатеория — это совершенно иной мир, нежели гипертеория. В диалектике имеется представление об “узловой линии мер”. “Мера” — это такой предел, за которым вещь, как таковая, исчезает. При увеличении масштаба теории идет количественное наращивание, например, наращивание количества уровней конкретизации, но неизбежно существует мера, т.е. качественное превращение во что-то другое, обладающее иным качеством. Во всех областях, в которых имеет место простое количественное наращивание, всюду теоретики имеют дело с “дурной бесконечностью”. Теоретики не знают, что с ней делать, и стараются от нее избавиться, отказываются от таких теорий, находят паллиативные решения. У таких теоретиков, недиалектиков, *нет методов сознательного введения качественных изменений*. Они не знают, откуда их брать: опыт не подсказывает, теория не дает, а количество можно увеличивать неограниченно (как это и происходит в теории множеств).

Известный специалист по системному анализу Р. Акофф в теории целеустремленных систем отмечает, что последнее разнообразие — самое мощное — и есть самое бедное основание, т.е. “полагаемое”. С логической точки зрения это неправильно, но дает выход из положения — противопоставление “дурной бесконечности”. Нужно иметь качественный перелом при наращивании масштаба теории. Однако никто не знает, как его находить и что он означает. Какова прагматическая роль мегатеории по сравнению с гипертеорией? Это неизвестно. В приведенной шкале типов тео-

рий мегатеория указывается скорее для того, чтобы оттенить гипертетории, нежели для того, чтобы указать саму мегатеорию¹¹.

Отметим, что выделенные С.П. Никаноровым особенности так называемых больших теорий уместны и для предметной области социологии. Используемые в современной социологии способы теоретизации представляют собой по большей части редукционные способы объяснения, поскольку основаны на применении конструкторов из других, стоящих ниже в системной иерархии сложности, научных областей — естественнонаучных и инженерных дисциплин. Например, современное объяснение (интерпретация) социальных объектов, явлений, процессов зачастую заимствовано из биологии (социобиология), популяционной генетики человека (социогенетика), нейрофизиологии (социальная нейронаука), IT-технологий (интернет-социология), кибернетики (социокибернетика), физики (социофизика) и т.п.¹²

Безусловно, использование редукционного знания (объяснения) для понимания социальных явлений и процессов может быть полезным, но только на первом этапе познания, поскольку изначально не соответствует растущему уровню сложности природы социальных объектов. Важно не “застрять”, не “успокоиться” на этом промежуточном, редукционном уровне объяснения, а вести дальнейший поиск конструкторов — познавательных “шаблонов”, адекватных уровню сложности природы самих социальных объектов. Необходимо различать системную редукцию — редукцию одного класса систем к другому, и методную редукцию — редукцию функционально определенного класса систем к классу систем, допускаемому существующими методами¹³.

Попытки осознания масштаба этой проблемы имеются в работах классиков. Работа К. Маркса над “Капиталом” содержит урок неинструментального изучения гипертеторетичной предметной области. В этой работе сознательно производится синтез теорий именно в том смысле, как это делается при родоструктурном синтезе. По-видимому, речь идет о 6–7–10 уровнях конкретизации, т.е. достигается уровень мезотеории, но, может быть, достигается и уровень гипертетории. Известно, что К. Маркс после создания первого тома “Капитала” столкнулся с проблемой невозможности продолжения исследования. Как предполагает С.П. Никаноров, возможен следующий ответ на вопрос, почему после издания первого тома “Капитала”, К. Маркс продолжал работу над теорией, и

¹¹ Никаноров С.П. О больших теориях. С. 560–562.

¹² См.: Давыдов А.А. Фатальная ошибка социологии. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=348 (дата обращения: 27.08.2015).

¹³ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств. С. 70.

даже близкий друг Ф. Энгельс не знал, в каком она состоянии. Это могло быть связано с тем, что исследование К. Маркса носило эскизный характер, причем, чем дальше, тем в большей степени. То, что произошло с исследовательским замыслом К. Маркса, возникло, возможно, из-за того, что необходимых инструментальных средств исследования в то время не существовало. Видимо, К. Маркс осознавал, что удерживать “в голове” такой объем информации человек не может, и необходимо средство (метод) для формализованного синтеза в процессе теоретического восхождения от “абстрактного” к теоретически отраженному “конкретному” — от абстрактной (“базисной”) теории к поэтапному (т.е. многоуровневому) синтезу большого разнообразия менее абстрактных (теоретически более конкретных) теорий, интерпретирующих исходную абстрактную теорию.

Для продолжения работы над другими частями “Капитала” К. Маркс, видимо, старался (как видно из его “математических рукописей”) найти такой математический аппарат среди существующих, который позволил бы формально удерживать (формализовать) большое разнообразие теоретического материала, нарастающего в его работе как снежный ком. Возможно, К. Маркс почувствовал, отмечает С.П. Никаноров, что по мере того, как он продвигался в постулировании все большего и большего количества предположений, проявлялся характерный для гипертетории эффект зависимости базисных схем от тех схем, которые постулируются позже, и *ему стала очевидной относительность разрабатываемой им в первом томе теории*. Возможно, он почувствовал “ледяное дыхание” метатеории, почувствовал этот теоретический мир, и не хотел спешить с публикацией результатов своего исследования, и имел теперь к этому миру совсем другое отношение, чем первоначально, на стадии работы над первым томом. История написания К. Марксом “Капитала” должна быть пересмотрена под углом зрения того, с теориями каких масштабов имел дело К. Маркс, и что им двигало при переходе с одного уровня на другой¹⁴.

Известному отечественному специалисту в области социальной философии и социологии, профессору философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова К.Х. Момджяну¹⁵ без использования формального аппарата удалось (!) осуществить восхождение на 4–5 уровней конкретизации. Но чтобы довести линию теоретической конкретизации социальной философии до социологии (социологической теоретической “конкретности”), требуется преодо-

¹⁴ Никаноров С.П. О больших теориях. С. 560–562.

¹⁵ Момджян К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. Начальные этапы восхождения от абстрактного к конкретному. М., 1986.

леть гораздо большее количество уровней восхождения, синтезировав, возможно, многие десятки теорий. Для открытия и организации такого фронта работ (непосильного для отдельного автора), по мнению С.П. Никанорова, первоначально требуется разработать инструментальное средство (метод), позволяющее “индустриально” подойти к решению этой проблемы. Наличие такого метода позволит распределить усилия большого числа участвующих авторов для решения задач, представляющих весь необходимый “фронт” исследовательских разработок.

Как известно, одну из первых попыток продвижения в этом направлении представляет работа Г.В.Ф. Гегеля “Наука логики”. Однако как отмечает С.П. Никаноров, Г.В.Ф. Гегелем предпринята попытка разработки *логического*, но еще не *математического конструкта* для исследования и объяснения природы “развивающихся” систем¹⁶.

К. Марксу не удалось найти в математике подходящий аппарат по той причине, что его еще и не существовало в то время. Структурная математика на основе теории множеств появилась только в XX в. Теория множеств Н. Бурбаки — один из ее вариантов.

В современной методологии (эпистемологии и философии) науки накоплен материал, показывающий, что уже имеются отдельные попытки построения теоретического знания на основе применения аппарата (конструктов) структурной математики¹⁷. Но эти предложения пока носят характер инициативно выполненных экспериментальных разработок¹⁸, а не регулярных полномасштабных научных исследований с вовлечением значительного числа исследователей и разработчиков. Авторы этих работ подчеркивают, что полученные ими результаты нужно воспринимать как начальные шаги для дальнейшего развертывания фронта работ, который может быть выполнен лишь усилиями существенного числа разработчиков. Так, еще в начале 1970-х гг. было достигнуто понимание возможностей использования усовершенствованной части аппарата из теории множеств Н. Бурбаки в качестве математического конструкта, по замыслу авторов пригодного для широкого спектра теоретических и прикладных работ¹⁹. Но данный подход до сих

¹⁶ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств. С. 86, 89, 103; *Он же*. О больших теориях. С. 560.

¹⁷ Бальцер В., Мулинз К.У., Снид Дж.Д. Указ. соч.

¹⁸ Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генезология психосферы. М., 2001.

¹⁹ Никаноров С.П., Персиц Д.Б. Формальное проектирование целостных систем управления — развитие идеи конструирования организаций. Сб. докл. на Республ. н.-т. конфер., по структурам управления промышленными комплексами. Таллин,

пор мало известен и не получил должной оценки в профессиональном сообществе философов, методологов науки и исследователей социальных, развивающихся систем.

Успешность *применения математики в социологии* связана с нахождением (выбором) в существующем арсенале математических конструктов таких конструктов или систем конструктов, познавательные возможности и свойства которых могут адекватно отражать уровень сложности природы изучаемых социологией объектов (процессов, явлений). История развития теоретической социологии — это история поиска подобных конструктов с преобладанием на начальном этапе метода проб и ошибок, а затем на основе методологической рефлексии — результата развития как методологии науки в целом, так и методологии социологии.

Математика разрабатывает (продуцирует) конструкты и занимается исследованиями их свойств, используя свой аппарат и методы. Вопросы же возможности и эффективности применения этих конструктов в тех или иных предметных областях специально-научного знания выходят за рамки содержательного интереса самих математиков.

Возникает коллизия, когда математики “не хотят”, а предметники (в различных областях специально-научного знания) еще “не могут” заниматься “внедрением” уже существующих в математике конструктов для их использования. Во многом, по-видимому, это связано с неалгоритмизированностью данного процесса, с творческой природой процесса сопоставления, интерпретации изучаемого объекта и его значимых для поставленной задачи признаков в терминах исследованных в математике свойств конструкта как идеализированного объекта, используемого в качестве познавательного шаблона. Но понимание социологами (и особенно молодыми специалистами) сути данной коллизии в сочетании с их высокими творческими устремлениями и инициативностью может способствовать преодолению этого “узкого места” в дальнейшем развитии теории, методологии и методики социологического исследования.

Предлагаемые пути решения проблемы

Под инструментальной концептуализацией понимается построение сложных понятийных схем со структурно взаимосвязанными отношениями между их отдельными элементами, в которых единицами рассмотрения выступают связанные понятийные целост-

1973; *Они же*. Об одном направлении в развитии теории систем и его значении для приложений // Вопросы кибернетики. Вып. 32. М., 1977. С. 74–89.

ности, полученные на основе интерпретации свойств конструкта “множество”. Такие концептуальные схемы являются математической эксплицированной формой предметной теории (теории предметной области), содержащей определение только качественных (а не количественных) аспектов исследуемой предметной области. Они представляют собой так называемую “сильную форму” концептуализации.

Предметной интерпретацией эксплицированной концептуальной схемы выступает модель. Под концептуальной моделью понимается предметная интерпретация эксплицированной концептуальной схемы, в процессе которой каждому элементу предметной интерпретации приписано имя соответствующей конституэнты эксплицированной концептуальной схемы.

Под “слабой формой” концептуализации понимается атрибутивная форма разработки концептуальной схемы. В этой форме концептуальная схема задается перечислением составляющих ее понятий и отношений между ними. В качестве требований к представлению концептуальной схемы в атрибутивной форме выступает следующее. Множество атрибутов должно быть полным с точки зрения исчерпанности тех атрибутов, которые в качестве наиболее существенных специфицируют данную концептуальную схему. Соответственно, не должно быть лишних атрибутов — не существенных для данной концептуальной схемы.

Применение процедуры инструментальной концептуализации в методологии социологического исследования позволяет сформулировать понимание социологического измерения в широком смысле, а само исследование — как концептуальное измерение.

Важно раскрыть связь конструктов структурной математики с методами социологии. Это становится возможным на основе определения социологического исследования как измерения в широком понимании.

Социологическое исследование как измерение в широком понимании — это сбор и интерпретация новых фактов в терминах выбранной или построенной в соответствии с поставленной задачей теоретической модели с помощью методов, адекватных операциональным определениям свойств конструктов, лежащих в основании данной модели²⁰.

Тогда обобщенно понимаемое *измерение социального явления как измерение* определенного типа качества есть выражение признаков эмпирически данного объекта в терминах свойств конструкта, ле-

²⁰ См.: Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная стратегии. Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // Социс. 2000. № 10. С. 102–103.

жащего в основании теоретической модели, понятийно определяющей данное качество. По-видимому, в равной степени это может относиться как к числовому виду измерения (т.е. использованию математической числовой системы), так и к нечисловому.

Таким образом, на основе определения свойств множеств в шкале множеств Н. Бурбаки²¹ через структуру систем отношений на данных множествах под *структурным измерением социального явления как возможного “пространства” для проявления различных качеств* (заданных, например, типологией целерационального поведения, разработанной М. Вебером, или целенаправленными, целеустремленными, открытыми, эволюционирующими, развивающимися системами как представителями теоретико-системной типологии в иерархизированной общей теории систем²²) *будем понимать описание* (интерпретацию) *исследуемых свойств этого социального явления в терминах такого конструкта*, который лежит в основании теоретической модели, отражающей разнообразие этих качеств с помощью понятийных концептуальных схем, *определяющих каждое качество как структуру систем отношений* (т.е. как свойство) *на данных качествах*²³.

Математический аппарат (“конструктор” для структурных конструктов), который позволяет теоретически разрабатывать и формально эксплицировать подобные (приведенным выше) структуры отношений, предложен С.П. Никаноровым и назван аппаратом ступеней множеств²⁴.

²¹ Об использовании шкалы множеств из теории множеств Н. Бурбаки, например, см.: Бальцер В., Мулинз К.У., Снид Дж.Д. Указ. соч.

²² Идея общей теории систем как иерархии теоретико-системных классов представлена в статье: Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки // Исследования по общей теории систем / Под общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М., 1969. С. 106–124.

Вариант разработки этой идеи К. Боулдинга для экспликации этапов развития последовательностью теоретико-системных схем, а не единственной “моделью”, предложен В.Ф. Криворотовым: Криворотов В.Ф. Теория исторического развития личности на основе филогенетизации иерархии теоретико-системных классов // Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Указ. соч. С. 196–222.

С.П. Никаноров предложил математический аппарат, названный “теория ступеней множеств”, создающий возможность для упорядочения ступеней шкал множеств с помощью рядов производных ступеней и произведений этих рядов, а также возможность введения метрических отношений в ступенях, что создает условия для изучения развития как последовательности смены теоретико-системных конструктов: Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней и его применение. С. 100.

²³ Масленников Е.В. Принципы формирования концептуальной модели предмета в методологическом контексте социологического измерения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 131.

²⁴ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств.

В отрыве от понимания роли конструктов и фактов в процессе построения научного знания не могут мыслиться и методы социологического исследования. Важно подчеркнуть, что выбор метода сбора первичных социологических данных (онтологических фактов) связан с выбором теоретической точки зрения (теории), позволяющей на основе используемого в основании теории конструкта (или системы конструктов) и операциональных определений его свойств, соответствующих познавательным возможностям выбираемого метода, получить наиболее адекватное описание существенных для данной исследовательской ситуации признаков предметной области, в которой необходимо применить выбираемый метод. В ситуации, когда свойства конструкта, используемого в выбираемой теории, наиболее адекватны природе изучаемого социального явления, условиям решения практической и познавательной задач исследования²⁵.

Актуальность применения структурных математических конструктов как основы инструментальной концептуализации теоретической социологии определяется актуальностью задачи поиска новых возможностей для дальнейшего развития теоретической социологии, что связано, прежде всего, с состоянием и структурной организацией теоретического знания, накопленного в социологии. В арсенал социологического теоретического знания входят (условно округляя) десяток теоретико-методологических парадигм, десятки социологических школ и сотни социологических теорий и концепций. Социологи все больше признают необходимость объединения этого разнообразия на полипарадигмальной основе и интегральной модели. Но на пути к этой цели возникает целый ряд проблем — теоретических, методологических, методических, организационных и т.д.

Накопленный в истории и методологии науки на примере развития естествознания опыт показывает, что генеральной линией развития специально-научного знания является разработка двух основных его областей — теоретической и экспериментально-эмпирической. Условием же дальнейшего развития является активное взаимодействие этих областей. Одним из примеров этого служат этапы развития физики. В начале XX в. в условиях достаточно конфликтных межличностных отношений между представителями “классической” физики и новой, “релятивистской”, происходило развитие теоретической и экспериментальной областей физики. Физики разделились на физиков-теоретиков и физиков-экспериментаторов. Как свидетельствуют историки науки, на на-

²⁵ Масленников Е.В. Принципы формирования концептуальной модели предмета в методологическом контексте социологического измерения. С. 132.

чальном этапе становления такой специализации между представителями этих областей нередко возникали конфликтные ситуации, связанные с взаимными претензиями к качеству (и отсутствием взаимного понимания) результатов, получаемых отдельно в каждой из указанных областей в совместно проводимых научных исследованиях. Такое взаимное недоверие вскоре привело к тому, что среди “экспериментаторов” появились “свои теоретики”, а среди “теоретиков” — “свои экспериментаторы”. Но эта рокировка не принесла существенных изменений в совместные результаты работы. И среди физиков возникло понимание того, что центром внимания в процессе совместной работы должны быть не столько межличностные отношения между авторами-теоретиками и экспериментаторами, сколько теоретическая и методологическая рефлексия проблемных ситуаций, появляющихся в ходе проводимых исследований при обмене результатами научных разработок от теоретиков к экспериментаторам и от экспериментаторов к теоретикам. Одним из позитивных средств решения этой коллизии в конце 1920-х гг. стала разработка физиками (Н. Кэмпбеллом и П. Бриджменом²⁶) такого нового направления в методологии науки, как операционализм. Принципы центральной в этом направлении процедуры, операционализации, обеспечили формирование понятийного аппарата, который смог выступить в качестве “канала связи” для взаимодействия “теоретиков” и “экспериментаторов”, обязывая их к выполнению предложенных “стандартных” правил специализированного научного исследования.

Дальнейший ход развития теоретической физики был связан с ее математизацией, т.е. с разработкой теоретической физики с использованием форм математической теории. А развитие экспериментальной физики — с разработкой новых приборных методов физических исследований тех явлений, теоретическое описание и объяснение которых дает или еще только предсказывает теоретическая физика.

Таким образом, несмотря на различия методов формирования и развития теоретической и экспериментально-эмпирической области в отдельности, только их активное взаимодействие создает условия для дальнейшего развития той специально-научной дисциплины, частями которой они являются. В значительной степени это актуально и для дальнейшего развития социологии. Претендуя на полноправное обладание статусом специально-научного знания, социология, а точнее социологи также должны заботиться о развитии теоретической и эмпирической областей, ориентирован-

²⁶ *Campbell N. Physics. The elements. Cambridge, 1920; Bridgman P.W. Logic of modern physics. N.Y., 1927.*

ных на активное взаимодействие в целях получения достоверного знания об изучаемых социальных явлениях и процессах.

Становится понятным, что для социологии как специально-научной дисциплины является актуальным и методологически неизбежным (как для развитых специально-научных дисциплин) путь дальнейшего развития ее теоретической области с использованием форм математической теории.

Учитывая неэффективность применения количественных математических конструкторов в теоретических областях психологии, экономики и социологии, необходимо провести поисковые работы по использованию структурного математического аппарата и его конструкторов, способных обеспечить дальнейшее развитие теоретической социологии с использованием форм математической теории. В связи с этим представляет интерес уже упомянутый математический аппарат ступеней множеств²⁷, по убеждению его авторов, открывающий пути в том числе и для проведения поисковых работ по развертыванию интегрирующей инструментальной концептуализации теоретической социологии.

Возможности применения методологии концептуального анализа (на основе использования свойств конструктора “множество”) в социологических исследованиях, а также имеющиеся для этого заделы отчасти уже были предложены для обсуждения²⁸. Некоторые результаты эскизного применения этой методологии в смежных с социологией дисциплинах представлены в ряде публикаций²⁹. Данный методологический подход, задачи и основные этапы развертывания этого направления работ, включая предметную область социологии, в общем виде были намечены еще в начале 1990-х гг.³⁰

²⁷ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств.

²⁸ Никаноров С.П., Масленников Е.В. Социологические исследования и концептуальный анализ // Социология: методология, методы, математические модели (4М). 1996. № 7. С. 59–60; Масленников Е.В. Принципы формирования концептуальной модели предмета в методологическом контексте социологического измерения. С. 115–132; Он же. Перспективы применения нечисловых математических конструкторов как основы инструментальной концептуализации социологии // Социология в системе научного управления обществом: Мат-лы IV Всероссийск. социол. конгресса. Тезисы. М., 2012. С. 106–107.

²⁹ Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генезология психосферы; Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Солнцев Г.В., Шабаров В.Н. Исследование социально-экономических систем. Методология. Теория. Следствия. М., 2007.

³⁰ Масленников Е.В. Концептуализация теоретической социологии: методологический подход и задача // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем: Сб. тез. докл. и сообщ. Науч. конф., Москва, 21–27 апреля 1990 / Под ред. С.П. Никанорова. Ч. I. М., 1990. С. 124–129; Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Об одном подходе к построению прототипа теоретической психологии // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем... Ч. I. С. 158–163; Иванов А.Ю. Основные формальные

Но изменившиеся условия по понятным причинам существенно замедлили дальнейшее продвижение в этом направлении.

Направляющую роль в ознакомлении и понимании методов, проблемного поля и задач предстоящей работы по концептуализации теоретической социологии с использованием форм математической теории может исполнить ранее созданный эскизный вариант работы, сопоставимой по масштабу и сложности, представленной в исследовании “Генезология психосферы”³¹. В этом проекте на примере предметной области психологии личности получены результаты, среди которых важно выделить следующие. Разработана теория развития как многомерная полиаспектная дизъюнктивная сеть с возрастающей сложностью, теория социально значимого психологического поведения; использованные в работе частные концепции личности эксплицированы в упомянутом аппарате как соответствующие конкретизации теории поведения; выполнена генезологическая реконструкция ряда частных концепций личности; разработаны и применены методологические подходы и приемы, позволившие отобразить развитие генезологии психосферы; обобщены методы исследования процессов генезологического развития; применен подход, совпадающий с подходом критической психологии по предмету и постановке задачи, но отличающийся инструментальным характером исследования и стремлением сохранить эмпирический базис психологии.

Краткое содержание основных задач начального этапа пилотного исследования по концептуализации теоретической социологии представляется следующим:

- разработать (адаптировать и уточнить) математический аппарат многомерной полиаспектной дизъюнктивной сети с возрастающей сложностью (авторы А.Ю. Иванов, С.П. Никаноров) для его использования в предметной области социологии;
- подготовить изложение нескольких социологических теорий (до 10 теорий) в форме, пригодной для апробации математического аппарата многомерной полиаспектной дизъюнктивной сети с возрастающей сложностью на примере данных теорий;
- разработать эскизный вариант (прототип) концепции интегрированной теоретической социологии с использованием формы математической теории.

Таким образом, можно полагать, что уже существуют и подготовлены определенные заделы для начала проведения и дальнейшего развертывания интегрирующей инструментальной концептуализа-

структуры прототипа теоретической психологии // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем... Ч. I. С. 167–170.

³¹ Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генезология психосферы.

ции предметной области социологии как следующего этапа развития ее теоретического корпуса. Теперь слово, а точнее дело за мотивированными исследователями и разработчиками, и наличием социального заказчика. Но это предмет уже для другой темы обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки // Исследования по общей теории систем / Под общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М., 1969. С. 106—124.

Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М., 1963.

Бургин М.С., Кузнецов В.И. Системный анализ научной теории на основе концепции именованных множеств // Системные исследования. Ежегодник 1985. М., 1986. С. 136—160.

Бургин М.С., Кузнецов В.И. Что должно входить в состав специальной социологической теории? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 1.

Иванов А.Ю. Основные формальные структуры прототипа теоретической психологии // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем: Сб. тез. докл. и сообщ. Науч. конф., Москва, 21—27 апреля 1990 / Под ред. С.П. Никанорова. М., 1990. Ч. I. С. 167—170.

Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Об одном подходе к построению прототипа теоретической психологии // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем: Сб. тез. докл. и сообщ. Науч. конф., Москва 21—27 апреля 1990 г. / Под ред. С.П. Никанорова. М., 1990. Ч. I. С. 158—163.

Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генезология психосферы. М., 2001.

Кононенко А.А., Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Никитина Н.К. Технология концептуального проектирования / Под ред. С.П. Никанорова. М., 2004.

Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Солнцев Г.В., Шабаров В.Н. Исследование социально-экономических систем. Методология. Теория. Следствия. М., 2007.

Масленников Е.В. Концептуализация теоретической социологии: методологический подход и задача // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем: Сб. тез. докл. и сообщ. Науч. конф., Москва, 21—27 апреля 1990 / Под ред. С.П. Никанорова. М., 1990. Ч. I. С. 124—129.

Масленников Е.В. Принципы формирования концептуальной модели предмета в методологическом контексте социологического измерения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 115—132.

Масленников Е.В. Перспективы применения нечисловых математических конструкций как основы инструментальной концептуализации социологии // Социология в системе научного управления обществом: Мат-лы IV Всероссийск. социол. конгресса. Тезисы. М., 2012. С. 106—107.

Момджян К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. Начальные этапы восхождения от абстрактного к конкретному. М., 1986.

Никаноров С.П. О больших теориях // *Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П.* Генезология психосферы. М., 2001. С. 560–571.

Никаноров С.П. Концептуализация предметных областей. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Методология и технология. М., 2009.

Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Математический аппарат. М., 2010 (по материалам сайта: <http://www.spnikanorov.ru/?to=books> (дата обращения: 27.11.2015)).

Никаноров С.П., Масленников Е.В. Социологические исследования и концептуальный анализ // *Социология: методология, методы, математические модели* (4М). 1996. № 7. С. 59–60.

Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее теоретической социологии в России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2015. № 2. С. 5–28.

Особенности построения развитых, математизированных теорий в современной науке // *Философия науки и техники*. М., 1995.

Розин В.М. Статья: конструкт // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М., 2009. С. 372–373.

Татарова Г.Г. Типологический анализ в социологии. М., 1993.

Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная стратегии. Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // *Социс*. 2000. № 10.

Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

Субботин А.Л. Статья: идеальный объект // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М., 2009.

Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.

REFERENCES

Boulding K. Obshchaya teoriya sistem — skelet nauki // *Issledovaniya po obshchej teorii sistem* / Pod obsh. red. V.N. Sadovskogo, Eh.G. Yudina. М., 1969. S. 106–124.

Bridgman P. W. Logic of modern physics. N.Y., 1927.

Burbaki N. Ocherki po istorii matematiki. М., 1963.

Burgin M.S., Kuznecov V.I. Sistemnyj analiz nauchnoj teorii na osnove koncepcii imenovannyh mnozhestv // *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik* 1985. М., 1986. S. 136–160.

Burgin M.S., Kuznecov V.I. CHto dolzhno vhodit' v sostav special'noj sociologicheskoy teorii? // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*. 1996. N 1.

Campbell N. Physics. The elements. Cambridge, 1920.

Ivanov A.Yu. Osnovnye formal'nye struktury prototipa teoreticheskoy psikhologii // *Osvoenie i konceptual'noe proektirovanie intellektual'nyh sistem: Sb. tez. dokl. i soobshch. Nauch. konf., Moskva, 21–27 aprelya 1990* / Pod red. S.P. Nikanorova. М., 1990. Ch. I. S. 167–170.

Ivanov A.Yu., Maslennikov E.V., Nikanorov M.S., Nikanorov S.P. Ob odnom podhode k postroeniyu prototipa teoreticheskoy psikhologii // *Osvoenie i kon-*

ceptual'noe proektirovanie intellektual'nyh sistem: Sb. tez. dokl. i soobshch. Nauch. konf., Moskva 21–27 aprelya 1990 g. / Pod red. S.P. Nikanorova. M., 1990. Ch. 1. S. 158–163.

Ivanov A.Yu., Maslennikov E.V., Nikanorov M.S., Nikanorov S.P. Genezologiya psihosfery. M., 2001.

Kononenko A.A., Kuchkarov Z.A., Nikanorov S.P., Nikitina N.K. Tekhnologiya konceptual'nogo proektirovaniya / Pod red. S.P. Nikanorova. M., 2004.

Kuchkarov Z.A., Nikanorov S.P., Solncev G.V., Shabarov V.N. Issledovanie social'no-ehkonomicheskikh sistem. Metodologiya. Teoriya. Sledstviya. M., 2007.

Maslennikov E.V. Konceptualizatsiya teoreticheskoy sociologii: metodologicheskij podhod i zadacha // Osvoenie i konceptual'noe proektirovanie intellektual'nyh sistem: Sb. tez. dokl. i soobshch. Nauch. konf., Moskva, 21–27 aprelya 1990 / Pod red. S.P. Nikanorova. M., 1990. Ch. I. S. 124–129.

Maslennikov E.V. Principy formirovaniya konceptual'noj modeli predmeta v metodologicheskom kontekste sociologicheskogo izmereniya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2011. N 3. S. 115–132.

Maslennikov E.V. Perspektivy primeneniya nechislovnyh matematicheskikh konstruktov kak osnovy instrumental'noj konceptualizatsii sociologii // Sociologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom: Mat-ly IV Vserossijsk. sociol. kongressa. Tezisy. M., 2012. S. 106–107.

Momdzhyan K.H. Kategorii istoricheskogo materializma: sistemnost', razvitie. Nachal'nye ehtapy voskhozhdeniya ot abstraktnogo k konkretnomu. M., 1986.

Nikanorov S.P. O bol'shih teoriyah // Ivanov A.Yu., Maslennikov E.V., Nikanorov M.S., Nikanorov S.P. Genezologiya psihosfery. M., 2001. S. 560–571.

Nikanorov S.P. Konceptualizatsiya predmetnyh oblastej. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Metodologiya i tekhnologiya. M., 2009.

Nikanorov S.P. Vvedenie v apparat stupeney mnozhestv. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Matematicheskij apparat. M., 2010 (po materialam sajta: <http://www.spnikanorov.ru/?to=books> (data obrashcheniya: 27.11.2015)).

Nikanorov S.P., Maslennikov E.V. Sociologicheskie issledovaniya i konceptual'nyj analiz // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli (4M). 1996. N 7. S. 59–60.

Osipova N.G. Proshloe, nastoyashchee i budushchee teoreticheskoy sociologii v Rossii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 2. S. 5–28.

Osobennosti postroeniya razvityh, matematizirovannyh teorij v sovremennoj nauke // Filosofiya nauki i tekhniki. M., 1995.

Rozin V.M. Stat'ya: konstrukt // Enciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki. M., 2009. S. 372–373.

Tatarova G.G. Tipologicheskij analiz v sociologii. M., 1993.

Tolstova Yu.N., Maslennikov E.V. Kachestvennaya i kolichestvennaya strategii. EHmpiricheskoe issledovanie kak izmerenie v shirokom smysle // Socis. 2000. N 10. S. 102–103.

Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M., 2000.

Subbotin A.L. Stat'ya: ideal'nyj obyekt // Enciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki. M., 2009.

Tipologiya i klassifikatsiya v sociologicheskikh issledovaniyah. M., 1982.

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Т.С. Мартыненко, ассистент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКЛАДОВ

I.A. Vershinina, associate professor, chair of modern sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: urbansociology@yandex.ru

T.S. Martynenko, assistant of the Chair of modern sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

INEQUALITY IN THE MODERN WORLD: A REVIEW OF INTERNATIONAL REPORTS

В статье анализируются два доклада международных организаций, в которых рассматриваются проблемы социального неравенства в глобальном масштабе. В статье выделены ключевые положения докладов, приведены основные выводы, сформулированные экспертами, рассмотрены факторы социального неравенства и его основные формы. На основе указанных докладов в статье представлены основные характеристики социального неравенства в России, рассмотрена специфика неравенства и данные о включенности россиян в глобальную элиту и средний класс.

Ключевые слова: глобализация, социальная структура, социальное неравенство, бедность, средний класс, прекариат.

The article analyses two reports of the international organizations dedicated to the problem of social inequality in a global scale. It distinguishes the main issues and the main conclusions of the reports formulated by experts; it also considers the factors of social inequality and its basic forms. The article presents main features of social inequality in Russia on the basis of these reports. It analyses peculiarities of Russian inequality and the data on Russian citizens inclusion into the global elite and into the global middle class.

Key words: globalization, social structure, social inequality, poverty, middle class, prekariat.

Неравенство является одной из наиболее актуальных проблем современного мира. Международный социологический конгресс 2014 г. “Лицом к неравному миру: вызовы для глобальной социологии” (*Facing an unequal world: challenges for global sociology*)¹, со-

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

** Мартыненко Татьяна Сергеевна, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

¹ XVIII ISA World congress of sociology. Facing an unequal world: challenges for global sociology. 13–19 July 2014. URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2014/> (accessed: 14.06.2016).

стоявшийся в Йокогаме, был посвящен проблемам неравенства, которое было названо одним из основных вызовов начала XXI в. Неравенство стало также одной из центральных проблем конференции, организованной Европейской социологической ассоциацией в 2015 г. в Праге “Различия, неравенства и социологическое воображение” (*Differences, inequalities and sociological imagination*)². Выступая с открывающим конференцию докладом на первом пленарном заседании, З. Бауман указал на тот факт, что неравенство, а точнее, усиливающаяся поляризация оказались “вне контроля”³. Ученые, эксперты и общественность обеспокоены новыми масштабами неравенства, переступившего национальные границы.

Глобальное неравенство достигло новых пределов: “Средства, накопленные десятью богатейшими людьми мира... составляют 2,7 трлн долларов, что примерно соответствует богатству Франции”⁴. Однако основная проблема, по словам З. Баумана, состоит в том, что «баснословное увеличение богатства незначительной доли общества, не превышающей 0,1 процента от его численности, происходит “в пору беспрецедентно бедственного положения” оставшихся 99,9 процента»⁵. Изменения на рынке труда приводят к формированию резко стратифицированной и сегментированной социальной структуры. З. Бауман считает главным итогом происходящих изменений размывание “среднего класса” и превращение его в “прекариат”⁶. Доля прекариата стабильно увеличивается в разных странах мира. Принадлежность к нему предполагает отсутствие социальных гарантий, профессиональной самоидентификации и возможностей для профессионального роста. Прекариату слишком хорошо “знакомы четыре ощущения — недовольство, anomia (утрата ориентиров), беспокойство и отчуждение”⁷, а потому он “опасен”. Высококвалифицированная рабочая сила, низкоквалифицированная рабочая сила, а также те, кто подвергается эксклюзии, все дальше дистанцируются друг от друга. Мы наблюдаем сокращение численности средних слоев, социальная структура становится менее открытой для профессиональной вертикальной

² 12th Conference of the European sociological association 2015, 25–28.08. Differences, inequalities and sociological imagination. URL: <http://www.esa12thconference.eu/> (accessed: 14.06.2016).

³ Bauman Z. Out of control and running wild; or (recent) history of modern inequality. Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference. Differences, inequalities and sociological imagination. Abstract book. P. 10. URL: http://esa12thconference.eu/sites/esa12thconference.eu/files/esa_2015_book_of_abstracts.pdf (accessed: 14.06.2016).

⁴ Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015. С. 48.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 41.

мобильности, нежели это было в недавнем прошлом, что способствует росту нестабильности и недовольства.

С методологической точки зрения изучение глобальных неравенств ставит вопрос о новых категориях и методах изучения социальной структуры, состоящей из различных пересекающихся уровней — локального, национального и глобального. Поэтому проблема не теряет своей актуальности и продолжает активно обсуждаться на международном уровне. Более того, “для социологии, с ее базовым понятием социальной структуры, тема *социального неравенства* является неустранимой, так как социальная структура, с точки зрения абстрактного определения, увязана с порядком социальных различий, которые в свою очередь отсылают к *неравномерному* распределению тех или иных социальных ресурсов”⁸. Однако глобализация требует серьезного переосмысления происходящего. В современном мире “ни одно социальное явление, требующее для своего решения объединенных усилий всех народов планеты, нельзя рассматривать вне общего контекста глобализации”⁹. И к числу подобных явлений, безусловно, относятся и глобальное социальное неравенство, а также бедность.

Данная статья основана на анализе данных двух докладов, в которых рассматривается проблема неравенства в современном мире. Статус, масштаб и цели организаций, публикующих указанные доклады, определяют актуальность проблематики и в то же время достоверность представляемых данных. Первая организация — банк “Кредит Свисс” (*Credit Suisse*), который является крупным финансовым холдингом. Банк, основанный в 1856 г., сегодня является глобальной финансовой организацией, имеющей представительства более чем в 50 странах, в том числе и в России, где функционирует дочерняя организация АО “Банк Кредит Свисс (Москва)”¹⁰. *Credit Suisse* входит в состав крупнейших банков мира по величине суммарных активов и эффективности вложений. Одним из подразделений финансового холдинга является исследовательский институт, основанный в декабре 2008 г. Деятельность института направлена на выявление значимых изменений и тенденций развития с целью обеспечения клиентов банка наиболее актуальной информацией. Чтобы выполнить свою функцию исследовательский институт сотрудничает с ведущими экспертами, учеными и анали-

⁸ Гавриленко О.В. Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 57.

⁹ Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 42.

¹⁰ АО “Банк Кредит Свисс (Москва)”. URL: <https://www.credit-suisse.com/ru/ru/private-banking/credit-suisse-office/credit-suisse-ru.html> (дата обращения: 14.06.2016).

тиками. Одним из результатов работы института является Доклад о глобальном благосостоянии, ежегодно публикуемый с 2010 г.¹¹ В данной статье анализируются данные доклада, опубликованного осенью 2015 г.

Другой доклад, ставший основой для данной статьи, был представлен в январе 2016 г. некоммерческой неправительственной организацией “Оксфам Интернешнл” (*Oxfam International*), которая была образована в 1995 г. на базе Оксфордского комитета помощи голодающим (*Oxford committee for famine relief*), возникшего в Великобритании в 1942 г. и сокращенно называвшегося *Oxfam*¹². Первоначальной целью данного комитета была помощь голодающим в Греции во время Второй мировой войны, однако, позднее международная организация заявила о своем желании содействовать сокращению бедности и социальной несправедливости во всем мире. Сегодня *Oxfam International* представляет собой объединение организаций из 17 стран (Австралия, Бельгия, Канада, Дания, Франция, Германия, Великобритания, Гонконг, Ирландия, Индия, Италия, Япония, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Испания и США), однако, секретариат по-прежнему базируется в Оксфорде (Великобритания)¹³. Представительства данной организации имеются в гораздо большем числе стран, различные программы реализуются в 90 странах мира. *Oxfam International* работает с 2003 г. и в России, имея небольшой офис в Москве¹⁴. Основным источником доходов компании преимущественно являются пожертвования, поэтому ежегодно с 2011 г. публикуются отчеты, благодаря которым можно оценить масштабы социальных проблем и эффективность реализуемых программ, направленных на их решение. Однако для данной статьи более интересен доклад, подготовленный для Всемирного экономического форума в Давосе и опубликованный в январе 2016 г., чем отчет за 2014–2015 гг. Название доклада — “Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству, и как это можно остановить”¹⁵ — еще раз подчеркивает основные цели организации.

¹¹ Global wealth report. URL: <https://www.credit-suisse.com/ch/en/about-us/research/research-institute/global-wealth-report.html> (accessed: 14.06.2016).

¹² History of Oxfam international. URL: <https://www.oxfam.org/en/countries/history-oxfam-international> (accessed: 14.06.2016).

¹³ На официальном сайте организации указано, что она состоит из 18 членов Международной конфедерации *Oxfam*, среди которых Канада и Квебек перечисляются как самостоятельные представительства.

¹⁴ Oxfam in Russia. URL: <https://www.oxfam.org/en/countries/russia> (accessed: 14.06.2016).

¹⁵ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 1.

Эксперты обеих организаций указывают на то, что пропасть между бедными и богатыми достигла новых рекордов. В 2015 г. 62 богатейших человека мира владели таким же состоянием, что и 3,6 млрд беднейших жителей планеты, причем состояние богачей за последние пять лет выросло на 44%, а бедняки потеряли 41%, т.е. пропасть между ними растет¹⁶. 1% самых богатых людей мира владеет большим состоянием, чем все остальные вместе взятые, а именно 50,1% мирового благосостояния; 10% богатых людей мира владеют уже 87,65% материальных ценностей¹⁷. Неравномерность распределения богатства увеличивается, а масштабы бедности растут.

Эксперты *Oxfam International* считают главной причиной неравенства в современном мире, которое приобретает кризисный характер, ситуацию в мировой экономике, которую Дж. Сорос охарактеризовал как “рыночный фундаментализм”¹⁸. Его суть состоит в том, что организации и частные лица используют свою власть и влияние в различных секторах экономики, чтобы получить экономическую выгоду. Экономические и политические изменения последних 30 лет привели к тому, что возможности богачей для дальнейшего приумножения своего благосостояния значительно выросли благодаря таким механизмам, как дерегулирование, приватизация, финансовая тайна и т.п.

Согласно докладу компании *Oxfam International*, существующая система распределения и использования привилегий и власти деформирует экономику и увеличивает разрыв между богатыми и остальными членами общества. Причиной сложившейся ситуации эксперты считают ошибочное представление о роли обеспеченных слоев населения в общественном развитии. “Рыночный фундаментализм”, согласно которому низкие налоги для отдельных областей промышленности (нефтяной, газовой и др.) и состоятельных граждан стимулируют рост экономики, по мнению авторов, является лишь инструментом защиты обеспеченных граждан. Попытки малообеспеченных слоев сократить экономическое неравенство интерпретировались как проведение “политики зависти”. Растущая глобальная сеть различного рода “налоговых убежищ” в настоящее время позволяет обеспеченным людям скрывать не

¹⁶ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 2.

¹⁷ Global wealth databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). PP. 99, 110.

¹⁸ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 4.

менее 7,6 трлн долл., что превышает совокупный ВВП Великобритании и Германии¹⁹. Субсидии, льготы, оффшорные территории способствуют сосредоточению богатства в руках тех немногих, кто демонстрирует нежелание им делиться.

Авторы доклада сравнивают уклонение от уплаты налогов с коррупцией: “Уклонение от налогов — форма коррупции, которая наносит вред бедным”²⁰. Оптимизация налогообложения привела к кризису государства всеобщего благоденствия и сокращению социальных программ. Транснациональные корпорации открыто заявляют о том, что их интересуют лишь собственные доходы. “Дойче Банк” (*Deutsche Bank*) поставил перед собой цель получать чистую прибыль, вообще не облагаемую налогами: “Наша цель... организовать свое промышленное присутствие таким образом, чтобы всегда иметь налоговую свободу; это значит: ожидаемое налогообложение составляет ноль процентов”²¹. Глобальная система уклонения от уплаты налогов высасывает жизнь из государства всеобщего благоденствия. Сокращение расходов благодаря оптимизации налогообложения, по данным *Oxfam International*, характерно для 90% крупных компаний²². Проблема неравенства будет усугубляться, пока будут существовать налоговые гавани, помогающие богатым еще больше увеличивать свое состояние.

Авторы доклада *Oxfam International* сосредоточили свое внимание на экономическом неравенстве, подчеркивая, что оно негативно сказывается на прочих его формах. Растущее экономическое неравенство во всем мире подрывает социальную сплоченность и способствует увеличению числа конфликтов. Наиболее уязвимыми, естественно, оказываются социальные группы с низкими доходами, для которых последствия усиления поляризации являются наиболее драматическими. Необходимо отметить, что данный факт фиксирует не только социология, но и другие науки, изучающие социальное неравенство в современном мире. Его дисфункциональный и разрушающий характер подчеркивают экономисты, географы, представители различных междисциплинарных направлений исследований²³. Даже экономический рост способствует не

¹⁹ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 3.

²⁰ Ibid. P. 5.

²¹ Вернер К., Вайс Г. Черная книга корпораций. Екатеринбург, 2007. С. 280–281.

²² An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 5.

²³ См. подробнее: Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015. С. 15–97; Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение обще-

сокращению, а, наоборот, увеличению неравенства. Поляризация между высшими и низшими слоями в настоящее время настолько сильна, что, по данным *Oxfam International*, даже если в стране наблюдается экономический рост, и доходы самых бедных будут расти с той же скоростью или быстрее, чем в среднем, то абсолютный разрыв между бедными и богатыми продолжит увеличиваться.

Тем не менее, эксперты *Oxfam International* не считают проблему неразрешимой, а неравенство — неизбежным. По мнению авторов доклада, “существующая система неравенства не является случайной — она результат преднамеренных политических решений”²⁴. Первым шагом в деле сокращения неравенства должно стать отрицание представлений о том, что все субъекты общественных отношений принимают выгодные для себя решения, обладая одинаковой информацией о происходящем. Доход крупных корпораций часто является результатом обладания закрытой информацией и исключения других участников рынка из некоторых сфер, которые монополизируются, а впоследствии обеспечивают сверхприбыль. Проведение социальной политики, направленной на решение этой проблемы, может привести если не к ликвидации, то по крайней мере к снижению степени социального расслоения и минимизации его негативных последствий. Для решения проблемы, по мнению экспертов *Oxfam International*, необходимо принять ряд мер.

Во-первых, обеспечить выплату рабочим прожиточного минимума, сократив разрыв между этими выплатами и вознаграждениями исполнительных директоров. Важно отметить, что на фоне растущей безработицы в Европе становится все более популярной идея о необходимости гарантированных выплат и перераспределении средств между гражданами государства вне зависимости от их трудового статуса. Теоретическое обоснование эта идея нашла в работах многих авторов, в том числе в трудах британского экономиста Г. Стэндинга²⁵. По его мнению, значение труда в обществе настолько велико, что даже выплата гарантированного прожиточного минимума не заставит людей покинуть свои рабочие места, но лишь повысит общий уровень благосостояния населения.

Вторым шагом должно стать сокращение гендерного неравенства. Положение женщин в современном мире представляет осо-

ства грозит нашему будущему. М., 2015. С. 148–185; *Dorling D.* Injustice: Why social inequality persists. Bristol, 2010. P. 1–32; *Harvey D.* The ways of the world. L., 2016; *Therborn G.* The Killing Fields of Inequality. Cambridge, 2013. P. 101–184; *Wilkinson R., Pickett K.* The spirit level. L., 2010. P. 49–272.

²⁴ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 6.

²⁵ Стэндинг Г. Указ. соч. С. 234–319.

бый интерес для исследователей. Для экспертов *Oxfam International* “социальное положение женщин является мерилем общественного прогресса”²⁶, как и для многих других исследователей, поскольку “гендерное неравенство — одновременно причина и следствие неравенства доходов”²⁷. В настоящее время 53 человека из 62 наиболее обеспеченных людей в мире являются мужчинами²⁸. Поэтому говорить о гендерном равенстве пока невозможно.

Ряд предложенных мер связан с улучшением ситуации в сфере здравоохранения. По мнению исследователей, важно не только развивать систему бесплатного здравоохранения, но и ввести контроль над ценами на лекарства и изменить международную систему фармацевтического производства. Наличие строгих авторских прав и патентов на лекарственные препараты делают невозможным их реализацию в необходимом количестве в экономически неблагополучных странах по причине их высокой стоимости, а, следовательно, недоступности для широких слоев населения.

Контроль и регулирование в сфере налогообложения также являются важными пунктами предлагаемой программы по сокращению неравенства. По мнению ученых, контроль над доходами элит, а также перемещение налоговой нагрузки с труда и потребления на финансовые активы, т.е. богатство и капитал, позволит перераспределить экономические ресурсы и улучшить социально-экономическую ситуацию в мире. Поэтому первым и самым важным шагом должно стать прекращение эры “налоговых убежищ” и перестройка системы налогообложения. Поскольку социальные отношения во всех сферах общественной жизни выходят на новый глобальный уровень, во многом благодаря развитию информационных технологий, постольку необходимо создать систему глобального налогообложения. Введение этой системы позволит контролировать и перераспределять ресурсы, будет способствовать исчезновению налоговых лазеек (особенно часто используемых транснациональными корпорациями). Появлению глобальной налоговой системы сегодня может способствовать возникновение глобального консенсуса, а также развитие системы налогового информирования.

Насколько реалистичны данные предложения? Первой страной, вынесшей на общественное обсуждение вопрос о выплате

²⁶ Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9.

²⁷ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 11.

²⁸ Ibid. P. 4.

всем прожиточного минимума, стала Швейцария. 5 июня 2016 г. в Швейцарии прошел референдум о необходимости введения “безусловного базового дохода” (нем. — *Für ein bedingungsloses Grundeinkommen*, фр. — *Pour un revenu de base inconditionnel*, итал. — *Per un reddito di base incondizionato*). Сторонники инициативы указывали, что подобное нововведение могло бы стать адекватным ответом на проблему занятости в условиях повсеместного сокращения числа рабочих мест и предлагали гражданам страны проголосовать за гарантированную выплату в размере 2500 швейцарских франков для взрослых (приблизительно 2300 евро) и 625 швейцарских франков для детей (приблизительно 575 евро)²⁹. Отрицательное решение приняло подавляющее большинство жителей, пришедших на референдум. За безусловный доход проголосовали 23%, против 77%³⁰. Видимо, идея не столь безупречна, как кажется некоторым экспертам. Необходимость кардинального изменения системы социального страхования сделала идею безусловного дохода неприемлемой для большинства населения. По словам швейцарских депутатов, “наш народ выступает за честный труд и личную ответственность: наши традиционные ценности”³¹. Не исключено, что опасения жителей Швейцарии связаны также и с перспективой привлечь социальными льготами большое количество мигрантов. Отношение швейцарских властей к беженцам далеко не самое доброжелательное. Швейцария не готова безвозмездно размещать на своей территории мигрантов и обременять себя их расходами. В обмен на получение разрешения дожидаться получения права остаться в Швейцарии в центре размещения мигрантов необходимо отдать все наличные деньги, оставив себе не более 1000 швейцарских франков (приблизительно 920 евро)³². Интересно, что если беженец в течение семи месяцев решит добровольно покинуть Швейцарию, то деньги ему вернут в полном объеме. Если же он устроится на работу, то должен будет отдавать до 10% заработка государству, пока сумма не достигнет 15 000 швейцарских франков (приблизительно 13 800 евро). Именно в такую сумму в Швейца-

²⁹ Референдум в Швейцарии 5 июня 2016: итоги // Сайт “Швейцария деловая”. URL: <http://business-swiss.ch/2016/06/referendum-v-shvejtsarii-5-iyunya-2016-itogi/> (дата обращения: 14.06.2016).

³⁰ Петров И. Безусловный доход в Швейцарии без шансов! // Сайт “Новости Швейцарии на 10 языках”. URL: http://www.swissinfo.ch/rus/politics/референдум-5-июня-2016-года_безусловного-дохода-в-швейцарии-не-будет-/42204568 (дата обращения: 14.06.2016).

³¹ Там же.

³² Филипенко А. Власти Швейцарии заставили беженцев оплачивать свое пребывание в стране // Сайт РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/15/01/2016/5698b3319a79476bf0fa3d8> (дата обращения: 14.06.2016).

рии оценивают затраты на прием каждого приезжего. Итак, идея безусловного дохода, несмотря на активное обсуждение, по-прежнему остается лишь идеей, причем уже решительно отвергнутой в Швейцарии.

Идея о глобальном налогообложении представляется не менее утопичной. Американский экономист Дж. Тобин, лауреат Нобелевской премии в области экономики 1981 г., уже предлагал в 1970-е гг. решение проблемы миграции капиталов и отсутствия регулирования в финансовой сфере. Он подсчитал, что если обложить все финансовые операции с иностранной валютой налогом в размере хотя бы 0,1%, то это могло бы резко ограничить валютные спекуляции, сделав большую часть из них невыгодными. По подсчетам экспертов этот налог мог бы существенно пополнить доходы государств. Даже если бы количество валютных операций сократилось бы на две трети ежегодно можно было бы получать от 150 до 720 млрд долл.³³ Эти средства Дж. Тобин предлагал передать международным финансовым организациям с целью борьбы против неравенства и бедности, развития образования, подъема экономики и т.д. С теоретической точки зрения предложение безупречно. Сложность же его реализации заключается в том, что налог должен быть введен одновременно по всему миру. До сих пор не было выдвинуто ни одного обоснованного возражения против введения данного налога, однако он не был введен не столько по причине технических сложностей, сколько потому, что несет существенную угрозу интересам банковского сектора и крупным финансовым центрам, которые боятся потерять клиентов. Меры, которые необходимо принять для сокращения неравенства, очевидны. Но механизмы их реализации пока не предложено.

В отличие от авторов доклада, представленного *Oxfam International*, эксперты швейцарского банка *Credit Suisse* не ставят своей целью поиск мер по минимизации неравенства. Они лишь хотят изложить достоверную информацию об экономической ситуации в современном мире и выявить тенденции развития, в частности, изменения доходности тех или иных активов, их места в структуре доходов наиболее обеспеченных слоев населения в разных странах.

В докладе Исследовательского института *Credit Suisse* отмечается, что изучение неравенства в глобальном масштабе требует осторожности при выборе методологии исследования³⁴. Анализ глобального

³³ См.: Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 118.

³⁴ Global Wealth Databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). P. 5.

благосостояния состоял из нескольких последовательных этапов. Исходной точкой стало вычисление среднего уровня благосостояния для каждой из стран на основе имеющихся данных о доходах домохозяйств. В качестве расчетной единицы авторы использовали доллар США, значение которого определялось с опорой на официальные валютные курсы, однако, для получения более точных данных делалась поправка на основе паритета покупательной способности. Эксперты отмечают, что изучение глобального неравенства возможно лишь при наличии достоверных данных об экономическом положении домохозяйств. Представители Исследовательского института подчеркивают, что в последние годы качество используемой информации неуклонно растет благодаря появлению все более универсальных показателей, позволяющих сопоставлять различные составляющие личного богатства. Вторым шагом исследования стали уточнение того, как богатство распределено между различными социальными слоями внутри страны, и выявление наиболее обеспеченных граждан в каждой из них. Последним этапом стала корректировка картины распределения богатства на основании списков, составляемых журналом “Forbes”.

Еще одним элементом анализа являлось определение структуры активов, принадлежащих наиболее обеспеченным группам населения. В ходе исследования выяснилось, что по мере экономического развития и накопления благосостояния наблюдается устойчивая тенденция к росту финансовых активов (акции, облигации, валюта и т.п.) и сокращению нефинансовых (например, жилье, земля, имущество малого бизнеса и т.д.).

Авторы подчеркивают, что несмотря на относительно высокую степень достоверности используемых данных еще многое предстоит сделать для того, чтобы методы оценки благосостояния и уровня неравенства стали доступными для всех стран.

Особое внимание в своем исследовании эксперты *Credit Suisse* уделяют изучению среднего класса. В данный момент к нему принадлежит примерно 14% взрослого населения мира³⁵, хотя по странам цифры варьируются. Доходы выше среднего имеют лишь 2% взрослого населения³⁶, а всем остальным в большей или меньшей степени знакомы проблемы, связанные с бедностью и нищетой.

Попытка оценить численность глобального среднего класса принята не впервые, об этом уже писали, например, экономисты

³⁵ Global Wealth Databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). P. 115.

³⁶ Ibid.

Б. Миланович и Ш. Ицхаки³⁷. Авторы доклада, подготовленного подразделением *Credit Suisse*, указывают на сложности, возникающие при попытке определить, кто входит в средний класс, и говорят, что для них эта группа определяется не столько доходом, который в условиях растущей безработицы нестабилен, сколько благосостоянием, которое включает в себя еще и собственность, что позволяет с большей определенностью смотреть в будущее. Таким образом, концептуализация “среднего класса” на основе благосостояния, а не дохода позволяет учесть стоимость активов, принадлежащих представителям среднего класса, предоставляя ему стабильность, свободу и безопасность, являющиеся его важными признаками.

Как подчеркивают авторы доклада, “во всем мире численность, состояние здоровья, возможности и ресурсы среднего класса рассматриваются в качестве ключевых факторов, определяющих скорость и устойчивость экономического развития”³⁸. Его значение чрезвычайно велико. Средний класс находится в центре различных политических движений, задает и популяризирует новые модели потребления, а также является социальной базой для рекрутирования элиты, в первую очередь, экономической, т.е. бизнесменов и предпринимателей. По мнению экспертов, численность среднего класса растет. С 2000 г. прирост представителей среднего класса по всему миру составил примерно 27%³⁹, что свидетельствует о наличии позитивных изменений.

Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что численность среднего класса и его благосостояние сильно варьируются в разных странах: от 3% взрослого населения в Индии до 66% взрослого населения в Австралии⁴⁰. Эксперты также отмечают, что есть и тревожные тенденции. Мировой экономический кризис 2008 г. привел к сокращению, как численности, так и благосостояния среднего класса, которые во многих странах так и не достигли значений 2007 г. Хотя если рассматривать отдельные страны, то в некоторых из них можно увидеть и вполне благополучную картину. В Китае с 2000 г. средний класс увеличился на 38 млн человек, а его богатство, в свою очередь, возросло на 5,6 трлн долларов. Как следствие, китайский средний класс стал самым многочисленным в мире в аб-

³⁷ *Milanovic B., Yitzhaki S.* Decomposing world income distribution: does the world have a middle class? // *Review of Income and Wealth*. 2002. Vol. 48. N 2. P. 155–178.

³⁸ *Global wealth databook 2015.* Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). P. 114.

³⁹ *Ibid.* P. 116.

⁴⁰ *Ibid.* P. 120.

солютных цифрах. В настоящее время в Китае 109 млн человек являются членами глобального среднего класса, в то время как в США их всего 92 млн⁴¹. Индия продемонстрировала более скромный прирост: численность среднего класса возросла на 6,7 млн человек, а благосостояние на 1,2 трлн долларов. В США сокращение доли среднего класса сопровождается увеличением числа тех, кто находится выше среднего⁴². Имущественное расслоение в целом возросло, произошло перераспределение богатства в пользу тех, кто и так не был им обделен. Число долларовых миллионеров и миллиардеров стабильно растет, что позволяет авторам доклада сделать вывод об улучшении благосостояния и с оптимизмом смотреть в будущее.

Однако необходимо учитывать, что неравенство усиливается не только внутри стран, но и между ними. Как отмечают авторы доклада, богатство крайне неравномерно распределено между регионами мира: "...в ходе анализа становятся очевидными некоторые интересные контрасты между регионами. Более 93% взрослого населения Африки владеет менее чем 10 тыс. долларов, а в Индии эта величина составляет 95%. Между тем доля владеющих менее чем 10 тыс. долларов составляет 62% в Китае, 45% — в Европе и 27% населения в Северной Америке. С другой стороны, 25% взрослого населения в Европе и 40% в Северной Америке владеют богатством свыше 100 тыс. долларов. Распределение богатства в Латинской Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе напоминает картину в мире в целом: в обоих регионах более 70% всех взрослых владеют активами, стоимость которых менее 10 тыс. долларов"⁴³. Вряд ли это свидетельствует о повсеместном процветании и стабильности.

Особое внимание следует уделить России, которая упоминается в обоих докладах. Эксперты *Oxfam International* констатируют тот факт, что в России, как и в Китае, можно увидеть значительное увеличение экономического неравенства, что приводит к более медленному сокращению гендерного неравенства, чем в других странах⁴⁴. Иными словами, Россия рассматривается как типичная страна с раз-

⁴¹ Global wealth databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). P. 115.

⁴² Ibid. P. 116.

⁴³ Ibid. P. 138.

⁴⁴ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 12.

вивающейся экономикой, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Если говорить о специфике страны, то авторы доклада лишь указывают на то, что на оформление существующей системы неравенства и значительной поляризации между высшим и низшим слоями оказал процесс приватизации, произошедший в 1990-е гг. прошлого века: “Огромные состояния небольшой группы лиц были созданы в течение одной ночи”⁴⁵. Особенно критически авторы доклада настроены по отношению к владельцам компаний, занимающихся добычей нефти и газа. По их словам, данные компании используют любые способы, чтобы обеспечить себе доминирующее положение. Они лоббируют получение государственных субсидий и налоговых льгот, возвращают в виде налогов гораздо меньшие суммы, чем могли бы, оптимизируя налогообложение, завышают цены на свои продукты и препятствуют появлению зеленых альтернатив. Однако подобное положение дел фиксируется в Мексике и других странах Латинской Америки, поэтому Россия опять анализируется как одна из многих.

Эксперты *Credit Suisse* уделяют нашей стране больше внимания. Анализ благосостояния российских граждан основывался на данных, предоставленных финансовой организацией *Unicredit*⁴⁶. Выводы неутешительны. В докладе говорится о том, что с 2014 г. по 2015 г. общее благосостояние домохозяйств снизилось на 38,6%, по этому показателю более печальная ситуация лишь на Украине, где снижение еще более значительно (40,7%)⁴⁷. Наибольший рост, в свою очередь, продемонстрировали Гонконг (8,3%) и Китай (7%). Лишь 931 тыс. российских граждан обладают богатством, которое превышает 100 тыс. долларов, а долларовых миллионеров в нашей стране насчитали 92 тыс.⁴⁸, что составляет соответственно 0,24% и 0,27% от количества людей с подобными доходами в мире. Лишь незначительное число наших сограждан демонстрируют высший уровень доходов в мировом масштабе. Для сравнения, наибольшее число обеспеченных граждан приходится на США: соответственно 95 049 тыс. человек (24,84% от всех людей в мире, имеющих доход свыше 100 тыс. долларов) и 15 656 тыс. человек (46,43% долларовых

⁴⁵ An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016). P. 5.

⁴⁶ Global wealth databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). P. 12.

⁴⁷ Ibid. P. 97.

⁴⁸ Ibid. P. 106.

миллионеров в мире)⁴⁹. В свою очередь, к глобальному среднему классу относятся, по данным исследователей, лишь 4,1% взрослого населения России, что составляет не более 0,7% от мировых показателей⁵⁰. Таким образом, по мнению международных экспертов, подавляющее большинство жителей нашей страны не может претендовать на включение в средние слои и слои выше среднего.

Оценки отечественных исследователей более оптимистичны. По мнению некоторых из них, к среднему классу в России можно отнести до 44%⁵¹. Однако они отмечают, что “периферия среднего класса” не может похвастаться стабильностью, поэтому различия в методологии выявления среднего класса с международными экспертами очевидны. Российскому среднему классу (по крайней мере, значительной его части) оказываются присущи те черты, которые более характерны для прекариата. Прогнозируется, что рост прекариата в современных российских условиях будет происходить и за счет высококвалифицированных специалистов бюджетной сферы, вынужденных переходить на условия частичной, неполной занятости, снижения социальных гарантий в результате, например, реформы высшего образования и здравоохранения⁵², т.е. тех социальных слоев, которые часто включаются российскими социологами в средний класс. Социологические исследования свидетельствуют о том, что проблема актуальна и осознается населением. Респонденты указывают на то, что у них все чаще возникают сложности с доступом к качественному медицинскому обслуживанию и образованию⁵³. Не решаясь говорить о положительной динамике трансформации социальной структуры в нашей стране, российские социологи чаще указывают на стабильность и незначительные изменения.

Несмотря на заявления экспертов *Credit Suisse* о росте благосостояния, статистические данные, представленные в докладе, опти-

⁴⁹ Global wealth databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed: 14.06.2016). P. 106.

⁵⁰ Ibid. P. 123.

⁵¹ Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. Институт социологии Российской академии наук. М., 2016. С. 6.

⁵² Вершинина И.А., Маркеева А.В. Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 31.

⁵³ Волкова Л.В. Представления российской молодежи о социальной несправедливости // Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции “Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными”, 16–17 марта 2016. Мат-лы конференции. М., 2016.

мизма не вызывают. Глобальное неравенство усиливается, и этот факт очевиден. Некоторые полагают, что решение проблемы должно быть кардинальным. В 2013 г. был опубликован сборник работ авторитетнейших авторов, — И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна и К. Калхуна, — в название которого был вынесен все чаще звучащий вопрос: есть ли будущее у капитализма⁵⁴? И не только они сомневаются в том, что ответ утвердительный. З. Бауман также говорит о том, что «мир глобального капитализма» откровенно неадекватен для того, чтобы решать, не говоря уже о том, чтобы ставить перед собой те “долгосрочные задачи”, выполнение которых необходимо для предотвращения катастрофы»⁵⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АО “Банк Кредит Свисс (Москва)”. URL: <https://www.credit-suisse.com/ru/ru/private-banking/credit-suisse-office/credit-suisse-ru.html> (дата обращения: 14.06.2016).

Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015.

Вернер К., Вайс Г. Черная книга корпораций. Екатеринбург, 2007.

Вершинина И.А., Маркеева А.В. Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14.

Волкова Л.В. Представления российской молодежи о социальной несправедливости // Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции “Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными”, 16–17 марта 2016. Мат-лы конференции. М., 2016.

Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4.

Гавриленко О.В. Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 3.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001.

Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2.

Петров И. Безусловный доход в Швейцарии без шансов! Сайт “Новости Швейцарии на 10 языках”. URL: http://www.swissinfo.ch/rus/politics/референдум-5-июня-2016-года_безусловного-дохода-в-швейцарии-не-будет-/42204568 (дата обращения: 14.06.2016).

⁵⁴ Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derluigian G., Calhoun C. Does capitalism have a future? N.Y., 2013.

⁵⁵ Бауман З. Указ. соч. С. 76.

Референдум в Швейцарии 5 июня 2016: итоги // Сайт “Швейцария деловая”. URL: <http://business-swiss.ch/2016/06/referendum-v-shvejtsarii-5-iyunya-2016-itogi/> (дата обращения: 14.06.2016).

Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. Институт социологии Российской академии наук. М., 2016.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Филипенко А. Власти Швейцарии заставили беженцев оплачивать свое пребывание в стране. РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/15/01/2016/5698b3319a79476fbf0fa3d8> (дата обращения: 14.06.2016).

REFERENCES

12th Conference of the European sociological association 2015, 25–28.08. Differences, inequalities and sociological imagination. URL: <http://www.esa12thconference.eu/> (accessed: 14.06.2016).

XVIII ISA World Congress of sociology. Facing an unequal world: challenges for global sociology. 13–19 July 2014. URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2014/> (accessed: 14.06.2016).

АО “Bank Kredit Sviss (Moskva)”. URL: <https://www.credit-suisse.com/ru/ru/private-banking/credit-suisse-office/credit-suisse-ru.html> (data obrashheniya: 14.06.2016)).

An Economy for the 1%. 210 Oxfam briefing paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 14.06.2016).

Bauman Z. Idet li bogatstvo nemnogih na pol’zu vsem prochim? М., 2015.

Bauman Z. Out of control and running wild; or (recent) history of modern inequality. Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference. Differences, inequalities and sociological imagination. Abstract book. URL: http://esa12thconference.eu/sites/esa12thconference.eu/files/esa_2015_book_of_abstracts.pdf (accessed: 14.06.2016).

Dorling D. Injustice: why social inequality persists. Bristol, 2010.

Filipenko A. Vlasti Shvejtsarii zastavili bezhencev oplachivat’ svoe prebyvanie v strane. РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/15/01/2016/5698b3319a79476fbf0fa3d8> (data obrashheniya: 14.06.2016).

Gavrilenko O.V. Rossiya mezhdru Zapadom i Vostokom: organizacija, kul’tura, praktiki upravlenija i otnoshenija neravenstva // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2014. N 3.

Global wealth databook 2015. Credit Suisse. Research institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5> (accessed date: 14.06.2016).

Global wealth report. URL: <https://www.credit-suisse.com/ch/en/about-us/research/research-institute/global-wealth-report.html> (accessed date: 14.06.2016).

Harvey D. The ways of the world. L., 2016.

History of Oxfam International. URL: <https://www.oxfam.org/en/countries/history-oxfam-international> (accessed date: 14.06.2016).

Martin G.-P., Shumann H. Zapadnja globalizaciji: ataka na procvetanie i demokraciju. M., 2001.

Milanovic B., Yitzhaki S. Decomposing world income distribution: does the world have a middle class? // Review of Income and Wealth. 2002. Vol. 48. N 2.

Osipova N.G. Otrasleyaja matrica sovremennoj sociologii: krizis divergencii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2013. N 2.

Oxfam in Russia. URL: <https://www.oxfam.org/en/countries/russia> (accessed date: 14.06.2016).

Petrov I. Bezuslovnyj dohod v Shvejcarii bez shansov! // Sajt "Novosti Shvejcarii na 10 jazykah". URL: http://www.swissinfo.ch/rus/politics/referendum-5-ijunya-2016-goda_bezuslovnogo-dohoda-v-shvejcarii-ne-budet-/42204568 (data obrashhenija: 14.06.2016).

Referendum v Shvejcarii 5 ijunya 2016: itogi // Sajt "Shvejcarija delovaja". URL: <http://business-swiss.ch/2016/06/referendum-v-shvejtsarii-5-iyunya-2016-itogi/> (data obrashhenija: 14.06.2016).

Rossijskij srednij klass v uslovijah stabil'nosti i krizisov. Informacionno-analiticheskoe rezjume po rezul'tatam mnogoletnego monitoringa. Institut sociologii Rossijskoj akademii nauk. M., 2016.

Stiglic Dzh. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. M., 2015.

Stjending G. Prekariat: novyj opasnyj klass. M., 2014.

Therborn G. The killing fields of inequality. Cambridge, 2013.

Verner K., Vajs G. Chernaja kniga korporacij. Ekaterinburg, 2007.

Vershinina I.A., Markeeva A.V. Transformacija rynka truda global'nyh gorodov i ee social'nye posledstvija // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2015. N 14.

Volkova L.V. Predstavlenija rossijskoj molodezhi o social'noj nespravedlivosti // Tezisy VI mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii "Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponjatnymi i poleznymi", 16–17 marta 2016. Materialy konferencii. M., 2016.

Voronina O.A. Sociokul'turnye determinanty razvitiya gendernoj teorii v Rossii i na Zapade // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. N 4.

Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derluigian G., Calhoun C. Does capitalism have a future? N.Y., 2013.

Wilkinson R., Pickett K. The spirit level. L., 2010.

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

S.A. Baturenko, candidate of sociological sciences, associate professor of history and theory of sociology of sociological faculty of Lomonosov Moscow State University, e-mail: level_s@rambler.ru

THE SOCIOLOGICAL THEORY OF SOCIAL STRATIFICATION AND TRANSFORMATIONAL PROCESSES IN MODERN RUSSIA

В данной статье рассматривается развитие социологической теории социальной стратификации и особенности ее применения для изучения социальной структуры современного российского общества. Исследования системы стратификации связаны как с трансформационными процессами российского общества, так и в целом с изменениями, происходившими в социальных науках в 80–90-х гг. XX в. Автор анализирует некоторые теоретические, методологические проблемы и основные достижения исследований. В современной отечественной социологии в области изучения социальной структуры отчетливо наблюдается преемственность и взаимосвязь с западной. Заимствование различных уже существующих популярных в западной социологии подходов вполне оправданно, поскольку каждый из них обладает определенными эвристическими возможностями. Трансформационные процессы постсоветского времени способствовали изменению условий развития социологической теории социальной стратификации. Очевиден также тот факт, что трансформационные процессы, происходящие в современном российском обществе, способствовали также проявлению кризиса в социологической науке. Вместе с тем, ученые-социологи получили возможность поиска и выбора теоретических направлений и инструментальных средств для анализа системы стратификации российского общества. Данную ситуацию можно характеризовать и как возникновение некоторой методологической свободы, дающей возможность искать новые познавательные средства и открывающей широкий доступ к самым разным современным западным теориям.

Ключевые слова: социальная стратификация, современное российское общество, социальная структура, теория социальной стратификации.

In the article the development of sociological theory social stratification and the peculiarity of its application for the study of social structure of modern Rus-

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

sian society is considered. Researches of stratification system are connected as with transformational processes of the Russian society, and in general with the changes happening in social sciences in the 80–90th years of XX century. The author analyzes some theoretical, methodological problems and the main achievements of researches. In modern Russian sociology in the study of social structure is clearly observed and the continuity of the relationship with western sociology. Borrowing of various existing popular in Western sociology approaches is justified, because each of them has certain heuristic features. Transformational processes of Post-Soviet time promoted change of conditions of development of the sociological theory of social stratification. Obvious was a fact that the transformational processes happening in modern Russian society promoted also manifestation of crisis in sociological science. At the same time scientists-sociologists have had an opportunity of search and choice of the theoretical directions and tools for the analysis of system of stratification of the Russian society. This situation can be characterized as origin and some methodological freedom, giving the opportunity to find new cognitive tools, which opens wide access to a variety of modern Western theories.

Keywords: *social stratification, modern Russian society, social structure, theory of social stratification.*

Проблема изучения социальной стратификации в современном российском обществе остается одной из самых актуальных. Процессы затянувшейся трансформации системы социальной стратификации способствуют сохранению научного интереса к данной проблеме. Особое внимание исследованию этих процессов уделялось в начале 90-х гг. XX в., т.е. в тот период, когда российское общество переживало радикальную трансформацию, перестройку социальной природы путем разрушения старых и создания новых социальных структур и институтов. Изменялись формы и отношения собственности, системы политической власти и управления, формы социального неравенства. Отечественные ученые стали активно изучать вопрос влияния множества сложных трансформационных процессов в экономике, политике, социальной сфере на изменение социальной стратификации.

Учитывая сложности самого переходного процесса, а также исследовательские трудности в первое время непросто было составить целостную картину происходящих изменений. Тем не менее сотни научных трудов отечественных социологов посвящены анализу различных аспектов социальной структуры российского общества и их трансформации как в начале 90-х гг. XX в., так и в последние годы. Продолжают проводиться эмпирические социологические исследования, связанные с изменением положения разных общественных групп, особое внимание уделяется, как правило, недавно возникшим и появляющимся группам. Кроме того исследования

системы стратификации в начале 1990-х гг. также были связаны с изменениями, происходившими в социальных науках в 1980—1990-е гг.

Помимо этого необходимо учитывать характерные черты и особенности развития социологии в России с момента ее зарождения на рубеже 60—70-х гг. XIX в. Среди главных особенностей русской социологической мысли всегда были ее тесная связь с общественной практикой, а также обусловленность интереса к познанию духовными запросами общества. Все характерные черты и особенности развития социологической науки отражались и на исследованиях социальной структуры. В первые годы советского периода преобразований в социологии проблемы теоретико-методологического характера в области исследования социальной стратификации не были явно выражены, а потому не стали предметом масштабных научных дискуссий. Сложилось представление об отсутствии не только самой этой проблемы, но также и об отсутствии необходимости изучения вертикальной иерархии. Тем не менее нельзя утверждать, что на протяжении довольно длительного советского периода совсем не проводились эмпирические исследования, посвященные проблемам социальной структуры. При внимательном рассмотрении можно выявить не только конкретные направления научного интереса ученых, изучавших социальную структуру в целом и ее отдельные слои, социальную мобильность, но и определенную периодизацию исследований. В области разработки теоретических проблем помимо утвердившейся методологии марксизма и абсолютного методологического единообразия, характерного для советской социологии, можно говорить и о существовании ряда отечественных социологов, явным образом стремившихся это единообразие преодолеть. В частности, советские социологи обращались к своим коллегам из других социалистических стран за помощью и поддержкой при исследовании системы стратификации.

Опираясь на опыт зарубежных специалистов в области исследования социальной стратификации обществ советского типа, в частности на польскую социологию (С. Оссовский, С. Новак, В. Весоловский, З. Бауман, Е. Вятр) и чешскую (П. Махонин)¹, отечественные ученые проводили собственные исследования, выявляя компоненты социального статуса, реально существовавшие социальные слои, выражающие целостную, специфическую, многофакторную типо-

¹ *Nowak St.* Changes of social structure in social consciousness // *The Polish Sociological Bulletin*. 1964. N 2; *Machonin P., et all.* Ceskoslovenska spolecnost. Sociologicka analyza socialni stratifikace. Bratislava, 1969; *Ossowski St.* Structura klasowa w spolecznej swiadomosci. Lodz, 1957; *Wesolowski W., Slomczynski K.* Social Stratification in Polish Cities // *Social Stratification* / Ed. by J.A. Jackson. Cambridge, 1968; *Wiatr I.* Spolecznstwo. Wstep do socjologii systematycznej. Warsaw, 1965.

логию элементов социальной структуры российского общества советского периода. Российским социологам удалось определить сущность советской социетальной системы в целом, а также главные характеристики, составлявшие первооснову общества данного типа и определявшие состояние системы стратификации².

Принимая во внимание огромное влияние марксистской методологии в советский период, следует отметить и некоторые ее положительные стороны. В отечественной социологии на основе марксистской методологии сложились основные устойчивые принципы и критерии научности социологического знания. Принятие данной методологии служило прочным фундаментом объединяющей научной коммуникации, использования единого понятийного аппарата на основе общезначимости основных категорий. Эмпирические исследования были обеспечены единой методикой, чаще всего основанной на статистическом подходе. Опираясь на методологию марксизма, отечественные социологи определили тип системы социальной стратификации и соответствующий ей характер социальной мобильности.

Специфика исторического развития российского общества определяла и возможности научного познания. Начавшийся в России в XIX в. процесс классообразования был прерван в 1917 г., а новый тип социальной структуры характеризовался советскими властями как бесклассовый. В соответствии с исторической ситуацией отрицалось существование каких-либо известных и общепринятых типов социальной стратификации (рабство, касты, сословия, классы). Вместе с тем единственным классом, отчетливо обозначенным и сохранившимся после политических и социальных преобразований, оставался пролетариат.

Опираясь на официальные документы 30-х гг. XX в., в которых говорилось о завершении переходного периода от капитализма к социализму, характер социально-классовой структуры, сложившейся в СССР, советские исследователи описывали простой формулой, получившей широкое распространение и условно обозначаемой в научных кругах как “2+1” (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция). Данная формула была в общих чертах обозначена в докладе о новой Конституции СССР И.В. Сталиным, и служила основой общего представления о социальной структуре советского общества. Фактически в 1936 г. И.В. Сталиным было провозглашено успешное развитие в Советском Союзе социалистического общества с соответствующим ему отсутствием антагонистических клас-

² Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

сов. Речь шла о двух основных существующих классах — рабочих и крестьян, а также о наличии рекрутируемой из этих классов прослойке интеллигенции, которая служила трудовому народу³. В реальности система социальной стратификации выглядела не совсем так, как было описано в обращении Сталина. Происходившие и сменявшие друга друга трансформационные процессы требовали более тщательного исследования системы стратификации. Возникла необходимость специального изучения не только появившегося слоя бюрократии, но и сложных процессов дифференциации, происходивших внутри названных классов и отношений между ними.

В советской социологии действительно было немного работ, посвященных анализу вертикального расслоения общества. Советские и зарубежные социологи и историки заостряли свое внимание на конкретных, часто бытовых вопросах, изучение которых позволяло построить и воспроизвести схему социального расслоения, имущественного и иного неравенства, всей социальной структуры в целом. Описывая вертикальную иерархию, отечественные социологи позже отмечали жесткое деление на управляющих и управляемых, при котором доступ человека к различного рода ресурсам (материальным, социальным, духовным) и положение человека в целом зависели от уровня в управленческой иерархии, на котором он находился. В действительности среди причин неравенства, определяющих особенности системы стратификации советского общества, можно указать как материальные различия (неодинаковый доступ к материальным благам), так и социальные (в числе последних, например, и фактор происхождения). Под влиянием этих различий происходили и внутренние изменения, позволявшие увидеть не только гетерогенный состав каждого из существовавших классов, но и возникновение конфликтных ситуаций между ними.

Помимо всего прочего советский тип социальной стратификации характеризовался высоким уровнем социальной мобильности, основанной на доступности и престижности образования, позволяющего получить соответствующую профессиональную подготовку и повысить свой статус. Это способствовало увеличению объемов властного ресурса и обеспечивало возможность перемещения на уровень управляющих. Кроме того, подтверждая факт высокой степени восходящей вертикальной мобильности, исследователи отмечали и постоянный рост числа управленцев как особого слоя советского общества.

Среди замечаний методологического характера, касающихся исследований советского общества, следует отметить существовавшие

³ См.: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 19; *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 549–551.

несоответствия официальной модели объяснения социальной структуры и специфической траектории развития общества, находящегося в непрерывном движении. Противоречия принятой и господствовавшей в научной литературе с 1936 г. формулы и реального состояния социальной структуры были замечены отечественными учеными. Если, анализируя социальную природу системы стратификации советского общества, рассматривать достаточно большой период с середины 1930-х до 1980-х гг., то можно говорить о широком диапазоне мнений ученых и сложности выстраивания их логической взаимосвязи. На протяжении всего советского периода эти мнения варьировались от простого воспроизведения официальной модели до ее полного отрицания. Факт такого разнообразия и его причины описаны многими авторами, непосредственно изучавшими социальную структуру советского общества⁴.

Очевидным является тот факт, что и в советский период при исследовании социальной структуры были попытки выйти за пределы официальной методологии марксизма, предпринимаемые как отечественными социологами, так и зарубежными. В частности, одним из самых ярких примеров является наиболее успешная попытка использования стратификационной модели при анализе социальной структуры советского общества американским ученым А. Инкелесом. А. Инкелес (1920–2010) был одним из наиболее популярных авторов, изучавших общественное устройство советского типа. В 1949 г. он получил степень доктора философии в Колумбийском университете и большую часть своей долгой и выдающейся исследовательской жизни работал преподавателем в двух самых известных в мире университетах — Гарварде и Стэнфорде. Коллеги и последователи отмечают его бесценный вклад в изучение советского российского общества в то время, когда об этом типе общества еще мало было известно в силу исторических особенностей развития. Широко известны такие работы А. Инкелеса, как “Общественное мнение в советской России” (1950), “Как работает советская власть” (1956), “Советский гражданин” (1959), “Советское общество” (1961), и “Социальные изменения в советской России” (1968)⁵. Известным является и описание иерархического строения,

⁴ Руткевич М.Н. Социальная структура. М., 2004; Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009; Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1972; Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3.

⁵ Inkeles A. The Soviet citizen: daily life in a totalitarian society. Harvard, 1959; *Idem*. Soviet society: a book of readings. Constable; Boston, 1961; *Idem*. A social structure and mobility in the Soviet Union, 1940–1950 // Social stratification / Ed. by J. Lopreato. N.Y., 1974.

состоящего из восьми страт, приведенное данным автором еще в тот период времени, когда СССР рассматривался в качестве альтернативного образца общественных преобразований. На нижних уровнях иерархии находились рядовые крестьяне и заключенные, отбывавшие срок в исправительно-трудовых лагерях и фактически находившиеся вне рамок формальной социальной структуры⁶. На высших — высшее партийное и государственное руководство. Между крайними социальными уровнями автор определил позиции, занимаемые представителями интеллигенции, не являющейся, по его словам, компактным однородным образованием и различающейся по степени влияния на сферу принятия решений. Также он выделяет позиции собственно рабочих, как гетерогенного образования, разделенного на три подгруппы — элитные квалифицированные, рядовые и средние слои. Модель, предложенная А. Инкелесом, показывала общество в ином виде, нежели официальная советская модель, опровергая представления о равенстве советской системы и раскрывая природу существующего неравенства как еще более строгую и репрессивную по сравнению с современными ему капиталистическими обществами со свойственными им различиями в уровне дохода, стиля жизни и т.п. Описанная американским ученым социальная структура советского общества до сих пор привлекает внимание исследователей, поскольку является одной из самых неординарных для своего времени. Вместе с тем очевидна и теоретическая слабость данной модели. В частности, выделяя названные слои, автор не смог четко обозначить критерии отнесения к той или иной группе. Сам ученый подчеркивал свое предпочтение веберовской методологии многомерного общества, в соответствии с которой основным фактором считал статус. Однако в соответствии с логикой данного методологического подхода, статус является качественной характеристикой социальных групп. Вместе с тем возник еще один важный исследовательский вопрос — вопрос о способах фиксации статуса в данном типе общества.

Следует отметить еще один аспект проблемы социальной стратификации в обществе советского периода, привлекающий наибольшее внимание зарубежных исследователей, — это исследование элиты советского общества⁷. Среди наиболее известных исследователей можно назвать известного английского философа Б. Рассела, побывавшего в России в 1920 г. и на основании своих впечат-

⁶ *Inkels A.* A social structure and mobility in the Soviet Union, 1940–1950.

⁷ *Батуренко С.А.* Современная школа российской элитологии: становление и современное состояние // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 3.

лений написавшего работу “Практика и теория большевизма”⁸. Другим известным специалистом был югославский политический деятель М. Джилас (1911–1995), известный в области социологии своими работами, содержащими описание характерных черт обществ социалистического типа и особенностей элитного слоя⁹. Опубликованная в 1957 г. работа М. Джиласа “Новый класс: анализ коммунистической системы”¹⁰ принесла автору широкую известность, поскольку была переведена на 40 языков и вызвала интерес за пределами социалистических стран. Публикация этой работы способствовала тому, что ее автора стали называть популяризатором концепции “нового класса”, под которым понималась партийная номенклатура, правящая в коммунистических странах. Идеи “нового класса” М. Джиласа получают развитие и своеобразную критику в работах венгерского социолога И. Селеньи и его соавтора, венгерского писателя Д. Конрада, полемизирующих с автором теории “нового класса”¹¹. Таким образом, можно говорить о существовании смелых экспериментов в области изучения системы стратификации советского общества, выходящих за рамки общепринятой методологии марксизма.

Особенно следует отметить период исследований системы социальной стратификации 1960-х — начала 1980-х гг. в отечественной социологии как период возрождения эмпирических исследований. Отечественные ученые в это время концентрируют внимание не столько на социальных классах, сколько на внутриклассовых и межклассовых слоях. Эмпирические исследования системы социальной стратификации ставят вопрос о более дифференцированных различиях между социальными слоями и группами в рамках классовой теории. В начале указанного периода были проведены первые широкомасштабные исследования под руководством Г.В. Осипова. География эмпирических исследований охватывала Московскую, Ленинградскую, Горьковскую, Свердловскую области и другие регионы страны. Исследователи заметили, что отношение к существующим формам собственности (государственной или колхозной) не показывало существенных различий в имущественном положении, в отношении к труду, во властных отношениях. Вместе с тем заметными становились различия в характере и содержании труда, в сфере занятости и квалификации, а также различия в образе

⁸ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.

⁹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002.

¹⁰ Dzhilas M. The new class. An analysis of the communist system. L., 1957.

¹¹ Конрад Д., Селеньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Венгерский меридиан. 1991. № 1; Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960–1980-е гг. // Рубеж. 1995. № 6–7.

жизни в соответствии с типом поселения (город, село). В 1960-е гг. внимание исследователей привлекали такие категории, как быт, досуг различных групп населения, тип поселения (город, село), семья, возраст, доход и т.п. Основными факторами социальной стратификации оказались научно-технический прогресс и квалификация труда¹². Еще одним заметным шагом в области исследования проблемы социальной стратификации стала состоявшаяся в Минске в январе 1966 г. первая научная конференция “Изменения социальной структуры советского общества”. В конце данного периода развития научных исследований социальной стратификации, в начале 80-х гг. XX в., особое значение получило всесоюзное исследование “Показатели социального развития советского общества”, осуществленное ИСИ АН СССР при участии других социологических центров страны (руководитель — Г.В. Осипов). В области внимания были рабочие и инженерно-производственная интеллигенция основных отраслей народного хозяйства девяти регионов страны. Результаты исследования показали несколько особых тенденций. Отмеченная исследователями до начала 1980-х гг. высокая динамика социально-структурных изменений сменяется другими процессами. В целом были выявлены утрата обществом динамизма, стагнация и преобладание воспроизводственных процессов, а также деформация самого воспроизводства путем возрастания численности бюрократии, “нетрудовых элементов”, деятелей теневой экономики. Вместе с тем высококвалифицированные рабочие и специалисты, как отмечали ученые, зачастую выполняли работу ниже уровня своего образования и квалификации¹³.

В период 1980—1990-х гг. появляются новые проблемы, в том числе и в области создания методологических оснований исследования социальной структуры. Трансформационные процессы, происходившие в российском обществе не способствовали появлению четких ориентиров и еще больше спутали научный язык отечественной социологии. Вместе с тем открылись новые возможности для исследований. Некоторые российские социологи заговорили о происходящей парадигмальной смене теоретико-методологических подходов к исследованию системы социальной стратификации. С одной стороны, наблюдался отказ от марксистской концепции класса, а точнее стремление исследователей к более детальной и точной ее интерпретации и выявлению возможных скрытых смыс-

¹²Рабочий класс и технический прогресс. М., 1965; Социология в СССР / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1965. Т. I, II; Человек и его работа / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М., 1967.

¹³ Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах / Под ред. Г. Денисовского. М., 1989.

лов, заложенных в ней. С другой стороны, большинство ученых обратилось к теории социальной стратификации в ее классическом виде, т.е. к наиболее разработанной, логически законченной и убедительной ее форме, предложенной П.А. Сорокиным. В то же время складывалось впечатление, что появилось противостояние двух классических методологических подходов, хотя в реальности они являлись скорее взаимодополняющими и были связаны с активным поиском адекватных способов исследования.

Стратификационно-статусная концепция социальной структуры требовала учета многомерности социального пространства и соответствующих ей проблем социальной дифференциации. Появились возможность и необходимость анализа новых межгрупповых и внутригрупповых различий статусов индивидов, а также изучения различных типов социального расслоения — экономического, профессионального, политического, степени и возможности адаптации к происходящим изменениям.

Складывалась новая социальная среда, состоявшая из вновь появляющихся социальных страт, неизвестных ранее и не свойственных советскому социальному порядку таких, как бизнес-слой, новая федеральная и региональная элита, средний слой, андеркласс и т.п. Отечественные социологи рассматривали происходящую трансформацию как модернизацию социальной структуры российского общества. Появились такие новые образования, как класс крупных собственников, федеральная и региональная элита, мелкие и средние предприниматели, менеджеры разного уровня, биржевые игроки, “новые” бедные, безработные, маргиналы, андеркласс и многие другие слои, которые продолжают трансформироваться и которые возникают в настоящее время. Вместе с тем особенно остро встали и другие вопросы — изменения статусно-ролевых функций, переориентации и осознания групповой и индивидуальной идентичности, интеграции, дезинтеграции, уровня социальной солидарности, ценностных ориентаций и поведенческих стратегий, проблем социальной справедливости, социальной мобильности и многие другие.

Принятие учеными стратификационно-статусной модели было закономерным, поскольку раскрывало новые возможности для исследования социальной структуры трансформирующегося российского общества. В этот период появляется огромное количество работ, посвященных данной проблеме. Наиболее активные и смелые ученые, экспериментировавшие в области стратификационного анализа, довольно быстро добились значительных результатов. В период утверждения преимущественно стратификационной парадигмы изучения социального расслоения одними из первых таких иссле-

дователей, построивших в 1980–1990-х гг. сложную многомерную модель социальной стратификации, в которой социальные группы и слои различались по степени обладания собственностью, властью, доходами, социальным статусом, были О.И. Шкаратан, В.И. Ильин, З.Т. Голенкова, Н.Е. Тихонова, В.В. Радаев, В.А. Ядов.

В настоящее время анализ проводимых исследований показывает, что сохраняется актуальность проблемы использования категории класса, а также ее связи с другими категориями научного дискурса при исследовании социальной структуры. Опираясь на отечественную социологическую литературу, можно утверждать, что достаточно широко используется как сама категория класса, так и классовый анализ, специфика которого заключается в способах его применения к изучению трансформационных процессов. Некоторым отечественным социологам кажется удивительным факт так называемого возрождения классового подхода, поскольку совсем недавно, в начале 1990-х гг., наблюдался активный отказ от него.

В определенный период стратификационный анализ сыграл очень важную роль и позволил решить большой спектр задач. Теория социальной стратификации П.А. Сорокина содержит также и динамический аспект, раскрытый в концепции социальной мобильности, что в свою очередь способствовало ее популярности не только в 20–30-х гг. XX в., но и в начале 1990-х гг.

Отечественных ученых привлекали ключевые идеи стратификационного подхода, разработанного П.А. Сорокиным, и противопоставляемого в качестве альтернативного классовым теориям. Будучи хорошо знакомым с научными основами марксизма, П.А. Сорокин старался эмпирически обосновать неадекватность теории обнищания с целью критики различных социалистических доктрин своего времени. Описывая тенденции развития современного капиталистического общества, русско-американский социолог обратил внимание на определенные изменения социальной структуры в начале XX в. Прежде всего он стремился привлечь внимание ученых и общественности к образованию и быстрому росту нового среднего класса наемных работников. Создание теории социальной мобильности оказалось серьезным основанием для поставленных П.А. Сорокиным задач. Кроме того, он опирался на широкий эмпирический материал, демонстрировал результаты имеющихся статистических исследований, позволяющих сделать вывод о существовании высокой степени межпоколенной и внутривнутрипоколенной профессиональной мобильности, отмечая появившуюся тенденцию усиления мобильности из сферы труда физического в сферу умственного труда.

Тем не менее стратификационная модель тоже имела свои минусы и слабые стороны. Теория социальной стратификации и со-

циальной мобильности оказалась важным аргументом в борьбе против марксизма. Анализ реальных процессов социальной мобильности показал тенденцию увеличения доли средних слоев и уменьшение слоя бедных. П.А. Сорокин обратил внимание на существующие в Советском Союзе мощные потоки мобильности, приводившие в противоречие социальную реальность и идею достижения полного равенства. Но в процессе изучения новых форм неравенства, характерных для советского общества, стратификационная модель обнаружила свои минусы, поскольку была ориентирована на общества с развитой экономической сферой и рыночными формами хозяйства. Возможности стратификационного подхода оказались ограниченными в области изучения тех ресурсов, которые едва ли можно было привести к эквиваленту денежной формы. В качестве примера следует привести свойственное советскому обществу существование неформальных связей, играющих огромную роль не только в процессе восходящей социальной мобильности. Являясь одним из главных ресурсов, имеющих сетевую природу, в то же самое время неформальные связи оказывались и одними из самых трудных для изучения.

Слабости методологии стратификационного подхода особенно проявились в 80–90-х гг. XX в. С одной стороны, этот подход давал определенные преимущества и новые возможности, но с другой — оказался не слишком подходящим для исследования трансформирующегося общества. Один из очевидных недостатков заключался в ориентированности данного подхода на анализ социальной стратификации стабильных обществ. Стабильных в плане соответствия, например, уровня квалификации уровню дохода, уровня значимости индивида уровню общественной потребности в нем и т.д. Российское общество в период своей радикальной трансформации демонстрировало обратную ситуацию, проблему противоречивости статусных позиций, появление так называемого промежуточного человека, т.е. человека, находящегося в противоречивых статусных позициях¹⁴. Все возможные формы социальной стратификации вступали в противоречие друг с другом. Несмотря на сложности применения стратификационной модели, она тем не менее использовалась, поскольку подобно классовой могла описать нарастание социальных различий, но имела преимущество в виде отсутствия предполагаемых критических оценок, констатируя исключительно главные тенденции изменений. В качестве недостатка или наоборот достоинства можно также рассматривать и такую характерную особенность стратификационного

¹⁴ Гордон Л.А. Потери и обретения в России девяностых. М., 2001.

подхода (в отличие от классового) как свобода от любых объяснительных моделей, поскольку существование социального неравенства изначально признается как исторический факт.

Слабости стратификационного анализа также проявляются и в сфере эмпирических исследований. Применение данного подхода в прикладных исследованиях не только порождает противоречия и неопределенности, но и создает опасность разочарования в возможностях таких исследований в целом. В результате чего многие социологи в настоящее время считают, что используемые теоретические и методологические ресурсы не гарантируют познания реалий системы социальной стратификации современного российского общества и слабо вписываются в распространенные “мировые стандарты”. Одним из самых ярких примеров может служить проблема изучения среднего класса. Достаточно трудно представить себе такую теоретическую конструкцию, в рамках которой одновременно проявились бы два исключаяющих друг друга положения: первое — о существовании какой-либо одной социальной группы, такой как средний класс, и, второе — о ее отсутствии. Что и происходит в рамках принятой отечественными исследователями стратификационной модели объяснения. В данном случае, говоря о среднем слое, исследователи часто обращаются к термину “класс”, что нехарактерно для стратификационной концепции, оперирующей термином “страта”. В результате чего у исследователей, следующих стратификационной логике, складывается представление о том, что средний класс является исключительно специальным конструктом и не имеет строгого научного определения. Категория “средний класс” в данном случае является примером особенностей стратификационной логики, позволяющей вольно обращаться с некоторыми понятиями в плане наполнения их содержанием по своему усмотрению. Описание некоторых теоретико-методологических сложностей показывает слабую применимость понятия “средний класс” для современных российских реалий, как и в целом использование категории “класс” почти на протяжении всей истории исследований социальной структуры.

В мировой социологии в настоящее время существует большое количество разных подходов к изучению социальной стратификации. Будучи одной из самых актуальных проблем, она прорабатывалась различными социологическими школами довольно интенсивно. Результаты исследований всегда зависят от конкретных задач и тех методологических подходов, которых придерживается тот или иной исследователь. Каждый исследователь, как правило, предлагает собственную систему критериев социальной дифференциации населения, которая обязательно связана с конкретным

обществом на конкретном историческом этапе. Это позволяет объяснить возникающие существенные расхождения в оценке данных социологических исследований, их результатов и интерпретаций. Исследование системы социальной стратификации в современном российском обществе в целом соответствует логике общемировых стандартов, хотя и имеет свою специфику.

С одной стороны, в современной отечественной социологии в области изучения социальной структуры отчетливо наблюдаются преимущество и взаимосвязь с западной социологией, что проявляется в простом заимствовании наиболее популярных теоретических разработок. В качестве примера можно привести освоение и использование и в настоящее время популярных традиционных марксистских, а также современных неомарксистских концепций классовой структуры, различных вариантов неовеберовских подходов, концепций, основанных на использовании показателей уровня жизни или ресурсной обеспеченности и т.п.¹⁵ Заимствование различных популярных в западной социологии подходов вполне оправданно, поскольку каждый из них обладает определенными эвристическими возможностями.

С другой стороны, трансформационные процессы постсоветского времени способствовали изменению условий развития социологической теории социальной стратификации. Теряются критерии научности, устойчивые методики работы ученого-социолога, теряется определенность и общепринятость научного языка, а вместе с тем и представления о надежности получаемых данных. Соответственно, как отмечают некоторые эксперты, реального следования мировым стандартам не наблюдается или это бывают единичные случаи¹⁶. Отсюда появляются утверждения о недостаточности теоретико-методологических исследований социальной стратификации, о фрагментарности и обрывочности теоретических построений, в результате перерастающие в критическое отношение к возможностям развития отечественной социологической теории вплоть до отрицания ее существования. Сами специалисты, изучающие системы социальной стратификации в современном российском обществе, слабо верят в возможности использования некоторых, наработанных западными учеными теоретических и методологических ресурсов, рассматривая их как не вполне адекватные для описания реалий российского общества.

¹⁵ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.

¹⁶ Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010.

Очевидным оказался тот факт, что трансформационные процессы, происходящие в современном российском обществе способствовали также проявлению кризиса в социологической науке. Вместе с тем ученые-социологи получили возможность поиска и выбора теоретических направлений и инструментальных средств для анализа системы стратификации российского общества. Данную ситуацию можно характеризовать и как возникновение некоторой методологической свободы, дающей возможность искать новые познавательные средства, открывающей широкий доступ к самым разным современным западным теориям. Социологи активно воспользовались этой возможностью, и с начала 90-х гг. XX в. особое значение приобретают индивидуальные предпочтения, интересы каждого конкретного исследователя в зависимости от уровня информированности и доступности зарубежных научных материалов. Имеют место и попытки учета появляющихся направлений так называемой научной моды, мейнстрима, тех или иных социологических школ. Вместе с тем большинство специалистов, придерживающихся современных западных социологических подходов, чаще всего либо не пытаются адаптировать их к российской социальной реальности, либо делают это не совсем успешно. В результате чего исследования системы стратификации начиная с 1990-х гг. стали приобретать все более фрагментарный характер. Складывается впечатление, что существует теоретико-методологическая разрозненность в области изучения данной проблемы, что порождает критическое и даже непримиримое отношение отечественных специалистов друг к другу. Зачастую оппоненты открыто не признают научные результаты исследований друг друга, а также не имеют возможности логически аргументировать свое несогласие. С точки зрения развития теории социальной стратификации можно говорить о возникновении отчетливого теоретико-методологического плюрализма. Однако, если рассматривать ситуацию с точки зрения потери устойчивых представлений о критериях научности и в целом о разрушении существовавшего парадигмального единства социологической науки, то ситуацию можно описать и как теоретико-методологическую аномию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Гордон Л.А. Потери и обретения в России девяностых. М., 2001.

- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002.
- Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004.
- Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М., 1999.
- Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996.
- Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2010.
- Конрад Д., Селеньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Венгерский меридиан. 1991. № 1.
- Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. М., 1998.
- Осипов Г.В. Отечественная социология: история и современность // Социологические исследования. 2009. № 3.
- Проблемы социальной мобильности. Кн. 1, 2. Сер. Переводы и рефераты: За рубежом / Под ред. М.Н. Руткевича, Ф.Р. Филиппова. М., 1974.
- Процессы изменения социальной структуры в советском обществе / Под ред. М.Н. Руткевича. Свердловск, 1967.
- Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах / Под ред. Г. Денисовского. М., 1989.
- Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.
- Руткевич М.Н. Социальная структура. М., 2004.
- Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960–1980-е гг. // Рубеж. 1995. № 6–7.
- Социология в СССР / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1965. Т. I, II.
- Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. (Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации). М., 2014.
- Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
- Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010.
- Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
- Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

REFERENCES

- Belyaeva L.A. Sotsialnaya modernizatsiya v Rossii v kontse XX veka. М., 1997.
- Voslenskiy M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushiy klass Sovetskogo Soyuza. М., 1991.
- Gordon L.A. Poteri i obreteniya v Rossii devyanostiyh. М., 2001.

- Gorshkov M.K., Tihonova N.E.* Rossiya — novaya sotsialnaya realnost'. Bogatyie. Bednyie. Sredniy klass. M., 2004.
- Dzhilas M.* The new class. An analysis of the communist system. L., 1957.
- Dzhilas M.* Litso totalitarizma. M., 1992.
- Dzhilas M.* Besedy so Stalinyim. M., 2002.
- Zaslavskaya T.I.* Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo. Sotsialniy mekhanizm transformatsii. M., 2004.
- Zdravomyslov A.G.* Sotsiologiya rossiyskogo krizisa: stati i doklady 90-h godov. M., 1999.
- Il'in V.I.* Gosudarstvo i sotsialnaya stratifikatsiya sovetskogo i postsovetskogo obshchestva. 1917–1996 gg. Opyt konstruktivistsko-strukturalistskogo analiza. Syktyivkar, 1996.
- Il'in V.I.* Sotsialnoe neravenstvo. M., 2010.
- Inkels A.* A social structure and mobility in the Soviet Union, 1940–1950 // Social stratification / Ed. by J. Lopreato. N.Y., 1974.
- Konrad D., Seleni I.* Intelligentsiya i vlast v postkommunisticheskikh obshchestvakh // Vengerskiy meridian. 1991. N 1.
- Kosals L.Ya., Ryivkina R.V.* Sotsiologiya perehoda k ryinku v Rossii. M., 1998.
- Osipov G.V.* Otechestvennaya sotsiologiya: istoriya i sovremennost // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. N 3.
- Problemy sotsialnoy mobilnosti. Kn. 1, 2. Ser. Perevody i referaty: Za rubezhom / Pod red. M.N. Rutkevicha, F.R. Filippova. M., 1974.
- Protsessy izmeneniya sotsialnoy struktury v sovetskom obshchestve / Pod red. M.N. Rutkevicha. Sverdlovsk, 1967.
- Rabochiy klass i inzhenerno-tehnicheskaya intelligentsiya v sotsialisticheskikh stranakh / Pod red. G. Denisovskogo. M., 1989.
- Rassel B.* Praktika i teoriya bolshevizma. M., 1991.
- Rutkevich M.N.* Sotsialnaya struktura. M., 2004.
- Seleni I.* Intelligentsiya i vlast: opyt Vostochnoy Evropy. 1960–1980-e gg. // Rubezh. 1995. N 6–7.
- Sociologiya v SSSR / Pod red. G.V. Osipova. M., 1965. T. I, II.
- Sredniy klass v sovremennoy Rossii: 10 let spustya. Analiticheskiy doklad. (Podgotovlen v sotrudnichestve s Predstaviteľstvom Fonda imeni Fridriha Eberta v Rossiyskoy Federatsii). M., 2014.
- Stalin I.V.* Voprosy leninizma. M., 1952.
- Teoriya i metodologiya v praktikakh rossiyskikh sotsiologov: postsovetskie transformatsii. M., 2010.
- Tihonova N.E.* Sotsialnaya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza. M., 2007.
- Tihonova N.E.* Sotsialnaya struktura Rossii: teorii i realnost. M., 2014.
- Shkaratan O.I.* Sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosпроизvodstvo v sovremennoy Rossii. M., 2009.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

А.Б. Синельников, докт. социол. наук, доц. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ЗАКОННОМУ БРАКУ?

A.B. Sinelnikov, doctor of sociology, associate professor of family sociology department, Faculty of sociology, Moscow State Lomonosov University, e-mail: sinelka@mail.ru

IS THERE AN ALTERNATIVE TO LEGAL MARRIAGE?

По данным социологических опросов в России установлено, что пары сожителей, состоящих в “незарегистрированном браке”, занимают промежуточное положение между юридически женатыми (замужними) и неженатыми (незамужними). Так называемый “незарегистрированный брак” не может считаться равным законному браку. Среднее число рожденных детей у неженатых пар к концу репродуктивного возраста женщины (40–45 лет) намного меньше, чем среднее число детей у замужних женщин того же возраста, и значительно ниже уровня простого воспроизводства поколений. В любом возрасте сожители имеют гораздо больше шансов почувствовать себя одинокими, чем законные супруги. Тенденция уменьшения числа законных супружеских пар и увеличения числа пар сожителей, не состоящих в законном браке, — это не переход от традиционной к современной форме семьи, а разрушение семьи как социального института.

Ключевые слова: законный брак, незарегистрированный брак, сожительство, развод, чувство одиночества, среднее число рожденных детей, разрушение семьи.

According to sociological surveys in Russia found that a pairs of cohabitants, consisting of “unregistered marriage”, occupy an intermediate position between legally married and unmarried males and females. The so-called “unregistered marriage” can not be considered equal to legitimate marriage. The average number of children ever born to unmarried couples by the end of the reproductive age of women (40–45 years old) is much less than the average number of children among married women of the same age and considerably below the level of simple reproduction of generations. At all ages cohabitants are much more likely to feel lonely than legitimate spouses. The tendency to reduce the number of legitimate married couples and increasing numbers of unmarried couples is not a transition from traditional to modern form of family. It is a destruction of the family as a social institution.

Keywords: legal marriage, unregistered marriage, cohabitation, divorce, loneliness, average number of born children, destruction of the family.

* Синельников Александр Борисович, e-mail: sinelka@mail.ru

Данные российских переписей населения свидетельствуют о постоянном росте численности мужчин и женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, и их доли во всем взрослом населении¹. Еще сильнее эта тенденция проявляется в США и Западной Европе, где поведение мужчин и женщин, которые не создают семьи ни к 30, ни к 40, ни даже к 50 годам, уже не считается отклонением от нормы. В среде богатых, образованных и успешных американцев и европейцев люди “своего круга”, которые решили никогда не вступать в брак и (или) не иметь детей, чтобы не осложнять себе жизнь, не вызывают осуждения. Сама эта “продвинутая” часть общества в значительной степени состоит как раз из таких людей, которые успешно делают карьеру именно потому, что не имеют семьи и не обременены семейными обязанностями. Негативная сторона такой жизненной стратегии состоит в том, что за беззаботную жизнь и деловые успехи в молодости придется расплачиваться одиночеством в более поздних возрастах. Но против этого предостережения выдвигаются контр-аргументы:

1) можно иметь семью и ощущать себя одиноким, если брак неудачен, а супруг и дети тебя не понимают;

2) не все люди, у которых нет семьи, испытывают из-за этого психологический дискомфорт. Многим из них дружеские контакты заменяют семейные и родственные связи. Вместо супружеских отношений, которые обязывают к верности и к заботе о семье, да и не всегда приносят удовлетворение, они могут часто менять сексуальных партнеров, перед которыми не имеют никаких обязательств².

На одном из сайтов Федеральной службы государственной статистики (Росстат) размещена в открытом доступе база микроданных выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения³. Это исследование было проведено Росстатом в сентябре 2013 г. во всех субъектах РФ и охватило 15 875 респондентов в возрасте от 15 лет и старше. На основании этой базы микроданных автором были построены в режиме онлайн таблицы по сочетанию демографических характеристик респондентов (пол, возраст, состояние в браке, наличие детей) с их ответами на вопрос: “Возникает ли у Вас чувство одиночества?” (варианты ответа: “очень часто”, “скорее возникает, чем нет”,

¹ Население России 2010–2011: восемнадцатый — девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2013. С. 256–275.

² *Klinenberg E.* Going solo. The extraordinary rise and surprising appeal of living alone. N.Y., 2012. P. 5–32.

³ Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение поведенческих факторов. URL: <http://std.gmcrossdata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

“скорее не возникает”, “не возникает”). Респонденты, выбравшие первый или второй вариант, считались ощущающими свое одиночество. Затруднились ответить на этот вопрос лишь 2,3% респондентов.

Респонденты моложе 30 лет редко испытывают чувство одиночества, даже если у них нет ни законных, ни так называемых “гражданских” супругов. Среди официально женатых мужчин, не затруднившихся ответить на этот вопрос, лишь 8% ощущают свое одиночество, среди состоящих в “гражданском” браке — 12%, а среди тех, кто вообще не состоит в браке — 16%. Среди замужних женщин этого возраста чувствуют свое одиночество 15%, среди живущих в “гражданском” браке — 24%, а среди незамужних — 28%.

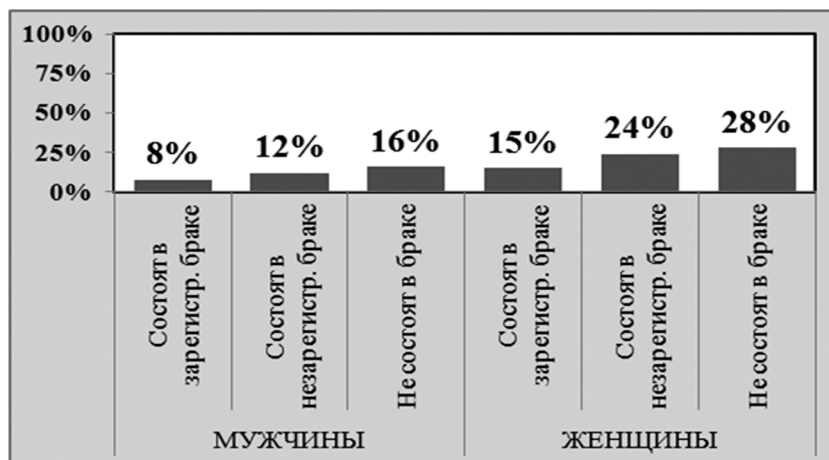

Рис. 1. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин моложе 30 лет (в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса)

Источник: Расчеты по: Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение поведенческих факторов URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

В возрасте 30–39 лет среди состоящих в законном браке доля ощущающих одиночество остается примерно такой же, как до 30 лет: 9% у женатых мужчин и 15% у замужних женщин, но среди не состоящих в браке она сильно возрастает — до 40% у мужчин и 44% у женщин. Среди состоящих в “гражданском” браке испытывают чувство одиночества 19% мужчин и 27% женщин. Это больше, чем у женатых/замужних, но меньше, чем у людей, не состоящих в браке.

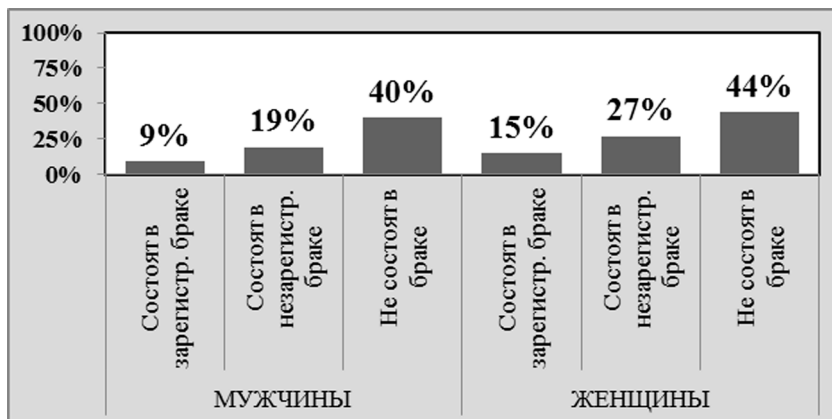

Рис. 2. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 30–39 лет (в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса)

Источник: Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение поведенческих факторов URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

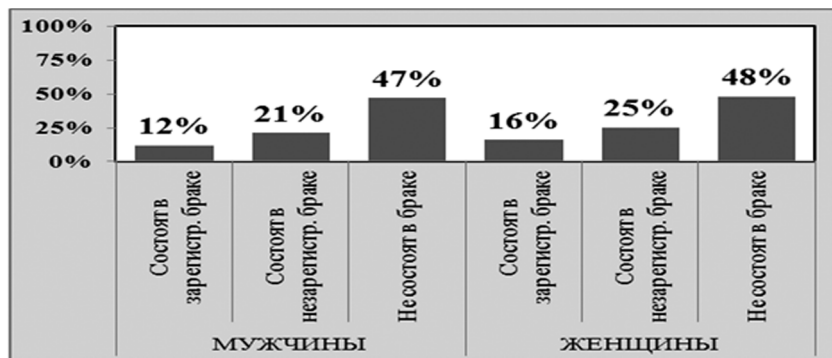

Рис. 3. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 40–49 лет (в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса)

Источник: Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение поведенческих факторов URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

Среди женатых мужчин от 40 до 49 лет ощущают свое одиночество 12%, среди живущих в гражданском браке — 21%, среди вообще не состоящих в браке — 47%, а среди женщин соответственно — 16, 25 и 48%.

Аналогичные показатели для мужчин 50–59 лет: 14, 31 и 47%, для женщин того же возраста — 20, 30 и 52% соответственно.

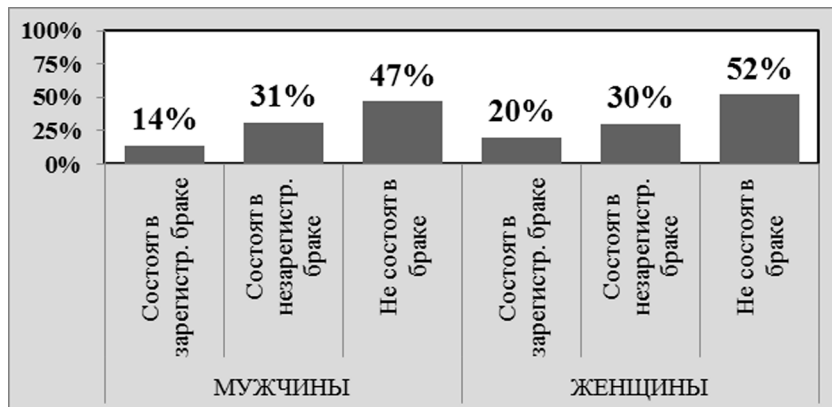

Рис. 4. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 50–59 лет (в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса)

Источник: Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу.../ Выбрать тему/ Выборочное наблюдение поведенческих факторов URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016)

После 60 лет показатели возрастают даже у состоящих в законном браке, достигая 18% у мужчин и 23% у женщин, а в незарегистрированном браке соответственно 27 и 28%. Но гораздо ошутимее они повышаются у не состоящих в браке: до 63% у мужчин и до 57% у женщин (а у незамужних женщин, не имеющих детей, — до 66%).

Разница между состоящими и не состоящими в браке по частоте ощущения одиночества увеличивается с годами. В возрасте до 30 лет она составляет 8% у мужчин и 13% у женщин, от 30 до 39 лет соответственно — 31 и 29%, от 40 до 49 лет — 35 и 32%, от 50 до 59 лет — 32 и 33%, после 60 лет — 45% у мужчин и 34% — у женщин. Все эти различия статистически значимы ($t > 2$).

С годами преимущества личной независимости утрачивают свое значение, а одиночество как “безбрачный” демографический статус в большинстве случаев уже ощущается и как психологический синдром.

Иногда чувство одиночества возникает и у людей, состоящих в браке. Но подавляющее большинство женатых мужчин и замужних женщин этим синдромом не страдают. А тех, у кого он есть, могут удерживать от развода любовь к детям, еще теплящиеся чувства по отношению к супругу (даже без взаимности), трудности с разменом квартиры и отсутствие другого жилья, куда можно было

бы уйти⁴. Для тех, кто старается сохранить семью, сомневаясь в возможности найти более подходящего супруга, психологическое одиночество в браке все же лучше демографического одиночества вне его.

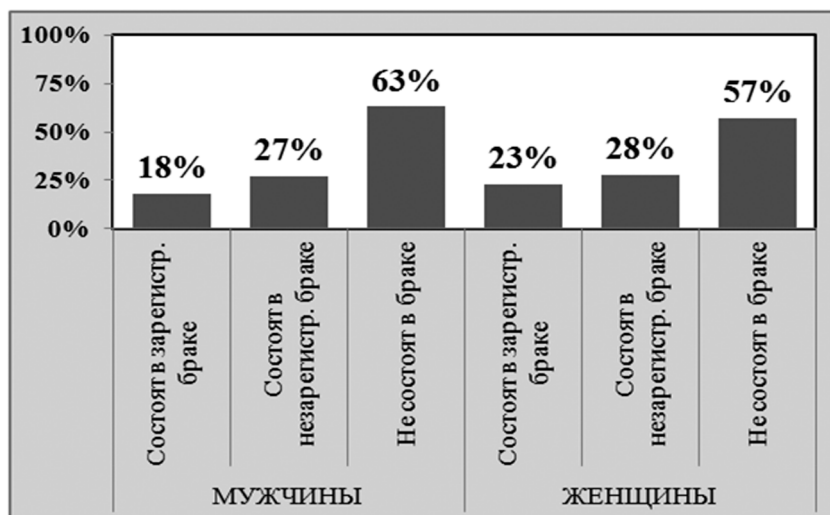

Рис. 5. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 60 лет и старше (в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса)

Источник: Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение поведенческих факторов URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

У многих людей, не состоящих в браке, есть родные и близкие. Но со временем родители стареют и умирают, дети вырастают и уходят из дома, а братья, сестры, друзья и подруги создают свои семьи и не могут уделять столько внимания, сколько уделяют друг другу супруги. Никто не может заменить мужа или жену как спутника жизни до конца своих дней. Неженатым мужчинам и незамужним женщинам, которые не ощущают одиночества, еще предстоит почувствовать его, когда они поймут, что для самых близких им людей они сами уже не самые близкие. Особенно это касается женатых детей, для которых отношения с родителями — не на первом месте. Люди любого возраста, живущие в “гражданском” браке, ощущают одиночество реже, чем те, кто не состоит в браке, но чаще, чем состоящие в законном браке.

⁴ Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2009.13.11. № 1362.

По данным опроса Фонда “Общественное мнение” (ФОМ) (2005 г., 100 населенных пунктов, 44 субъектов РФ, 1500 респондентов) и исследования фокус-групп (2004 г.) Е. Вовк определила, что “...две пятых респондентов, имеющих сожителей, не исключают, что рано или поздно вступят с ними в брак, пятая доля — уверены, что этого не произойдет, и еще две пятых — затрудняются сказать, как будут развиваться их отношения. В целом, чем старше респондент (или чем дольше продолжаются отношения), тем реже он говорит, что в случае вступления в брак отношения изменились бы, тем реже ожидает этого события и тем менее намерен вообще когда-либо регистрировать отношения”⁵.

Некоторые демографы считают, что высокая вероятность развода и отказ многих сожительствующих пар регистрировать брак не снижают рождаемость, так как при этом не уменьшается или даже увеличивается среднее число лет, прожитых в браке или “партнерстве” женщиной репродуктивного возраста. С.В. Захаров признает, что “золотой век господства традиционного брака в России пришел к закату” и пишет, что: «Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни? Опыт целого ряда зарубежных развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, может приносить не проигрыш, а выигрыш в отношении рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость встречается в тех странах, где высока и доля “внебрачных” рождений (читай, высок вклад в общую рождаемость в широко распространенных незарегистрированных союзах). Не этот ли путь повышения рождаемости уготован и России»⁶.

В 1970 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1319 тыс. браков и 397 тыс. разводов⁷, т.е. на 100 браков приходилось 30 разводов, а в 2015 г. — соответственно 1161 тыс. и 612 тыс.⁸, т.е. 53 развода на 100 браков. Рост числа разводов сопровождался увеличением числа и доли повторных браков. В 1970 г. они составляли 15% от общего числа браков у мужчин и 14% — у женщин⁹, а

⁵ Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 50. URL: <http://corp.fom.ru/socreal/authors> (дата обращения: 01.02.2016).

⁶ Захаров С.В. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста // ДемоскопWeekly. № 289–290. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php> (дата обращения: 01.02.2016).

⁷ Население СССР. 1988. Стат. ежегодник. М., 1989. С. 117.

⁸ http://www.gks.ru/free_doc/2015/demo/edn12-15.htm (дата обращения: 02.02.2016).

⁹ Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2014. С. 58.

по данным Росстата за 2014 г., — 29% у мужчин и 30% — у женщин. Среди них лишь 1,4% браков пришлось на вдовцов и 2,6% — на вдов, а 27% — на разведенных (как у мужчин, так и у женщин). Но более половины разведенных не вступают в новый законный брак.

Авторы, утверждающие, что распад браков положительно влияет на рождаемость, заменяют само понятие “брак” термином “партнерский союз”, применимым к любой более или менее продолжительной сексуальной связи. Анализируя данные социально-демографического исследования “Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе” (РиДМиЖ), которое является частью международной программы “Поколения и гендер”, С.В. Захаров сделал вывод, что “несмотря на все изменения, средняя длительность пребывания в браке для женщин активного репродуктивного возраста в России повышалась”¹⁰. Данные РиДМиЖ показали, “что на рубеже XX и XXI веков... повторные союзы обеспечили более 16% всех рождений, почти 10% первых, более 23% вторых и более 35% третьих и последующих рождений, состоявшихся в союзах с совместным проживанием обоих родителей”¹¹. “Партнером в обследовании считался человек, с которым респондента связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие и наличие сексуальной близости... Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее трех месяцев подряд”¹².

Если считать повторным союзом появление у женщины, официально никогда не бывшей замужем, нового более или менее постоянного партнера, то процент “компенсации” распада прежних союзов новыми будет выше, чем по данным о зарегистрированных браках и разводах. С точки зрения С.В. Захарова, “влияние именно этого фактора на уровень рождаемости в стране не могло быть отрицательным. Наоборот, оно должно было быть положительным... Современная ситуация также пока особого беспокойства не вызывает. Средняя продолжительность пребывания в супружеском союзе/союзах для современной россиянки высока, как никогда прежде,

¹⁰ Захаров С.В. Рост рождаемости: начало пути и дальние горизонты. Гл. 2 // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год. Россия перед лицом демографических вызовов / Под общ. ред. А.Г. Вишневого, С.Н. Бобылева. М., 2009. С. 45.

¹¹ Там же.

¹² Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Сайт Демоскоп Weekly. 2006. 6–19 марта. № 237–238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php>.

а компенсирующая роль повторных союзов вполне соответствует растущему риску прекращения первых союзов”¹³.

Женщина когда-то жила вместе с кем-то, не регистрируя брак и не рожая детей потому, что он и(или) она сомневались в прочности отношений, и не считали их настоящим супружеством. Затем они расстались. После этого она вышла замуж за другого, и родила *первого* ребенка в *первом* браке. По мнению С.В. Захарова, это рождение имело место в *повторном* партнерском союзе. Если же она родила вне брака от нового сожителя, то это тоже считается рождением в *повторном* союзе. Если она развелась с мужем, после чего родила ребенка от мужчины, который так и не женился на ней, это тоже признается вкладом повторных союзов в рождаемость. В таких повторных союзах рождается намного больше детей, чем в законных повторных браках.

В 2014 г. 23% всех детей в России родилось вне брака. Половина из них зарегистрированы в ЗАГСах по заявлениям обоих родителей¹⁴. В таких случаях, как правило, речь идет о детях, появившихся на свет в фактически полных семьях, в которых родители живут вместе, но не регистрируют брак. Отказы узаконить отношения часто связаны с сомнениями в их прочности. Но это может привести и к отказу от рождения детей. Дети не гарантируют сохранения брака, но после его распада создают гораздо больше проблем для своих матерей (да и для отцов), чем сам по себе развод супругов, не имеющих общего ребенка. Можно предположить, что среднее число детей в расчете на один неофициальный союз меньше, чем на один законный брак.

Для проверки этой гипотезы были проведены расчеты по базе данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом осенью 2012 г. в 30 субъектах РФ. Объем выборки: 10 054 человека (4910 мужчин 18–60 лет и 5144 женщины 18–45 лет). База данных опубликована в открытом доступе на сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат), для того, чтобы все желающие могли строить на ее основе таблицы и графики в режиме онлайн¹⁵.

¹³ Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: “золотой век” традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М., 2007. С. 115.

¹⁴ Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2015. М., 2015. Табл. 4, 5.

¹⁵ Сайт Федеральной службы государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения за 2012 год. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

Среднее число детей на одну женщину к концу репродуктивного возраста (40—45 лет), составляет: у состоящих в зарегистрированном первом браке — 1,65; у состоящих в незарегистрированном первом браке — 1,18; у никогда не состоявших в браке — 0,53. Около половины из них имеют ребенка. По показателю, от которого зависит рост или убыль населения, люди, состоящие в неофициальном браке, занимают среднее положение между состоящими в законном браке, и никогда не состоявшими в браке.

Это же касается и повторных браков. Среднее число детей у женщин, состоящих в законном повторном браке, — 1,95, у состоящих в неофициальном повторном браке — 1,59, а у женщин, которые в прошлом состояли в браке, но на момент опроса в нем не состояли, — 1,34.

Женщины, состоящие в неофициальном повторном браке, тоже занимают среднее положение между теми, у кого этот брак зарегистрирован, и теми, у кого прошлый брак прекратился, и они остались одни.

Среднее число рожденных детей у женщин, состоящих в законном повторном браке, заметно выше, чем в законном первом браке (1,95 против 1,65). То же самое касается и неофициальных браков (соответственно 1,59 против 1,18). Но у тех, кто состоит в неофициальном повторном браке, в среднем, меньше детей, чем в законном первом браке (1,59 против 1,65).

Среднее число детей у всех женщин, имеющих опыт прекращения первого брака (как состоящих, так и не состоящих в новом браке), равно 1,51, т.е. заметно меньше, чем у состоящих в непрерывном законном первом браке до выхода из репродуктивного возраста — 1,65 (рис. 6). Несмотря на относительно высокую рождаемость в законных повторных браках, распад первых браков снижает уровень рождаемости.

Следует учитывать, что на долю девочек приходится меньше половины новорожденных (48—49%), некоторые из них не доживают до выхода из репродуктивного возраста, не все выжившие вступают в брак хотя бы один раз, а около половины браков распадается. Поэтому для простого замещения поколений среднее число детей в расчете на одну замужнюю женщину должно составлять не менее, чем 2,25, а на супружескую пару, способную иметь детей, — не менее, чем 2,5. Это заметно больше чем даже у женщин, состоящих в законном повторном браке.

Разводы и повторные браки могли бы способствовать некоторому повышению рождаемости, если бы почти все разведенные женщины вновь выходили замуж. Но данные исследования Росстата 2012 г. показывают, что либо большинству из них это не удается, либо их новый брак тоже распадается.

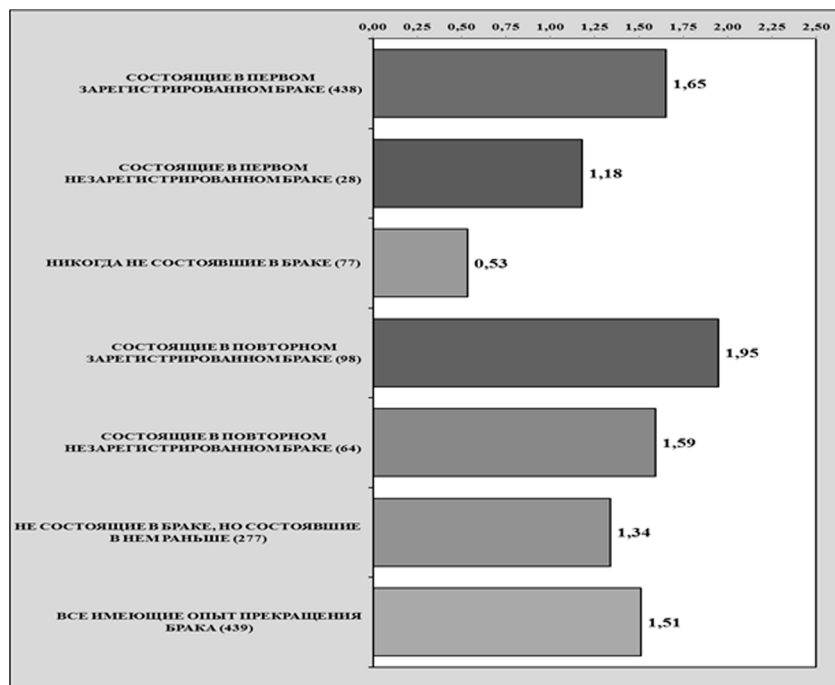

Рис. 6. Среднее число рожденных детей на одну женщину от 40 до 45 лет, в зависимости от наличия или отсутствия опыта заключения и прекращения брака и его регистрации

Примечание: В скобках указано число респондентов в каждой группе.

Источник: График построен по базе данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012 г., опубликованной на сайте Росстата: URL: <http://std.gmcrostata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

Из 982 опрошенных женщин в возрасте от 40 до 45 лет, 905 (92%) когда-либо состояли в браке. У 439 женщин, т.е. примерно у половины (49%) среди тех, которые в свое время вступили в первый брак, этот брачный союз по тем или иным причинам прекратился. Среди них лишь 162 женщины (37%) на момент опроса состояли в повторном браке, в том числе у 98 женщин (22%) он был зарегистрирован. 277 женщин, т.е. почти две трети (63%) среди имеющих опыт прекращения первого брака, на момент опроса не имели ни законных, ни “гражданских” супругов.

Среди всех женщин от 18 до 45 лет ситуация примерно такая же. Из 1479 женщин, имеющих опыт завершения первого брака, на момент опроса только 40% состояли в повторном браке и лишь у 23% он был зарегистрирован (рис. 7). У женщин, имеющих де-

тей, шансов на новое замужество, по-видимому, меньше, чем у бездетных.

Среди 1080 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, чей первый брак в прошлом прекратился, на момент опроса лишь немногим более половины (55%) состояли в повторном браке и только у трети респондентов (32%) этот новый брак был зарегистрирован. Почти половина (45%) мужчин так и не смогли (или не захотели) создать новую семью, либо она тоже распалась.

Формулировки вопросов в анкете не позволяют определить численность вдовых, разведенных и разошедшихся. Но по данным переписи 2010 г. можно рассчитать, что доля вдовых в общей численности лиц этих трех брачных статусов — 12% у мужчин 18–59 лет и 13% у женщин 18–44 лет¹⁶. Роль вдовства в репродуктивном возрасте относительно невелика.

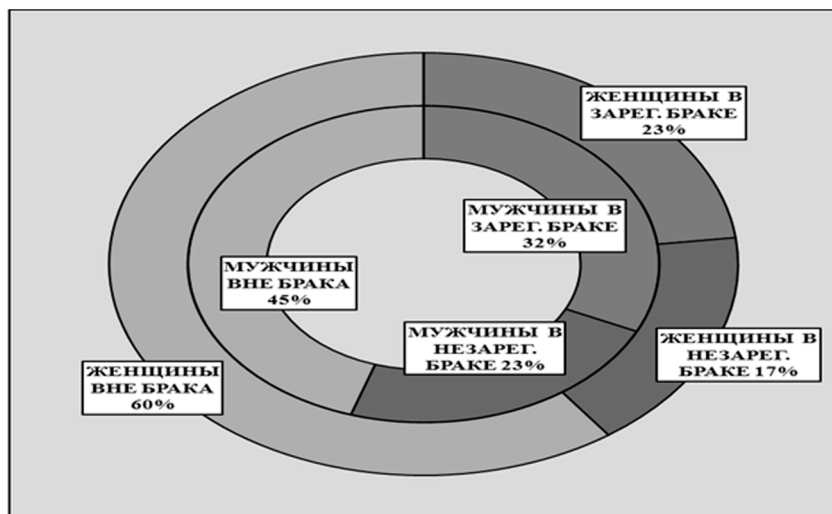

Рис. 7. Распределение женщин от 18 до 45 лет и мужчин от 18 до 60 лет, имеющих опыт прекращения первого брака, по брачному статусу на момент опроса

Источник: График построен по базе данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012 г., опубликованной на сайте Росстата: URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

Среди всех женщин, состоящих в законном первом браке и собирающихся (ожидающих) иметь меньше детей, чем они сами желали бы, 20% вынуждены отказаться от рождения желаемого числа

¹⁶ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. М., 2012. С. 294–295.

детей из-за сложностей во взаимоотношениях в семье, если брак зарегистрирован, и 32% — если не зарегистрирован, т.е. на 12% больше. Соответствующие показатели для состоящих в повторном браке — 17% и 34% (рис. 8.) Разница между ними составляет 17%, т.е. является двукратной. Различия между официальными и неофициальными браками статистически значимы ($t > 2$).

Высокая частота прекращения первых браков и низкий уровень компенсации этого процесса повторными браками, а также отказ многих сожителей оформлять брак негативно влияют на рождаемость.

Женщины, состоящие в законном повторном браке, к концу репродуктивного возраста (40–45 лет) в среднем имеют несколько больше детей (1,95), чем состоящие в законном первом браке (1,65).

Но и в ситуации законного повторного брака итоговое среднее число детей у женщин значительно меньше необходимой для простого замещения поколений величины этого показателя (2,25 на замужнюю женщину и 2,5 — на замужнюю женщину, способную иметь детей). Поэтому даже в случае вступления всех разведенных и овдовевших женщин репродуктивного возраста в законные повторные браки замещение поколений будет неполным.

Реально же в законном повторном браке состоят лишь 23% женщин 18–45 лет, чей первый брак прекратился по тем или иным причинам. Еще 17% женщин состоят в незарегистрированном повторном браке, но итоговое среднее число детей у них меньше, чем у женщин, чей законный первый брак сохраняется до выхода из репродуктивного возраста. Подавляющее большинство женщин (60%), чей первый брак прекратился, либо не вступают в новый брак (и даже в сожительство), либо эти союзы тоже распадаются. Среднее число детей у них заметно меньше, чем у состоящих в законном первом браке.

“Гражданский брак” отличается от законного не только отсутствием документа из ЗАГСа¹⁷. Это нечто среднее между безбрачием и законным браком. Молодые пары живут вместе, но, пока не убедились в прочности отношений, откладывают как регистрацию брака, так и рождение первенца. Если же беременность все-таки наступает, это может подтолкнуть их к оформлению брака. Но даже в случае рождения ребенка регистрацию брака считают обязательной менее половины состоящих в “гражданском браке” женщин

¹⁷ См. также: *Исупова О.* Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 153–164.

(45%) и их сожителей (тоже 45%). Еще 20% женщин и 14% мужчин полагают, что в этой ситуации регистрация брака желательна, но не обязательна. 21% женщин и 26% мужчин отказываются регистрировать свой брак, даже если у них появится общий ребенок. 14% женщин и 16% мужчин затруднились ответить на данный вопрос (рис. 9).

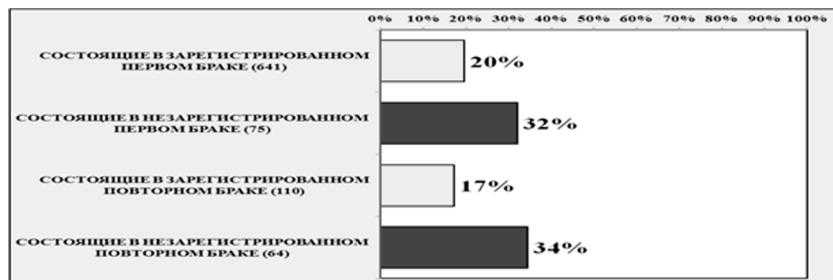

Рис. 8. Доля женщин, для которых сложности во взаимоотношениях в семье мешают или очень мешают рождению желаемого ими числа детей (в % к числу женщин, у которых ожидаемое число детей меньше желаемого)

Примечание: В скобках указано число респондентов в каждой группе.

Источник: График построен по базе данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012 г., опубликованной на сайте Росстата: URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

Лица, состоящие в “гражданском браке”, занимают промежуточное положение между теми, кто не состоит в каком-либо “партнерском союзе”, и теми, кто состоит в законном браке. Если же хотя бы один из партнеров против оформления брака, то “незарегистрированный брак” — это особый брачный статус, который не является переходным этапом между безбрачием и законным браком. Отказ от регистрации, как правило, связан с проблемами в отношениях и недоверием между партнерами.

Даже С.В. Захаров признает следующее: “Зарегистрированные браки в России, как и в других странах, характеризуются в два раза более низкой вероятностью прекращения союза по сравнению с неформальными (незарегистрированными) союзами”¹⁸. Многие женщины, состоящие в неофициальном браке, признают и то, что сложности во взаимоотношениях в семье мешают им родить то число детей, которое они желали бы иметь.

¹⁸ Захаров С.В. Раздел 2. Браки и разводы // Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2010. С. 71.

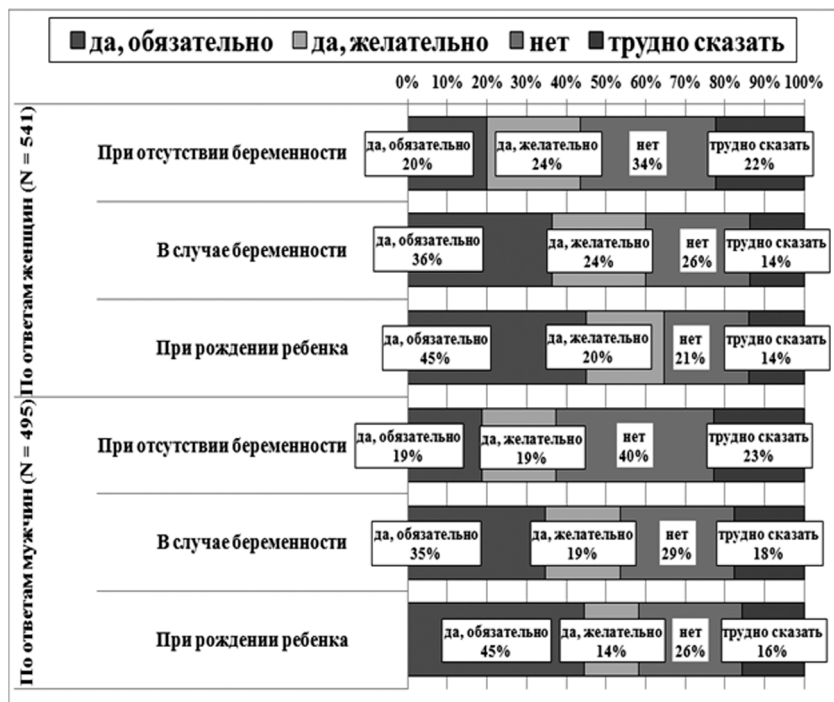

Рис. 9. Намерения женщин и мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его при определенных обстоятельствах (в % к численности групп)

Источник данных: Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/org.doc. С. 9 (дата обращения: 02.02.2016).

При анализе материалов переписей и выборочных социологических обследований все данные по мужчинам и женщинам, состоящим в зарегистрированном и незарегистрированном браке, следует рассматривать отдельно. Объединение их в одну группу под названием “состоящие в партнерских союзах” приводит к излишне оптимистическим выводам как о степени компенсации разводов повторными браками, так и о влиянии брачной структуры населения на рождаемость.

По современным российским законам брак может быть расторгнут по произвольному требованию одного из супругов без вины и без согласия другого. Но решение послеразводных вопросов как в отношении детей, так и в аспекте раздела жилья и прочего имущества, связано с большими трудностями. Среди женатых мужчин и замужних женщин от этого никто не застрахован. Поэтому многие

люди, особенно если они пережили развод, не желают регистрации брака. Однако замена законных браков сожительствами, при которых партнеры не доверяют друг другу и не хотят расписываться в ЗАГСе, а разрыв отношений не создает проблем (если нет общих детей), означает не модернизацию семьи, а ее разрушение как социального института.

Традиционный тип семьи, состоящей из законных супругов с несколькими детьми, уже перестал численно преобладать и уступает место неполным семьям, а также неженатым, однополым и бездетным парам. Если согласиться с популярным мнением об “устарелости” и отмирании законного брака, которое разделяют некоторые социологи и демографы, то придется признать, что весь род людской обречен на вымирание. Только семьи традиционного типа могут обеспечить нормальное замещение поколений, т.е. выживание человечества.

Меры семейно-демографической политики должны быть направлены не только на стимулирование рождения вторых и последующих детей в уже существующих семьях (которые получают право на материнский капитал только после появления у них второго ребенка), но и на создание новых семей, т.е. на стимулирование вступления в зарегистрированные браки, а также на профилактику разводов.

То, что право распоряжаться материнским капиталом имеют только матери, понижает авторитет мужей и отцов в семьях, а мужчин — в обществе. Это не способствует укреплению брака как основы семьи. А прочность брака влияет и на рождаемость.

Многие меры демографической политики направлены не на решение проблем семьи в целом, а только на решение проблем матери с детьми. Государство рассматривает каждую семью, которой оно помогает, как неполную, даже если в ней есть муж и отец. Неполная семья как бы превращается в норму, что не соответствует самой идее демографической политики и может снижать ее эффективность.

Следует переименовать материнский капитал в семейный. Это слово входит в полное название — “материнский (семейный) капитал”, но о том, что написано в скобках, почти все забыли. Все списания средств с соответствующего счета следовало бы производить по совместному заявлению обоих родителей ребенка, если они состоят в зарегистрированном браке. Это поднимет престиж законного супружества, повысит авторитет мужчин в семье и обществе, пойдет на пользу семейно-демографической политике и не потребует практически никаких дополнительных расходов от государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году (опубликовано 24.01.2013). URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/otp.doc (дата обращения: 01.02.2015).

Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 46–60. URL: <http://corp.fom.ru/socreal/authors> (дата обращения: 01.02.2016).

Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. М., 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 01.02.2016).

Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2009.13.11. № 1362.

Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 01.02.2016).

Захаров С.В. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста // Демоскоп Weekly. 2007. № 289–290. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php> (дата обращения: 01.02.2016).

Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: “золотой век” традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М., 2007. С. 75–126.

Захаров С.В. Рост рождаемости: начало пути и дальние горизонты. Гл. 2 // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год. Россия перед лицом демографических вызовов / Под общ. ред. А.Г. Вишневого, С.Н. Бобылева. М., 2009. С. 28–54.

Захаров С.В. Браки и разводы. Раздел 2 // Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2010. С. 53–76.

Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 153–164.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. М., 2012.

Население России 2010–2011: восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2013.

Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2014.

Население СССР. 1988. Статистический ежегодник. М., 1989.

Федеральная служба государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение поведенческих факторов. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

Федеральная служба государственной статистики / Построить таблицу... / Выбрать тему / Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения за 2012 год. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).

REFERENCES

Analiticheskij otchet po itogam vyborochnogo nabljudenija reproduktivnyh planov naselenija v 2012 godu (opublikovano 24.01.2013). URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (data obrashhenija: 01.02.2016).

Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2015: Stat. sb. M., 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (data obrashhenija: 01.02.2016).

Deti, chuvstva ili kvartira: radi chego stoit sohranit' neudachnyj brak? // Press-vypusk VCIOM. 2009.13.11. N 1362.

Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki / Postroit' tablicu... / Vybrat' temu / Vyborochnoe nabljudenie povedencheskih faktorov. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (accessed: 24.01.2016).

Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki / Postroit' tablicu... / Vybrat' temu / Vyborochnoe nabljudenie reproduktivnyh planov naselenija za 2012 god. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (data obrashhenija: 24.01.2016)

http://www.gks.ru/free_doc/2015/demo/edn12-15.htm (data obrashhenija: 02.02.2016).

Isupova O. Rossijskie konsensual'nye sojuzy nachala XXI veka (po dannym mezhdunarodnogo sravnitel'nogo issledovanija) // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2015. N 2 (126). S. 153–164.

Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. T. 2. M., 2012.

Klinenberg Eric. Going solo. The extraordinary rise and surprising appeal of living alone. N.Y., 2012.

Naselenie Rossii 2010–2011: vosemnadcatyj — devjatnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red. A.G. Vishnevskij. M., 2013.

Naselenie Rossii 2012: dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red. A. G. Vishnevskij. M., 2014.

Naselenie SSSR. 1988. Statisticheskij ezhegodnik. M., 1989.

Vovk E. Praktika sozhitel'stv v Rossii: rasprostranennost', smysly, interpretacii // Social'naja real'nost'. 2006. N 4. S. 46–60. URL: <http://corp.fom.ru/socreal/authors> (data obrashhenija: 01.02.2016).

Zakharov S. V. Novejshe tendencii formirovanija sem'i v Rossii. Stat'ja pervaja. Rasshirjajushhiesja granicy braka // Demoskop Weekly. 2006. N 237–238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php>. (data obrashhenija: 01.02.2016).

Zaharov S.V. Dlitel'nost' supruzheskoj zhizni zhenshhin reproduktivnogo vozrasta // Demoskop Weekly. N 289–290. 2007. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php> (data obrashhenija: 01.02.2016).

Zaharov S.V. Transformacija brachno-partnerskih otnoshenij v Rossii: “zolotoj vek” tradicionnogo braka blizitsja k zakatu? // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshhestve / Pod nauch. red. T.M. Malevoj, O.V. Sinjavskoj. M., 2007. S. 75–126.

Zaharov S.V. Rost rozhdaemosti: nachalo puti i dal'nie gorizonty. Gl. 2 // Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v Rossijskoj Federacii za 2008 god. Rossija pered licom demograficheskikh vyzovov / Pod obsh. red. A.G. Vishnevskogo, S.N. Bobyleva. M., 2009. S. 28–54.

Zaharov S.V. Braki i razvody. Razdel 2 // Naselenie Rossii 2008. Shestnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red. A.G. Vishnevskij. M., 2010. S. 53–76.

Ф.А. Игебаева, канд. филос. наук, доц. кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета*

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ НА ЕЕ СТАБИЛЬНОСТЬ

F.A. Igebaeva, candidate of philosophical sciences, associate professor the chair of social, economic subjects and humanities Bashkir State Agrarian University, e-mail: igebaeva.fania@yandex.ru

THE IMPACT OF LIFESTYLE OF URBAN FAMILIES FOR ITS STABILITY

В статье предпринята попытка изучения зависимости стабильности семьи от характера и интенсивности демографических процессов, выявления связи между характером воспроизводства населения и поведением семьи, ее образом жизни (включая репродуктивное поведение) и стабильностью. Определено особое положение семьи как социальной общности и социального института в процессе воспроизводства населения. Функционирование семьи рассмотрено сквозь призму всеобщего процесса воспроизводства, социальный смысл которого сводится к воспроизводству образа жизни, как особого типа жизнедеятельности и поведения семей различного типа в конкретных социальных условиях. Проведен анализ изменений, происходящих в характере брачно-семейных отношений, и выявлены факторы влияния образа жизни городской семьи на уровень рождаемости, брачности и разводимости. Показана важность исследования проблемы стабилизации и дестабилизации городской семьи и определения путей регулирования брачно-семейных отношений. Выдвинут тезис о необходимости выработки специальных мер воздействия на общественное сознание в целях его "оздоровления", а также усиления внимания государственных и общественных организаций к проблемам семьи и воспроизводства населения. Эмпирической базой для написания статьи послужили результаты специального социологического исследования полных семей, проведенного автором.

Ключевые слова: образ жизни, семья, стабильность семьи, дестабилизация семейных отношений, воспроизводство населения, рождаемость, брачность, разводимость, миграция.

The paper presents an attempt to study the way a family depends on the nature and intensity of demographic processes, to identify relationship between reproduction and family behavior, its way of life (including reproductive behavior)

* Игебаева Фания Абдулхаковна, e-mail: igebaeva.fania@yandex.ru

and stability. A specific status of a family as a social unit and a social institution in the population reproduction process is determined. Family functioning is considered in terms of overall reproduction process with its social meaning being as lifestyle reproduction and specific way of activities and behavior of different families in certain social conditions. There is analysis of changes in the nature of marriage and family relations as well as revealed factors that influence urban family life and marriage and divorce level. The article calls attention to the problem of stabilization and destabilization of urban families and the ways to regulate family relations. We offer a thesis on necessary measures to influence social opinion in order to make it healthier as well as public and social institutions to pay more attention at family issues and population reproduction. The paper is based on the results of the target sociological survey of two-parent families conducted by the author.

Keywords: *lifestyle, family, family stability, marriage destabilization, population reproduction, marriage rate, divorce rate.*

Воспроизводство населения и семейно-брачных отношений как сторона воспроизводства общественного бытия и общественного сознания включает в себе не только повторяющуюся смену поколений в результате рождаемости и смертности, но также воссоздание и изменение социальных отношений по поводу семьи, брака и детей. Особое место в воспроизводственном процессе принадлежит семье, которая выступает одновременно в качестве особого социального института и малой социальной группы, и тем самым является как объектом воспроизводства, так и его субъектом.

В настоящее время проблемы стабильности семьи актуализированы, во-первых, некоторыми негативными тенденциями современной демографической ситуации — высокий уровень разводов, увеличение числа детей, воспитываемых вне семьи, увеличение числа мужчин и женщин, не состоящих в браке, и, во-вторых, эволюционными изменениями в семье — переход от авторитарных отношений к эгалитарным, перестройка функций семьи в сторону приоритета духовно-нравственных ценностей.

В литературе, посвященной проблемам семьи, ее стабильности, немало внимания уделяется анализу экономических¹, социально-психологических² условий, способствующих или препятствующих укреплению семьи. Целью нашей работы является изучение зависимости стабильности семьи от характера и интенсивности демо-

¹ Васильева Э.К. Семья и ее функции. Демографо-статистический анализ. М., 2001. С. 45.

² Beach S. Transformative processes in marriage: an analysis of emerging trends // Journal of Marriage and the Family. 2007. May. N 69. P. 275; Forsberg L. Managing time and childcare in dual-earner families: unforeseen consequences of household strategies // Acta sociologica. 2009. Jun. Vol. 52.

графических процессов, выявление связи между характером воспроизводства населения и поведением семьи, ее образом жизни (включая репродуктивное поведение) и стабильностью. Нам представляется, что своеобразным инструментом, благодаря которому удалось бы обнаружить скрытые воздействия между этими процессами, является образ жизни населения конкретного города.

В процессе воспроизводства населения участвуют самые разнообразные социальные институты и учреждения. Государство при помощи права прямо или косвенно регулирует семейно-брачные отношения; трудовые коллективы, общественные организации осуществляют трудовое и нравственное воспитание личности, формируют научное мировоззрение. Большую роль при этом играет состояние общественного сознания и особенно общественного мнения, политической психологии, которые выполняют регулятивную функцию по отношению к различным группам населения. В настоящее время назрела необходимость поиска новых связей, от характера и устойчивости которых зависит режим воспроизводства населения, развитие и функционирование семьи. К числу таких связей относятся, на наш взгляд, следующие: 1) тип семьи и уровень мобильности ее членов; 2) количество детей в семье и социальные ориентации; 3) характер семейно-брачных отношений и степень устойчивости семьи; 4) тип поселения и уровень социальной и территориальной мобильности жителей; 5) демографическая структура поселения и уровень брачности, рождаемости и смертности; 6) общественное мнение, традиции и репродуктивные установки семьи.

Для выявления этих связей и зависимостей в 2010–2011 гг. автором статьи было проведено специальное социологическое исследование полных семей. Результаты социологического опроса и послужили эмпирической базой данной научной работы. В качестве единицы измерения была выбрана полная семья, объем выборочной совокупности составил 600 семей, выборка — квотная. При проведении исследования использовались методы анкетирования, стандартизированного интервьюирования и анализа документов (статистических данных). Целью исследования было изучение функционирования городской семьи, выявление влияния образа жизни на характер воспроизводства населения и стабильность брачно-семейных отношений.

Образ жизни городской семьи обусловлен спецификой городских отношений, распространенностью особых стереотипов поведения, установок и ценностных ориентации. Особенность городского образа жизни предопределяется, прежде всего, характером трудовой, общественной и рекреационной деятельности жителей

города. Работа в больших коллективах, разнообразие профессий и мест приложения труда, широкий спектр занятий в свободное время, обилие информации, социальных связей и групп интенсифицирует жизнь горожан и их семей. Как отмечает Е.Н. Новоселова “В условиях крупного города становится практически невозможной совместная жизнедеятельность широкого родственного круга... Родители не общаются с детьми, дети — с родителями. Родители не только целыми днями пропадают на работе, но в условиях расширения сферы услуг еще куда-то идут после работы”³. Тенденция к расширению контактов и социальных связей усиливает нервно-психические нагрузки и напряженность межличностных отношений, что приводит к озлобленности и раздражительности, которые нередко переносятся в семью.

Следует отметить, что город не является замкнутой социально-демографической системой, самовоспроизводящей саму себя. Одной из особенностей воспроизводства городского населения является его сравнительно неустойчивая демографическая структура. Если в сельских поселениях удельный вес младших возрастов и пожилых людей на протяжении многих лет остается достаточно стабильным, то в городских поселениях в зависимости от их величины, места расположения, возраста, от темпов экономического роста, вариации в показателях демографического развития значительны.

Очевидно, что высокая динамичность социально-демографической структуры города приводит порой к перекосам в соотношении полов и возрастных групп. Это, в свою очередь, отражается на образе жизни населения, поскольку многие молодые люди, по причине отсутствия брачных партнеров не могут вступить в брак, тем самым снижая уровень брачности и рождаемости в городе. Конечно, рано или поздно брачные пары сформируются, но оптимальная разница в возрасте женихов и невест будет нарушена. Как показывают исследования, гармоничность отношений в семье во многом зависит от соотношения возраста жены и мужа. По мнению ряда исследователей семьи, разница в возрасте у супругов должна составлять 4—6 лет⁴.

Оптимальная разница в возрасте супругов обусловлена как биологическими, так и социальными причинами. Женщины дольше живут, но раньше стареют, социальная же зрелость мужчин наступает позже (годы учебы, служба в армии отодвигают время вступления в самостоятельную жизнь). Поэтому, если раннее замужество

³ Новосёлова Е.Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 173.

⁴ Тощенко Ж.Т. Социология: Уч. М., 2007. С. 234.

женщин как-то оправдано, то этого нельзя сказать о ранних браках мужчин. Ситуация, когда муж намного старше жены или жена старше мужа, в большинстве случаев приводит в определенное время к дисгармонии половой жизни, и как следствие этого, к дисгармонии семейной жизни в целом. Дисгармония в супружеских отношениях порождается как социальными факторами, так и особенностями физиологического развития супругов. Неудовлетворенность сексуальной жизнью в браке чаще возникает по субъективным причинам, однако, очевидно, что сексуальность является одной из главных ценностей брака⁵.

Преобладание женщин в составе населения города приводит еще к одному очень важному в нравственном отношении следствию: значительное число мужчин вступают во второй или следующий брак с молодыми женщинами, которые до этого не состояли в браке. Например, по статистическим данным в Республике Башкортостан второй и последующий браки заключили 12–14% мужчин и 9–10% женщин среди всех вновь заключаемых браков⁶. Если учесть, что вступая в брак вторично, мужчины во многих случаях (примерно 35–40%) получают в брачные партнерши более молодых женщин, а разведенные женщины лишь в редких случаях вступают в брак с мужчинами, которые до этого не были женаты, то становится очевидным, что диспропорция полов оборачивается своеобразным “многоженством” мужчин. Этому способствует тот факт, что все большее число разведенных женщин и мужчин вообще больше не вступают в официально зарегистрированный брак, хотя и состоят в гражданском браке. Это подтверждают и данные переписей населения, когда замужних женщин оказывается значительно больше, чем женатых мужчин. Расхождение объясняется тем, что в фактических брачных союзах, официально не оформленных, женщины чаще считают себя замужними, чем их партнеры женатыми. Кроме того, следует учесть, что мужчины становятся вдовцами вдвое реже (ежегодно становятся вдовцами в стране около 300 тыс. мужчин), чем женщины — вдовами, а в повторный брак ежегодно вступает не более 1/3 мужчин, у которых брак распался в прошлом году. Известно также, что в последние годы росло число мужчин, не состоящих в браке (ни в юридическом, ни в фактическом)⁷.

⁵ Бурханова Ф.Б. Брак и семья у башкир // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 66–74; Новосёлова Е.Н. Однополый “брак” — тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 85–103.

⁶ Демографические процессы в Республике Башкортостан: Стат. сб. Уфа, 2012. С. 52–53.

⁷ Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России в XXI веке. М., 2002.

Следует также отметить, что “искривление” демографической структуры населения города, нарушение ее пропорций по полу и возрасту, порождает такое специфическое социальное явление как “соперничество” девушек и женщин в создании брачных союзов. Если прибавить к той части женщин, которые обречены на “незамужество” из-за отсутствия брачных партнеров, еще и женщин, состоящих в разводе и повторно не вышедших замуж, то образуется значительный контингент женского населения, который выпадает из процесса воспроизводства новых поколений. Вместе с тем, “избыток” незамужних женщин оказывает психологическое воздействие на непрочные семьи, создает дополнительные условия для супружеских измен, снижает уровень притязаний к потенциальным брачным партнерам-мужчинам. В частности, легкость, с которой совершаются разводы в городах, объясняется не только упрощенной процедурой расторжения брака, но и психологической уверенностью в наличии выбора очередного брачного партнера. “Соперничество” женщин в результате меньших возможностей для вступления в брак в определенной мере стимулирует распространение внебрачных связей, и как следствие — внебрачных рождений⁸.

“Искривление” демографической структуры населения города, а значит и колебания в режиме воспроизводства населения в значительной степени обусловлены характером миграционных потоков, устремляющихся в город и из него. Влияние миграционной подвижности населения на стабильность семьи в основном носит опосредованный характер. Повышенная доля молодежи в миграционных потоках приводит не только к нарушениям в пропорциях полов, но сама по себе выступает дестабилизирующим фактором для существующих семей в результате повышения анонимных связей, степени выбора сексуальных партнеров и т.п.⁹

Выборочные исследования, проведенные в г. Уфе, показали, что среди нынешних взрослых городских жителей примерно каждый второй — горожанин первого поколения, при этом более половины опрошенных (55,6%) составляют выходцы из села, и 18,6% — выходцы из малых городов и рабочих поселков. Это говорит о том, что формирование населения крупного города идет за счет пришлого, главным образом сельского населения.

Какое значение данный факт имеет для воспроизводства населения и стабильности брачно-семейных отношений? Прежде всего, оно состоит в том, что определенная часть семей, изменивших свой

⁸ Игебаева Ф.А. Демографическое развитие города как социальный процесс // European Social Science Journal. 2014. Vol. 2. N 7. С. 420.

⁹ Браки и разводы глазами социолога // Демоскоп Weekly. 2011. № 475. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475//rossia01/php#5> (дата обращения: 26.06.2011).

статус, сохраняет прежние репродуктивные установки, которые были сформированы во время жизни на селе. Как показывают исследования демографов различных стран, ориентация на определенное число детей в семье закладывается в детском и юношеском возрасте, причем эти установки обладают значительной устойчивостью¹⁰. Прошлые условия жизни, старые установки в репродуктивной сфере в известной степени воспроизводятся уже в новой социальной среде.

Перемещение сельских жителей в города приводит к изменению образа жизни, восприятию новых стандартов поведения, однако это происходит не сразу. Причем изменение мнений о желаемом количестве детей в семье зависит от длительности проживания супругов в городе, от уровня их образования и квалификации. В крупном городе уровень образования и квалификации выше, чем в малых городах. Однако здесь возникает противоречивая ситуация: уровень образования и квалификации далеко неоднозначно сказывается на уровне рождаемости, но находятся в прямой связи с разводимостью. Значит, какая-то часть горожан, прибывшая из села и пополнившая ряды малоквалифицированных рабочих, отличается интенсивным воспроизводством, другая — более образованная и квалифицированная, имеющая высокие запросы и требования к браку и семье, слабо участвует в воспроизводственном процессе, но очень активно — в процессе распада семей¹¹.

Миграционная подвижность, по всей вероятности, ускоряет социальную подвижность населения. Вместе с тем, характер естественного воспроизводства населения может как стимулировать, так и сдерживать интенсивность миграционных перемещений. Например, повышенная доля молодежи и высокий уровень разводимости создают дополнительные предпосылки для миграции. В то же время масштабы миграции могут отразиться на уровне рождаемости: худшие жилищные условия у переселенцев, общая нестабильность могут вызвать отложенный спрос на детей. Видимо, миграционная подвижность населения временно может привести к изменению сроков появления первого или второго ребенка, но вряд ли предопределяет количество детей в семье. Как уже было отмечено, выходцы из сельской местности в городе изменяют свои

¹⁰ Blossfeld and Hofmeister. 2005. Life courses in the globalization process. Final Report. Bamberg, 2005. P. 425; McDonald 2006. Low fertility and the state: the efficacy of policy // Population and Development Review. 2006. N 32 (3).

¹¹ Игебаева Ф.А. Влияние миграционных процессов на репродуктивные установки горожан. // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития. Сб. науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конференции: В 10 частях. Уфа, 2013. С. 52–53.

репродуктивные установки, правда, не сразу. Что же касается коренных жителей, потомственных горожан, то именно они являются носителями типичных стереотипов городского образа жизни, в том числе негативного отношения к большому количеству детей в семье. Вероятно, именно это обстоятельство и предопределяет различия в численности детей у потомственных горожан и у горожан первого поколения.

Следовательно, влиять на уровень рождаемости возможно не только при помощи таких материальных факторов, как заработная плата, жилье, но и с помощью косвенных мер, направленных на регулирование миграции населения. Вместе с тем, деформация демографической структуры населения города имеет не только негативный демографический, но и социальный смысл. Неравномерное соотношение молодых и пожилых возрастов мужчин и женщин в брачном, фертильном возрасте, не только препятствует естественному процессу образования семей, но и имеет и далеко идущие социальные последствия¹².

Безусловно, профессиональная, социальная и территориальная подвижность горожан объективно необходима, поскольку без этого невозможно развитие новых районов. Но вместе с тем усиление миграционных процессов сказывается не только на уровне рождаемости, но и на стабильности городской семьи, поскольку худшие жилищные условия у переселенцев вызывают отложенный "спрос" на детей, а моменты адаптации и рестрафикации приводят к экономическим и социально-психологическим трудностям семей-мигрантов. В этом, на наш взгляд, обнаруживается диалектически противоречивый характер взаимосвязи миграционной подвижности населения и стабильности семьи.

Обратное влияние состояния брачно-семейных отношений на демографическое развитие города проявляется прежде всего в том, что от степени гармоничности внутрисемейных отношений зависит уровень миграционной подвижности и брачности населения. Отметим, что часть миграций носит вынужденный характер и вызвана диссонансами в супружеских отношениях, которые не только усиливают территориальную подвижность населения, но и отрицательно сказываются на сроках вступления в брак, рождения детей.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: дестабилизация семьи так или иначе приводит к отложенному спросу на детей, к стремлению изменить место жительства, а это в свою очередь

¹² Проневская И.В., Нунов А.С. Этнические особенности различных типов семейного поведения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 163–181.

ведет к распространению малодетных семей, одиночек, а также нарушению оптимального соотношения возраста женихов и невест¹³.

Нестабильность семьи прямым образом отражается на уровне рождаемости, поскольку напряженность в супружеских отношениях, неуверенность в брачном партнере нередко оказываются решающими в вопросе, сколько детей будет в семье. Причем в большей степени это относится не к первому, а ко второму и особенно к третьему ребенку, появление которого можно рассматривать как ответ на вопрос, как обстоят дела в данной семье. Свидетельством этого, хотя и косвенным, является тот факт, что по данным нашего исследования материалов ЗАГСов г. Уфы (600 брачных пар) среди разводящихся лишь 5,6% имели троих детей, 52% — одного ребенка, а 12% — вообще не имели детей.

Нестабильность семьи обнаруживается не только в ее повышенной социальной и территориальной мобильности. Она имеет место и как результат несовпадения культурных ценностей, интересов, социальных оценок жизненной ситуации у представителей старших и молодых поколений¹⁴.

Говоря о направленности потребностей и интересов у различных типов семей, важно выделить, по нашему мнению, два рода их поведения: поведение, направленное на сохранение и упрочение жизненных условий, и поведение, направленное на изменение этих условий. Удовлетворенность или неудовлетворенность трудом, заработной платой, жилищными условиями прямо коррелируют с общей оценкой жизненной ситуации и уровнем стабильности семьи. Наиболее устойчивые и социально-однородные семьи ориентированы на сохранение и упрочение наличных условий жизни. И, напротив, семьи нестабильные, социально-смешанные проявляют больше стремления к изменению жизненных позиций и условий жизни¹⁵.

Нам представляется, что главными факторами, обеспечивающими стабильность семьи и гармоничность отношений между супругами, является взаимопонимание и уважение друг к другу. Недостаток или отсутствие этих составляющих во взаимоотношениях в семье создает особую нравственную атмосферу, в которой чаще обычного возникает нервозность, неустойчивость в отношениях

¹³ Гурко Т.А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110—120.

¹⁴ Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70—77.

¹⁵ Ржаницина Л.С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 65—69; Харчев А.Г. Исследование семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 68.

не только между супругами, но и между родителями и детьми. На вопрос нашей анкеты “Как часто Вы испытываете чувство непонимания со стороны мужа (жены)?” ответы респондентов распределились следующим образом: “очень часто” ответили 12,5% женщин и 9,8% мужчин; “иногда” — соответственно 38,9% и 42,6%; “очень редко” — 24,3% и 15,0% и ответ “почти никогда” дали 24,3% женщин и 32,6% мужчин.

Неудовлетворенность браком чаще возникает из-за несовпадения интересов, представлений о ценностях семейной жизни. У каждого из супругов имеются эталон семейной жизни, определенные ожидания от брака. Под влиянием примера родителей постепенно формируется устойчивый образ будущего партнера и будущей семейной жизни, и какое-то время, особенно в первые годы совместной жизни, каждый из супругов придерживается своего образа. И в тот момент, когда обнаруживается несовпадение ожидаемого и реального образа партнера и супружеской жизни, наступает состояние разочарования, переоценки ценностей, приводящие иногда к конфликтам, вплоть до распада семьи.

Данные статистики свидетельствуют о снижении стабильности брачно-семейных отношений, в результате чего растет ежегодное число разводов. Как показало наше исследование брачных пар, обратившихся в нарсуды г. Уфы по поводу развода, наиболее интенсивно расходятся семьи, прожившие 1–4 года, они составляют 36% всех опрошенных. Следовательно, проблема разводов это, прежде всего, проблема стабилизации молодых семей. Однако тревожным является распад семей, стаж совместной жизни которых составляет 10–12 лет, на их долю приходится 22% всех случаев развода. Эти данные согласуются и с результатами исследований в других городах страны¹⁶.

Причины роста разводимости многообразны и связаны со структурно-функциональными изменениями в семье. На стабильность семейных отношений в последнее время все сильнее действует и неравная нагрузка, приходящаяся как в самой семье, так и в общественной жизни на долю мужа и жены. Работая на производстве и дома, женщина больше устает, перегружена разными заботами¹⁷. Как показало наше исследование, в семьях, где оба супруга совместно выполняют домашнюю нагрузку, более 60% женщин оценивают свой брак как счастливый, а там, где нет справедливого

¹⁶ Пасовец Ю.М. Демографический потенциал современной России в региональном разрезе // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 66.

¹⁷ Аитов Н.А., Говако Б.И., Игебаева Ф.А. Город. Население. Трудовые ресурсы. Уфа, 1982. С. 45.

распределения домашних обязанностей, 80% женщин высказали неудовлетворенность браком. К тому же приобретение женщиной экономической независимости уменьшает страх перед материальными последствиями разрыва. Неслучайно, на наш взгляд, инициаторами разводов в большинстве случаев (63,4%) являются женщины.

Среди многообразных мотивов разводов можно выделить пять наиболее распространенных: алкоголизм, супружеская неверность, отсутствие взаимопонимания, тяжелый характер супруга (-ги) и несовпадение ценностных ориентаций, на долю которых приходится 70% возможных причин разводов. Таким образом, первостепенное значение в расторжении брака принадлежит причинам, связанным не с материальными, а нравственными факторами¹⁸.

Образ жизни является своеобразным аккумулятором, в котором концентрируются изменения в условиях и характере воспроизводства населения города. В свою очередь, образ жизни как способ жизнедеятельности людей и формирующиеся на этой базе типичные и массовые стереотипы поведения оказывают прямое воздействие на семью и ее стабильность, а следовательно, и на рождаемость.

Нарушение гармонии супружеских отношений, неудовлетворенность браком при чрезвычайно высоком уровне разводов находятся в обратно пропорциональной зависимости от уровня рождаемости. Конечно, нельзя игнорировать влияние на рождаемость всей совокупности социально-экономических факторов и демографической структуры населения. Но не считается при этом со степенью устойчивости брака тоже нельзя. Как отмечает Л.Е. Дарский, «повышенная вероятность распада браков способствует формированию более низкого уровня брачной плодовитости, так как женщина опасается остаться одна с детьми и супруги не хотят "связывать" себя большим числом детей, учитывая потенциальную возможность развода»¹⁹. Поэтому, как справедливо считают специалисты по проблемам брака и семьи, одним из важнейших условий повышения рождаемости, помимо стимулирующих мер демографической политики в стране (речь о материнском капитале) является профилактика разводов, предотвращение распада семьи, повышение устойчивости брачно-семейных отношений²⁰.

¹⁸ Бухалова Н.А. Повторные браки у пожилых людей // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 65–71; Елютина М.Э., Исаева С.А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 91–98.

¹⁹ Дарский А.Е. Демографо-статистическое исследование. М., 1999. С. 58.

²⁰ Игебаева Ф.А. Особенности демографического развития города и стабильности семьи // Социально-политические науки. Международный межвузовский научный рецензируемый журнал. 2013. № 2. С. 81.

Городская семья как социальный институт и малая социальная группа выполняет важнейшие общественные функции — воспроизводит новые поколения, нравственные нормы и образцы поведения, активно участвует в социализации личности. Задача состоит лишь в том, чтобы создать семье наиболее благоприятные условия для ее нормального функционирования²¹.

Вместе с тем, в комплексе мер, направленных на оптимизацию и регулирование воспроизводства населения, развития семьи особое место должны занимать меры идеологического и социально-психологического характера. Наше исследование семей различного типа показало, что в современных условиях по мере удовлетворения материальных потребностей людей возрастает значение нравственно-психологических факторов в жизни человека и семьи. Формирование установок на число детей в семье, на способы проведения свободного времени, формы общения, супружеские ожидания и притязания все больше перемещаются в сторону духовно-нравственной сферы. В частности, снижение устойчивости, дестабилизация семейных отношений у определенной части населения связаны, видимо, с нарастанием новых видов ценностей, которые если и не препятствуют, то в какой-то мере способны приглушить “брачные ценности”. Нам представляется, что эти ценности во многом носят и реальный, и мифический характер, однако очевидно, что формируются они не только за счет целенаправленных усилий со стороны государства, но и благодаря массовому обыденному сознанию. Отсюда возникает необходимость выработки специальных мер воздействия на общественное сознание в целях его “оздоровления”, а также усиления внимания государственных и общественных организаций к проблемам семьи и воспроизводства населения²². Пропаганда с помощью средств массовых коммуникаций знаний о населении, семье, воспитании детей, опосредованное воздействие на общественное мнение правовых институтов, нравственных норм и идеалов — вот неполный перечень методов и средств, способствующих планомерному формированию общественного мнения в соответствии с демографической политикой, проводимой в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аитов Н.А., Говако Б.И., Игбаева Ф.А. Город. Население. Трудовые ресурсы. Уфа, 1982.

²¹ *Tamara K. Naraven.* Family time and industrial time. Cambridge, 1982.

²² *Захаров С.В.* Распространенность разводов “с детьми” // ДемоскопWeekly. 2013. 4—15 марта. № 545—546. URL: <http://demoscope.ru/weekly/20130545//tema04.php> (дата обращения: 13.08.2014).

Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России в XXI веке. М., 2002.

Браки и разводы глазами социолога // Демоскоп Weekly. 2011. № 475. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475/rossia01/php#5> (дата обращения: 26.06.2011).

Бурханова Ф.Б. Брак и семья у башкир // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 66–74.

Бухалова Н.А. Повторные браки у пожилых людей // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 65–71.

Васильева Э.К. Семья и ее функции. Демографо-статистический анализ. М., 2001.

Гурко Т.А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110–120.

Дарский А.Е. Демографо-статистическое исследование. М., 1999.

Демографические процессы в Республике Башкортостан. Стат. сб. Уфа, 2012.

Елютина М.Э., Исаева С.А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 91–98.

Захаров С.В. Распространенность разводов “с детьми” // Демоскоп-Weekly. 2013. 4–15 марта. № 545–546. URL: <http://demoscope.ru/weekly/20130545/tema04.php> (дата обращения: 13.08.2014).

Игебаева Ф.А. Влияние миграционных процессов на репродуктивные установки горожан // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития. Сб. науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конференции: В 10 частях. Уфа, 2013. С. 52–53.

Игебаева Ф.А. Особенности демографического развития города и стабильности семьи // Социально-политические науки. Международный межвузовский научный рецензируемый журнал. 2013. № 2. С. 79–81.

Игебаева Ф.А. Демографическое развитие города как социальный процесс // European Social Science Journal. 2014. Vol. 2. N 7. С. 418–422.

Новосёлова Е.Н. Однополый “брак” — тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 85–103.

Новосёлова Е.Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 166–188.

Проневская И.В., Нуров А.С. Этнические особенности различных типов семейного поведения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 163–181.

Пасовец Ю.М. Демографический потенциал современной России в региональном разрезе // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 64–69.

Ржанущина Л.С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 65–69.

Тощенко Ж.Т. Социология: Уч. М., 2007.

Харчев А.Г. Исследование семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 67–72.

REFERENCES

- Aitov N.A., Govako B.I., Igebaeva F.A.* Gorod. Naselenie. Trudovye resursy. Ufa, 1982.
- Antonov A.I., Medkov V.M., Arhangel'skij V.N.* Demograficheskie processy v Rossii v XXI veke. M., 2002.
- Beach S.* Transformative processes in marriage: an analysis of emerging trends // Journal of Marriage and the Family. 2007. May. N 69.
- Blossfeld and Hofmeister.* 2005. Life courses in the globalization process. Final report. Bamberg, 2005.
- Braki i razvody glazami sociologa.* URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475/rossia01/php#5> (data obrashhenija: 26.06.2011).
- Burhanova F.B.* Brak i sem'ja u bashkir // Sociologicheskie issledovanija. 2015. N 8. S. 66–74.
- Buhalova N.A.* Povtornye braki u pozhilyh ljudej // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 3. S. 65–71.
- Darskij A.E.* Demografo-statisticheskoe issledovanie. M., 1999.
- Demograficheskie processy v Respublike Bashkortostan.* Stat. sb. Ufa, 2012.
- Eljutina M.Je., Isaeva S.A.* Prichiny razvoda v tret'em vozraste // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 9. S. 91–98.
- Forsberg L.* Managing time and childcare in dual-earner families: unforeseen consequences of household strategies // Acta sociologica. 2009. Jun. Vol. 52.
- Gurko T.A.* Alimenty: faktor kachestvennogo i kolichestvennogo vosproizvodstva naselenija // Sociologicheskie issledovanija. 2008. N 9. S. 110–120.
- Harchev A.G.* Issledovanie sem'i: na poroge novogo jetapa // Sociologicheskie issledovanija. 2004. N 3. S. 67–72.
- Igebaeva F.A.* Vlijanie migracionnyh processov na reproduktivnye ustanovki gorozhan // Nauka, obrazovanie, obshhestvo: problemy i perspektivy razvitija. Sb. nauch. trudov po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii: V 10 chastjah. Ufa, 2013. S. 52–53.
- Igebaeva F.A.* Osobennosti demograficheskogo razvitija goroda i stabil'nosti sem'i // Social'no-politicheskie nauki. Mezhdunarodnyj mezhvuzovskij nauchnyj recenziruemyj zhurnal. 2013. N 2. S. 79–81.
- Igebaeva F.A.* Demograficheskoe razvitie goroda kak social'nyj process // European Social Science Journal. 2014. Vol. 2. N 7. S. 418–422.
- McDonald* 2006. Low fertiliti and the state: the efficacy of policy // Population and Development Reiw. 2006. N 32 (3).
- Novosjolova E.N.* Odnopoljy "brak" — tupikovaja vetv' jevoljucii sem'i i obshhestva // Vestn. Mosk. un-ta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2013. N 4. S. 85–103.
- Novosjolova E.N.* Tradicionnaja sem'ja v bol'shom gorode: social'nyj atavizm i neobhodimaja cennost' // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2014. N 4. S. 166–188.

Pronevskaja I.V., Nurov A.S. Jetnicheskie osobennosti razlichnyh tipov semejnogo povedenija // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2012. N 2. S. 163–181.

Pasovec Ju.M. Demograficheskiy potencial sovremennoj Rossii v regional'nom razreze // Sociologicheskie issledovanija. 2011. N 12. S. 64–69.

Rzhanicina L.S. Uluchshenie polozhenija detej v razvedennyh sem'jah // Sociologicheskie issledovanija. 2015. N 3. S. 65–69.

Shevchenko I.O. Situacija posle razvoda: otcy i deti // Sociologicheskie issledovanija. 2015. N 3. S. 70–77.

Tamara K. Haraven. Family time and industrial time. Cambridge, 1982.

Toshhenko Zh.T. Sociologija: Uch. M., 2007.

Vasil'eva Je.K. Sem'ja i ee funkcii. Demografo-statisticheskij analiz. M., 2001.

Zaharov S.V. Rasprostranennost' razvodov "s det'mi" // Kuda dvizhutsja supugi v Rossii? DemoskopWeekly. 2013. 4–15 marta. N 545–546. URL: <http://demoscope.ru/weekly/20130545//tema04.php> (data obrashhenija: 13.08.2014).

Т.В. Шипунова, докт. социол. наук, доц., проф. факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета*

СУПРУЖЕСКОЕ НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ВИКТИМИЗАЦИИ ЖЕНЩИН**

T.V. Shipunova, doctor of social sciences, associate professor, Department of sociology, St. Petersburg State University, e-mail: shtatspb@yandex.ru

SPOUSAL VIOLENCE IN THE CONTEXT OF WOMEN'S VICTIMIZATION

В статье рассматривается супружеское насилие в отношении женщин. Если криминальный аспект супружеского насилия находит отражение в уголовной статистике, то быденный включает в себя самозванческое и равнодушное насилие. Автор выделяет четыре контекста, в которых разворачивается супружеское насилие: социокультурный (подразумевает анализ классовой структуры общества, установки и отношения к насилию, отношения между полами и т.д.); семейный (анализ изменений структуры современной семьи, структуры отношений и их динамики и др.); индивидуальный (опирается на предписанное культурой понимание силы и слабости, уровень самооценки и самоконтроля, степень приспособления к фрустрациям и т.д.); кризисный (изучение средств и возможностей для установления и поддержания бесконфликтной ситуации в семье, снижения сопротивляемости супругов в кризисных ситуациях и т.п.). В статье приводятся результаты эмпирического исследования конструирования проблемы супружеского насилия молодежью. Исследование показало: существуют различия в восприятии и оценке проблемы в сознании мужчин и женщин; в быденном дискурсе проблема упрощается; существуют явные расхождения в оценке способов супружеского насилия в зависимости от пола респондента и т.п.

Ключевые слова: супружеское насилие, криминальное и быденное насилие, виктимизация, контекстный анализ, конструирование насилия.

The article deals with spousal violence against women. Criminal and everyday aspects of conjugal violence highlighted. Criminal violence is reflected in the crime statistics. Everyday aspect includes imposed and indifference violence. The author distinguishes four contexts in which spousal violence is unfolding: sociocultural (class structure of society, settings and attitudes towards violence, etc.); family (the modern family structure, family relationships and their dynamics, and others); individual (prescribed cultural understanding of the strengths and

* Шипунова Татьяна Владимировна, e-mail: shtatspb@yandex.ru

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383.

weaknesses, self-esteem and self-control, etc.); crisis (means and opportunities to establish and maintain non-conflict situation in the family, reduced resistance to the couple in crisis situations, etc.). The article presents the results of empirical research of problem of spousal violence youth too. The study found gender differences in the perception and evaluation of the problem of conjugal violence, the differences in the assessment methods of spousal violence, etc.

Keywords: *spousal violence, criminal and everyday violence, victimization, contextual analysis, construction violence.*

Супружеское насилие: криминальный и обыденный аспекты

Супружеское насилие, являясь видом общего феномена насилия, понимается как воздействие одного социального агента (человека, группы, системы) на другого, которое причиняет этому другому вред (физический, психологический, моральный и т.д.) либо превышает меру эквивалентного воздаяния в ответных реакциях. Совершение насильственных деяний преследует цель изменения параметров объектов воздействия, оцениваемых по объективным критериям или субъективно. В качестве вреда могут выступать такие временные или постоянные характеристики, как материальный ущерб, подрыв здоровья, психологический дискомфорт, психические расстройства, снижение самооценки объекта воздействия и т.д. Супружеское насилие протекает во взаимодействиях людей, связанных официальными брачными или неофициальными (гражданский брак/сожительство) отношениями. Оно имеет разрушительный характер как для субъектов, так и для системы брачного союза.

Существуют разные классификации видов супружеского насилия. Наиболее распространенной является классификация по признаку сферы воздействия на жертву. В соответствии с ней выделяют физическое, сексуальное, психологическое, экономическое и т.п. виды насилия. Вместе с тем исследователи отмечают, что супружеское насилие “характеризуется тем, что приобретает всеобщий, генерализованный характер. Не бывает семейного насильника, ущемляющего свою жертву или своих жертв в чем-то одном”¹.

Супружеское насилие имеет признаки криминального и “обыденного” феномена. *Криминальное супружеское насилие* очевидно, чаще всего — рефлексивно, результаты его проявления можно зафиксировать. Кроме того, это насилие чаще всего попадает (если попадает) в поле зрения субъектов социального контроля. Здесь речь, прежде всего, идет о физическом насилии с целью причине-

¹ Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М., 2005. С. 269.

ния боли или травмы своему партнеру². Крайней формой физического насилия является убийство.

Криминальное насилие рассматривается в следующих плоскостях: в определении правового перечня деяний, которые следует относить к насильственным; в разработке процедур установления виновного и жертвы (например, посредством медицинского освидетельствования); в применении технологий работы с жертвами насилия; в определении социальных институтов, призванных наказывать виновного и устранять последствия совершенного насилия (от пенитенциарной системы до системы социальной работы).

Ситуация с криминальным супружеским насилием в России может быть охарактеризована как тяжелая, особенно для женщин. Так, согласно статистике МВД, 30–40% всех тяжких преступлений совершается в семье, а в 70% случаев их жертвами являются женщины и дети³. Результаты исследований показывают, что доля женщин, которым муж угрожал физической расправой или к которым применял силу, составляет 56%. Половина женщин хотя бы однажды “подвергалась физическому насилию со стороны нынешнего мужа. Почти 41% женщин хотя бы один раз ударил муж, из них 26% подвергались избиению неоднократно, в том числе 3% женщин муж бьет раз в месяц и чаще”⁴. В России в результате домашнего насилия ежегодно гибнут 12–14 тысяч женщин, т.е. одна женщина — каждые 40 минут⁵.

Несмотря на то, что тема криминального супружеского насилия актуальна для России и в литературе достаточно широко представлены теоретические аспекты проблематики⁶, российской практике не хватает фундаментальных исследований, касающихся распространенности явления, рисков его возникновения, а также восприятия этого феномена в сознании граждан. Дефицит данных неизбежно сказывается на анализе предмета изучения и мерах профилактики,

² Лысова А.В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 121–128.

³ Антропология насилия / Под общ. ред. В.В. Бочарова, В.А. Тишкова. СПб., 2001. С. 103.

⁴ Эксперты рассказали, как помочь пострадавшим от насилия в семье. URL: <http://gia.ru/society/20130124/919579778.html> (дата обращения: 02.03.2016).

⁵ Домашнее насилие. Закон защищает? URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26943282.html> (дата обращения: 02.03.2016).

⁶ См., напр.: Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / Под ред. Н.А. Голованова. М., 2011; Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье // Право и политика. 2003. № 1; Овчинский В.С. Криминальное насилие против женщин и детей. Международные стандарты противодействия: сб. документов. М., 2008; Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб., 2003.

призванных понизить уровень преступности в супружеских отношениях и тем самым улучшить качество социальных взаимодействий.

“Обыденное” супружеское насилие — это насилие, которое перманентно вплетено в социальное взаимодействие между супругами или сожителями. Оно может быть рефлекслируемым и не рефлекслируемым. Рефлекслируемое супружеское насилие характеризуется осознанием субъектами интеракции (одним или обоими) целей и способов совершения насилия. При отсутствии рефлексии насилие в супружеских отношениях воспринимается как результат неизбежных издержек повседневной жизни в семье. Объяснить такие насильственные проявления бывает довольно сложно, поскольку они возникают как бы “из ничего”, а порой являются результатом “выплеска” накопленной годами усталости, недовольства, нереализованности человека в социальной жизни. Вместе с тем очевидно, что такие насильственные проявления не только формируют характер взаимодействий между супругами, но и служат показателем качества семейной жизни.

Взаимодействие между супругами отражает социальные установки партнеров, а потому имеет все признаки социального взаимодействия. В основе этого понятия лежит представление о том, что акторы всегда находятся в физическом или ментальном окружении других социальных акторов и ведут себя сообразно социальной ситуации. В соответствии с различными дискурсами в социальное взаимодействие включаются разные компоненты: ожидания и выбор между альтернативными видами поведения (теория социального обмена Дж. Хоманса); ориентация на ценности и нормы, тяготение к однородности поведенческих проявлений (теория психологического баланса Ф. Хейдера и Л. Фестингера); мотивационная ориентация, степень удовлетворенности потребностей, ролевые ожидания, установки, санкции, оценки (теория действия Т. Парсонса) и т.д.

Нерефлекслируемое насилие охватывает практически всех людей и может стать причиной немотивированных преступлений и преступлений из ненависти. Нерефлекслируемое насильственное деяние совершается, когда актор не сознает, что творит, делает это непреднамеренно. Насилие в данном случае чаще всего оправдываются благой целью, которая, однако, в ущерб своему содержанию подменяется насилием в его самых садистских проявлениях. Здесь в первую очередь речь может идти о самозванческом и равнодушном видах насилия⁷.

⁷ Подробно см.: *Шипунова Т.В.* Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 69–70.

Самозванческое насилие осуществляется в форме деспотизма “любящих-хотящих-быть-любимыми”, предательства и измен, в виде насилия “честных и принципиальных” блюстителей морали, раздающих направо и налево нравственные оценки людям и их делам, всегда правым, всегда уверенным в своей непогрешимости и истинности своих мнений и суждений⁸. При этом партнеры могут обосновывать свои действия самым разным образом, например, тем, что жертва их любви не понимает счастья, которое ей уготовано, если только она “совершенно свободно” признает ограничение своей свободы им — любящим или жаждущим понимания.

Равнодушное насилие возникает каждый раз, когда супруги/сожители пренебрегают проблемами друг друга, а также когда один из партнеров нуждается в помощи, но не получает ее. Часто равнодушное насилие связано с демонстративной агрессивностью, которая в соответствии с теориями самоопределения и социальной идентичности является неотъемлемым компонентом познания и осознания человеком себя в качестве социального существа, выполняющего в семье определенную социальную роль. В этом случае один и тот же акт агрессии может иметь совершенно разные оценки в зависимости от многих факторов, например, в зависимости от того, *кто* дает оценку: инициатор действия, преследующий определенные личные цели, или респондент, на которого это действие направлено; какова *степень толерантности* респондента и *насколько серьезными* он считает для себя последствия такой агрессии; как высока *степень готовности* респондента дать отпор агрессору и многих других.

Контекстный подход в изучении факторов супружеского насилия

Как и любой другой вид насилия, супружеское насилие может быть обусловлено разными факторами. Так, К. Хорни видит истоки насилия в детском возрасте, когда ребенок начинает осознавать враждебность окружающих людей как норму социального взаимодействия⁹. По его мнению, ведущим фактором возникновения склонности к насилию является среда, которая формирует определенные поведенческие установки личности. Позже они актуализируются в супружеских отношениях.

Э. Фромм при анализе форм насилия рассматривает также факторы их возникновения¹⁰. Большинство из описанных им форм

⁸ Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб., 1996. С. 10–24.

⁹ Хорни К. Новые пути в психоанализе. М., 2009.

¹⁰ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 6–13.

насилия вполне соотносятся с супружеским насилием и могут служить объяснением некоторых насильственных интеракций. Так, в супружеских отношениях можно встретить “насилие из мести” (за неудачи, обиду, измену и т.д.), которое дает (иллюзорную) возможность восстановить самоуважение, повысить самооценку. “Потрясение веры” также вызывает деструктивное насильственное поведение. Само потрясение может быть обусловлено разочарованием — в любви, семейной жизни, выполнении своей социальной роли, а также крушением надежд, планов и т.д. Близким к данной форме насилия является компенсаторное насилие. Оно вырастает из неспособности человека заниматься продуктивной деятельностью, его “импотенции”. К данному насилию примыкает насилие, вырастающее из желания поставить под свой контроль любое живое существо. Насилие в данном случае — это стремление к власти, ибо нет большей власти, чем власть заставить человека страдать. Насилие как “архаическая жажда крови” определяется нежеланием или неспособностью человека принять на себя ответственность за выбор, стремлением доказать свое превосходство через применение физической силы. Данная форма может объяснить большую распространенность в супружеских отношениях физического насилия в отношении женщин как физически более слабых субъектов.

И.А. Фурманов рассматривает в качестве фактора насилия нарциссизм. Нарциссическая агрессия и насилие в супружеских отношениях могут быть обусловлены недооценкой личностных качеств партнера, его критикой. Презрение, пренебрежение, недоверие, высмеивание, упреки, т.е. все то, что автор называет проявлением пассивной агрессии, в большей степени свойственны женщине. Для выражения такого рода агрессии и психологического насилия женщина может изображать “жертву” человека, по отношению к которому направлена ее агрессия¹¹.

Виктимизация женщин связана и с социально-психологическими характеристиками жертв. В.Д. Ривман выделяет несколько типов женщин-жертв¹²:

- агрессивный: оскорбляют, клеветают и т.д. (агрессивная провокация);
- активный: сами ведут себя агрессивно;
- инициативный: демонстрируют положительное поведение перед насильником (например, в случае защиты ребенка);

¹¹ *Фурманов И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007. С. 123.

¹² *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 46.

– пассивный: не способны оказать сопротивление по объективным причинам и не желают обратиться за помощью из-за страха перед обидчиком;

– некритичный: не способны разобраться в ситуации, угрожающей их благополучию, здоровью, жизни.

Можно также назвать факторы, не отражающие некие стабильные установки и ценности индивидов, но способные вызвать проявления насилия. Речь идет о ситуативном насилии, обусловленном определенным эмоциональным состоянием агентов социальной интеракции. В качестве эмоционального состояния, способного вызвать агрессивные проявления, чаще всего рассматривается раздражение¹³. Однако само раздражение может быть обусловлено другими эмоциями: “праведным” гневом при проявлении несправедливости; недовольством, что тебя не хотят понять; досадой, что ты теряешь контроль над собой, ситуацией, поведением партнера и т.п. Восприятие проявлений этих эмоций контрагентом интеракции и их интерпретация определяются не только субъективными ценностями и установками, но и культурными традициями. Именно культура данного общества дает нам представления о том, как следует проявлять свои эмоции, каковы поведенческие стереотипы их проявления. Она же задает стереотипные образцы реакций на различного рода эмоциональные проявления. Разумеется, эти образцы или стереотипы варьируются в зависимости от возраста, уровня образования, социального статуса, полового признака. Так, 81,6% насильственных преступлений в семье совершают мужчины. 73,5% насильственных преступлений в семье приходится на лиц 26–50 лет. Лица этого возраста обладают высокой социальной активностью, это наиболее продуктивный возраст в профессиональной деятельности, дающей экономическую самостоятельность. В дискриминационном в отношении женщин обществе это приводит к неравенству в супружеских отношениях, подчиненному/зависимому положению женщин и желанию мужчин подтверждать свою власть, иногда с применением силы. Лица в более старшем возрасте (старше 50 лет) совершают 8,5% насильственных деяний в семье¹⁴. “Насильственные действия в большей степени свойственны малообразованным людям, недостаточно развитым, с низким культурным уровнем. 2,9% рассматриваемых преступников имели начальное образование, 11,8% — неполное среднее, 45,6% — среднее общее, 25,7% — среднее специальное, 0,7% — не-

¹³ Weber H. Ärger und Agression // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1999. N 3 (2/3). S. 5–19.

¹⁴ Золотухин С.Н. Причинный комплекс факторов, обуславливающих внутрисемейное насилие: учебное пособие. Челябинск, 2007. С. 103.

законченное высшее и 13,3% — высшее образование”¹⁵. Подавляющее большинство имеет низкий социальный статус: рабочие, пенсионеры, нигде не работающие и не обучающиеся составили 92,0%¹⁶.

Объяснение супружеского насилия не может ограничиваться одной или несколькими теориями. Как любое сложное явление, супружеское насилие требует комплексного рассмотрения. Представляется, что использование контекстного анализа в данном случае может быть оптимальным вариантом изучения факторов супружеского насилия¹⁷. Согласно данному подходу, можно выделить четыре контекста, в которых формируются и протекают агрессивнo-насильственные взаимодействия между супругами/сожителями.

Социокультурный контекст подразумевает анализ классовой структуры общества и экономического состояния отдельных классов. Кроме того, здесь следует учитывать в чем-то специфические для каждого общества установки и отношение к насилию, отношения между полами, ролями супругов/сожителей, формальные и неформальные социальные сети партнеров и т.д. Например, в культуре существует взаимосвязь между насильственными формами поведения и представлениями о мужественности, которые вырабатывают у “сильного пола” установку на господство над девочками и женщинами как лицами, принадлежащими к подчиненному полу. Осуществление такого стремления с помощью насилия признается в большинстве случаев как легитимное. В то же время в современном обществе эти традиционные представления о мужественности терпят крах, что снова ведет к насилию со стороны мужского пола. Такая ситуация может выступать причиной эскалации супружеского насилия в отношении женщин.

Семейный контекст включает в себя анализ изменений структуры семьи (снижение рождаемости, плюрализм форм супружества и семьи, частоту разводов и разрыва отношений и т.д.), специфическую структуру отношений и их динамику (неадекватное распределение власти между супругами, конфликты и коллизии, ролевые изменения в отношениях между супругами и т.д.), а также фрагментарность семейных отношений вследствие профессиональной загруженности партнеров, частые нововведения и изменения внутри супружеских взаимодействий. В этом контексте супружеское насилие детерминируется стрессами обоих партнеров и ссорами между ними.

¹⁵ Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen. Berlin, 2000. S. 78–79.

Индивидуальный контекст супругов опирается на предписанное культурой понимание силы и слабости. Он включает в себя: специфический взгляд на собственный опыт детства, уровень самооценки и самоконтроля, представления о “хорошей(-ем)” жене/муже, степень приспособления к фрустрациям и способность бороться со стрессами.

Кризисный контекст должен предусматривать изучение дефицита средств и возможностей для установления и поддержания бесконфликтной ситуации в семье; нагрузок, вызванных социальными изменениями, и снижения сопротивляемости супругов в кризисных ситуациях; их компетентности решать конфликты и изменять свои представления об отношениях и поведении в процессе прохождения семейных разных этапов развития и т.д.

Как видим, контекстный подход дает возможность анализа супружеского насилия в объективной и субъективной плоскости. Он учитывает как социокультурные, так и личностные факторы. Дополнением контекстного подхода может быть конструктивистская методология¹⁸, которая расширяет возможности изучения субъективного контекста за счет выявления смыслов, представлений, оценок таких компонентов конструкта “супружеское насилие”, как содержание проблемы, виды и факторы супружеского насилия, отношение к проблеме, представления о возможности профилактики и т.п. Согласованность компонентов создает целостный конструкт, который поддерживает определенные интенции субъектов социальных взаимодействий, выбор ими варианта поведения (насильственный/ненасильственный) и определяет их реакцию на насилие в повседневных брачных/семейных практиках. Кроме того, данные, полученные при изучении конструирования проблемы, могут помочь сделать некоторый прогноз о развитии ситуации в будущем, включая проблему виктимизации женщин.

Конструирование молодежью проблемы супружеского насилия

В 2015 г. было проведено исследование, направленное на изучение конструирования молодежью проблемы супружеского насилия¹⁹. В исследовании приняли участие 248 человек — 70 мужчин, 178 женщин. Выборка была случайной. Гендерный разрыв, возможно, объясняется тем, что мужчины не видят проблемы. Например,

¹⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

¹⁹ Исследование проведено в рамках подготовки выпускной квалификационной работы “Социальная работа с женщинами, пострадавшими от супружеского насилия” (исполнитель — Ю. Еговцева, научный руководитель — Т.В. Шипунова).

они писали: “Это личное дело каждой семьи, и мое отношение к этому не имеет никакого значения”.

Участниками опроса стала молодежь в возрасте 19–25 лет. 46% опрошенных имеют высшее образование, 31 — неполное высшее, 9,3 — среднее специальное, 13,7% — среднее полное. По семейному положению респонденты распределились следующим образом: 20,6% опрошенных состоят в браке, 40,7 “холост/не замужем”, 20,2% указали, что состоят в гражданском браке. Кроме того, 16,5% имеют “постоянного сексуального партнера”, но не живут вместе. 21,8% молодежи проживают в столице (страны или республики), 57,7 — в крупных городах, 14,9 — в небольших городах, 4% на момент опроса жили в поселках городского типа, 1,6% — в селах или деревнях. Данные были собраны в ходе проведения интернет-опроса.

Анализ данных, полученных в ходе исследования, проводился с учетом половой принадлежности респондентов. Важно было посмотреть, насколько видение феномена супружеского насилия отличается в зависимости от гендера. Такое сравнение могло бы показать социокультурную вариабильность представлений о феномене, а также вскрыть некоторые психологические особенности мужчин и женщин, которые влияют на восприятие и оценку социальных взаимодействий в браке и задают определенные поведенческие ориентиры субъектам такого взаимодействия.

Из всех опрошенных 78,6% (77% женщин и 82,9% мужчин) не испытывали супружеского насилия. Виктимизированные женщины в большинстве случаев (более половины) выделили физическое насилие — удары, толчки, нанесение телесных повреждений. На втором месте по распространенности для женщин находится психологическое насилие — словесные оскорбления, угрозы, изоляция. Мужчины также указывали на применение к ним насилия. Однако ни один из ответивших не испытывал на себе физического насилия, применительно к ним наиболее часто встречается его психологическое выражение. Одинаковое число мужчин и женщин испытывали экономическое насилие в семье — по два человека.

Разнится реакция мужчин и женщин на насилие, наблюдаемое ими со стороны. Значительная часть женщин, бывших свидетелями супружеского насилия, испытывали страх (42,1%) и ужас (34,3%). Кроме того, женщины в своих ответах указывали на такие чувства, как беспомощность, шок, обида, сочувствие. У мужчин в эмоциональной реакции на увиденное насилие преобладают злоба (25,7%) и стыд (17,1%). Это связано с психологическими гендерными различиями. Женщины более склонны к эмпатичному сопереживанию, а потому ассоциировали себя с жертвой и испытывали чувства,

похожие на чувства жертвы. В то же время мужчины примеряли к себе роль агрессора, что вызвало чувство неприятия его действий.

Пострадавшие от насилия мужчины и женщины обращались за помощью в полицию — 29 человек (20 женщин и 9 мужчин), в службу социальной защиты — 8 человек (6 женщин и 2 мужчины), по номеру Телефона доверия — 2 человека, к друзьям или родственникам — 48 человек (28 женщин и 20 мужчин). Как видим, вмешательство близких людей в ситуацию супружеского насилия с точки зрения жертв более приемлемо, чем привлечение к разбирательству посторонних людей и организаций. Связано это с тем, что жертвы обычно не желают придавать огласке факт насилия, не стремятся наказать обидчика, а желают лишь прекратить конкретную вспышку агрессии и насилия со стороны партнера.

Все последующие данные касаются не актуальной ситуации респондентов, а их представлений о проблеме супружеского насилия. Ниже приведены данные, описывающие компоненты конструктора проблемы супружеского насилия.

Наличие проблемы супружеского насилия в российском обществе признают 94,3% всех респондентов (97,2% опрошенных женщин и 87,2% опрошенных мужчин), причем большая часть из них (54,4% от общего числа) считает, что проблема стоит очень остро. Несмотря на это по данному вопросу наблюдаются существенные расхождения между мужчинами и женщинами. Так, среди женщин остроту проблемы подчеркивают 62,4%, а среди мужчин только 34,3%. Если женщины относят проблему супружеского насилия к категории наиболее актуальных для России (67,4%), то среди мужчин такой точки зрения придерживаются лишь 21,4%.

Результаты исследования показали, что существует большая разница между мужчинами и женщинами при выделении способов проявления насилия. Лишь один вариант ответов получил примерно одинаковую негативную оценку у мужчин и женщин — “нанесение телесных повреждений” (92,9% мужчин и 97,8% женщин). В большинстве же случаев наблюдается существенное различие между мужчинами и женщинами в отнесении тех или иных действий к насильственным (далее в перечне будут указываться сначала данные, отражающие мнение мужчин, а потом данные, характеризующие позицию женщин):

- причинение вреда другим членам семьи или животным с целью оказания психологического воздействие на партнера — 72,9 против 88,2%;

- словесные оскорбления — 34,3 против 48,3%;

- принуждение к сексу — 60 против 83,1%;

- постоянный контроль поведения супруга/супруги — 35,7 против 53,4%;
- угрозы причинения вреда партнеру — 57,1 против 85,4%;
- привлечение к употреблению алкоголя, наркотиков против желания партнера — 60 против 73,6%;
- игнорирование потребностей члена семьи — 30 против 54,5%;
- ограничение круга общения партнера — 28,6 против 56,2%;
- “бытовой” шантаж — 45,7 против 71,3%;
- контроль над финансовыми ресурсами партнера — 25,7 против 41,6%;
- запрет на получение образования — 31,4 против 53,4%;
- принуждение сменить работу — 22,9 против 42,7%;
- лишение возможности отправления жизненно важных функций (например, запрет или ограничение по времени при пользовании душем, ванной) — 48,6 против 72,5%.

Кроме того, мужчины и женщины относят к супружескому насилию “постоянные упреки”. Для некоторых женщин постоянные упреки по поводу ее внешности особенно болезненны и оцениваются как психологическое насилие.

Полученные результаты можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, оценки мужчин могут свидетельствовать о меньшей по сравнению с женщинами чувствительности к насилию, что в общем и целом вписывается в традиционное представление о мужественности. Таким образом, можно говорить о гендерных различиях в конструктах насилия, которые невозможно преодолеть. Альтернативой этому может быть изменение представлений о мужественности. С другой стороны, поскольку в сознании большинства российского населения жертвой супружеского насилия обычно является женщина, то закономерно, что мужчины при конструировании способов насилия экстраполируют на себя роль насильника, а не жертвы. Давая оценку способам насилия, они продумывают рамки своего дозволенного поведения, и эти рамки свидетельствуют о готовности опрошенных мужчин совершать насилие в своей дальнейшей супружеской жизни. Женщины, напротив, ставят себя на место жертвы, а не насильника, и защищаясь, расширяют рамки запрещенного (насильственного) поведения.

Несмотря на различия в конструировании способов насилия, респонденты выразили готовность что-нибудь предпринять для изменения ситуации (24,3% мужчин и 27,0% женщин). Однако эмоциональная включенность в это дело у респондентов разная: с возмущением относятся к существованию данной проблемы 66,9% женщин и 47,1% мужчин; равнодушно воспринимают проблему 18,6% лиц мужского пола и лишь 3,9% женщин.

Основными факторами насилия в супружеских отношениях, по мнению респондентов, являются алкоголизм (78,6% всех опрошенных), наркомания (76,2%) и безнаказанность обидчика. По мнению женщин, на проявления насилия влияют уровень образования (23% всех женщин), врожденная агрессивность, обуславливающая насилие в определенных ситуациях (21,4%) и религиозность (19,1%). Говоря о влиянии религиозности на поведение насильника, женщины, возможно, имеют в виду негибкость и нетолерантность верующих людей в отношении некоторых видов поведения, ситуаций, нарушающих их религиозные представления о морали и нравственности. По мнению мужчин, детерминирующее начало супружеского насилия следует искать во влиянии СМИ, демонстрирующих жестокость (19,9%), и генетической предрасположенности к насилию (8,6%). Кроме того, 37,1% мужчин считают, что жертва часто провоцирует агрессора словами или действиями (57,9% женщин не согласны с этим утверждением).

Отдельным блоком в анкете были вопросы, касающиеся оценки супружеского насилия с точки зрения нарушения прав личности, т.е. правовой точки зрения. 57,3% всех респондентов (65,2% женщин и 37,1% мужчин) считают супружеское насилие преступлением, которое должно повлечь за собой наказание. 48,6% мужчин и 31,5% женщин указали, что супружеское насилие может быть нарушением прав личности в отдельных случаях, наказание или его отсутствие — дело выбора потерпевшей. 2,9% всех опрошенных мужчин высказали мнение, что супружеское насилие не является преступлением и не может повлиять на целостность и благополучие семьи. Среди женщин никто не выбрал этот вариант ответа. Как мужчины, так и женщины при оценке поступков исходили преимущественно из их квалификации в праве. Отсюда часто встречающееся высказывание о том, что “насилие — это те действия, которые считаются таковыми в праве. Все остальные поступки не могут считаться преступлением и, следовательно, не могут повлечь за собой наказание”.

Мера наказания, по мнению респондентов, должна зависеть от размера причиненного ущерба (физического или морального). 41,5% всех участников опроса считают, что в качестве наказания за супружеское насилие было бы справедливо применять тюремное заключение. Вместе с тем следует отметить, что женщины склонны более сурово наказывать насильников: вариант тюремного заключения выбрали 50,6% женщин. Мужчины же часто предпочитали варианты ответов с более мягким наказанием — “общественные работы”, “лишение прав на совместное имущество”, “принудительное лечение у психотерапевта”, “оплата лечения потерпевшей” и т.д. В общем и целом, подавляющее число мужчин считают, что для

наказания насильника вполне достаточно мер, определенных уголовным и административным кодексами. В отличие от мужчин, ограничивающих воздействие на насильника правовыми мерами, женщины (11 человек) в открытом ответе указали на необходимость психологической помощи супружеским парам, психокоррекционной работы с субъектом насилия и психологической реабилитации жертв. Указанные меры выходили за рамки вопроса о правовом воздействии на насильника. Вместе с тем, можно предположить, что женщины своими ответами намеревались подчеркнуть необходимость изменения права и принятия особых законов, предусматривающих не только наказание, но и профилактику рецидивов.

При ответе на вопрос об участии специалистов помогающих профессий в работе с субъектом супружеского насилия 49,4% опрошенных женщин ответили, что помощь психологов и социальных работников необходима и может быть эффективна. С этим утверждением согласны 32,9% мужчин. Остальная часть мужчин считает эту работу нецелесообразной.

На необходимость принятия закона о домашнем насилии указали 51,4% мужчин и 92,1% женщин. Объяснением тому может служить повышенная заинтересованность женщин в правовой защите в силу большей вероятности виктимизации со стороны партнера. Несмотря на подавляющее число сторонников принятия специального закона о домашнем насилии, 10% мужчин и 3,4% женщин считают, что супружеское насилие — это частная жизнь семьи, в которую никто не имеет права вмешиваться. Большая часть мужчин и женщин высказали мнение, что право на вмешательство имеют только родители и друзья. Четверо мужчин и две женщины выразили мнение, что если жертва не просит о помощи, то никто не должен вмешиваться в дела семьи, даже если факты насилия известны окружающим. Четыре человека высказались за возможность вмешательства в случае, “если, например, активно применяется физическое насилие”. В этой ситуации, считают они, вмешаться могут все. Таким образом, можно сделать вывод, что все респонденты настроены на защиту семьи от вмешательства в ее дела государственных и общественных контролирующих инстанций. Можно предположить, что в своей дальнейшей супружеской жизни они будут руководствоваться этим принципом.

Как и в большинстве других вопросов, мнения мужчин и женщин разделились и по вопросу профилактики супружеского насилия. По мнению мужчин, наиболее эффективными мерами профилактики являются: воспитательная работа с молодежью, пропаганда семейных ценностей, начиная с подросткового возраста (54,3%); информирование населения о возможностях получения помощи

(51,4%); ужесточение наказания за преступления, совершенные по отношению к супруге/супругу (48,6%). По мнению женщин, в тройку наиболее эффективных мер профилактики входят ужесточение наказания (83,1%), организация правовой защиты от насилия в семье, в том числе, принятие законопроекта, способствующего защите прав жертв супружеского насилия (78,8%) и информирование населения о возможностях получения помощи (68,5%). Что касается пункта “воспитательная работа с молодежью, пропаганда семейных ценностей”, то эта мера занимает лишь четвертое место в списке — 65,2%. Данное обстоятельство привлекает внимание, поскольку именно женщины занимаются воспитанием (в семье, в образовательных учреждениях), следовательно, их роль в привитии семейных ценностей подрастающему поколению гораздо значительнее. Возможно, это свидетельствует об изменении (как минимум в сознании женщин) социальных ролей или о желании женщин снять с себя ответственность за воспитание подрастающего поколения.

Итак, наше исследование показало, что, во-первых, существует разница в восприятии проблемы супружеского насилия. Женщины, в отличие от мужчин, оценивают ее как очень актуальную и чрезвычайно острую. Это согласуется с тем фактом, что насилие в отношении женщин распространено больше, поэтому у них больше потребность в защите. Во-вторых, перечень основных факторов супружеского насилия в сознании неспециалистов (участников опроса) отличается от такового у специалистов. В быденном дискурсе проблема несколько упрощается или понимается не в полной мере. В-третьих, результаты исследования показали, что существуют серьезные расхождения в оценке способов супружеского насилия в зависимости от пола респондента. То же можно сказать об изменении законодательства, о наказании агрессора и профилактике супружеского насилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антропология насилия / Под общ. ред. В.В. Бочарова, В.А. Тишкова. СПб., 2001.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Домашнее насилие. Закон защищает? URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26943282.html> (дата обращения: 02.03.2016).

Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / Под ред. Н.А. Голованова. М., 2011.

Золотухин С.Н. Причинный комплекс факторов, обуславливающих внутрисемейное насилие: Уч. пособ. Челябинск, 2007.

Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье // Право и политика. 2003. № 1. С. 89–99.

Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 85–91.

Лысова А.В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 121–128.

Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М., 2005.

Овчинский В.С. Криминальное насилие против женщин и детей. Международные стандарты противодействия: Сб. документов. М., 2008.

Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.

Тулъчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб., 1996.

Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007.

Хорни К. Новые пути в психоанализе. М., 2009.

Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб., 2003.

Шинунова Т.В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 67–76.

Эксперты рассказали, как помочь пострадавшим от насилия в семье. URL: <http://ria.ru/society/20130124/919579778.html> (дата обращения: 02.03.2016).

REFERENCES

Antropologija nasilija / Pod obshh. red. V.V. Bocharova, V.A. Tishkova. SPb., 2001.

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M., 1995.

Domashnee nasilie. Zakon zashhishhaet? URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26943282.html> (data obrashheniya: 02.03.2016).

Domashnee nasilie po zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran: otvetstvennost' i prevencija / Pod red. N.A. Golovanova. M., 2011.

Fromm Je. Dusha cheloveka. M., 1992.

Furmanov I.A. Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika i korrekciya. SPb., 2007.

Horni K. Novye puti v psihoanalize. M., 2009.

Il'jashenko A.N. Viktimologicheskie problemy nasil'stvennoj prestupnosti v sem'e // Pravo i politika. 2003. N 1. S. 89–99.

Il'jashenko A.N. Osnovnye cherty nasil'stvennoj prestupnosti v sem'e // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 4. S. 85–91.

Jeksperty rasskazali, kak pomoch' postradavshim ot nasilija v sem'e. URL: <http://ria.ru/society/20130124/919579778.html> (data obrashheniya: 02.03.2016).

Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen. Berlin, 2000.

Lysova A.V. Fizicheskoe nasilie nad zhjonami v rossijskih sem'jah // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. N 9. S. 121–128.

Malkina-Pyh I.G. Psihologicheskaja pomoshh' v krizisnyh situacijah. M., 2005.

Ovchinskij V.S. Kriminal'noe nasilie protiv zhenshhin i detej. Mezhdunarodnye standarty protivodejstvija: sb. dokumentov. M., 2008.

Rivman D.V. Kriminal'naja viktimologija. SPb., 2002.

Shestakov D.A. Semejnaja kriminologija. SPb., 2003.

Shipunova T.V. Agressija i nasilie kak jelementy sociokul'turnoj real'nosti // Sociologicheskie issledovanija. 2002. N 5. S. 67–76.

Tul'chinskij G.L. Samozvanstvo. Fenomenologija zla i metafizika svobody. SPb., 1996.

Weber H. Ärger und Agression // Zeitschrift für Sozialpsychologie, 1999. N 3 (2/3). S. 5–19.

Zolotuhin S.N. Prichinnyj kompleks faktorov, obuslovlivajushhih vnutrisemejnoe nasilie: uchebnoe posobie. Cheljabinsk, 2007.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИНСТИТУТЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

V.P. Vasiliev, candidate of economic sciences, associate professor, head of sociology Department of public administration Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

SOCIAL VALUES AND INSTITUTES OF HEALTH

В статье анализируются ценностные аспекты системы здравоохранения, сопоставляются современные социальные практики и институты регулирования с точки зрения реализации потребностей человека. Дана характеристика особенностей сферы здравоохранения, детерминированность ее развития как отрасли формирования социального и человеческого капитала. С этих позиций выявлены негативные феномены здравоохранения, требующие устранения в складывающейся системе стратегического планирования. Однако принципы гуманизма, сострадания, справедливости, провозглашенные и закрепленные в социальных нормах, нередко не находят подтверждения и реализации в социальных практиках. В работе систематизированы недостатки деятельности как органов власти, так и системы обязательного медицинского страхования. Не всегда учитываются социальные особенности заболевших групп населения. Мотив финансовой оптимизации, минимизация стандартов программ государственных гарантий в области здравоохранения нарушают принцип комплексной диагностики и лечения человека. Особое внимание уделено проявлению неравенства в данной сфере, текущих и будущих противоречий, обусловленных социальной дифференциацией. Автором предложены меры по изменению механизма финансирования системы здравоохранения. Поставлен вопрос о необходимости корректировки контрольных функций государства и системы обязательного медицинского страхования.

Ключевые слова: система здравоохранения, моральные ценности, институциональное регулирование, качество лечения, социальное неравенство, система обязательного медицинского страхования, социальный контроль.

The article examines the value aspects of the health care system, compares modern social practices and institutions of regulation from the point of view of realization of human needs. The characteristic features of the health sector, the determinism of its development as a field of formation of social and human capi-

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

tal. From this perspective, the identification of negative phenomena of health to be overcome in developing the strategic planning system. However, the principles of humanism, compassion, justice, proclaimed and enshrined in social norms, often can not be confirmed and implemented in social practices. The paper systematizes the weaknesses of the work of authorities and the system of compulsory medical insurance. Not always taken into account the social characteristics of diseased populations. Motive financial optimization, minimization of the standards of programs of state guarantees in the field of health violates the principle of complex diagnostics and treatment of humans. Special attention is paid to the manifestation of inequality in this sphere, current and future contradictions caused by social differentiation. The author suggests measures to change the financing mechanism of the healthcare system. The question was raised about the need to adjust the control functions of the state and for the system.

Keywords: *healthcare system, moral values, institutional regulation, quality of care, social inequalities, the system of compulsory medical insurance, social control.*

Состояние здоровья населения страны в концентрированной степени выражает уровень качества жизни и материальных возможностей государства. Вместе с тем система здравоохранения, ее результативность во многом зависят от сложившихся социальных отношений, справедливости и равенства в том, что касается доступности медицинских услуг. Особую роль играют государство как субъект социальной политики, институциональные нормы и принципы социального государства.

В общем виде по определению Всемирной организации здравоохранения социальные детерминанты здоровья населения можно классифицировать на три группы: 1) содержательные составляющие — условия всего жизненного цикла человека (материальные, социальные, экологические и т.п.) и собственно система здравоохранения, 2) институты воздействия — социальная политика, деньги, власть, ресурсы, 3) следствия — существующая несправедливость, не являющаяся неизбежной и которую можно предотвратить¹.

В РФ институциональное регулирование здравоохранения выстраивается на основе конституционных норм, закрепленных в статье 41 Конституции РФ, Федеральных законов “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” (2011) и “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” (2011), а также стратегическими программами социально-экономического развития и принятой в 2014 г. отраслевой программой “Здравоохранение”.

¹ См.: Всемирная организация здравоохранения. Программа “Социальные детерминанты здоровья”. URL: http://www.who.int/social_determinants/ru/

Принятые государством меры социальной политики в области здравоохранения в последние пять—семь лет несколько улучшили ситуацию, интегрально выражающуюся в увеличении средней продолжительности предстоящей жизни, снижении младенческой смертности. Однако в целом, несмотря на проведение ряда организационно-экономических реформ и провозглашения в законодательном поле социально одобряемых принципов, область здравоохранения находится в сложной ситуации: увеличилась смертность населения, качеством медицины не удовлетворена значительная часть населения, постоянно ощущается недостаток финансирования.

Меры социальной политики в области здравоохранения дают некоторый прирост значений удовлетворенности населения этой сферы, однако, за последние пять лет прирост составил всего 4,7 пп. Но главный вывод, который был сделан в ходе социологических опросов, заключается в том, что почти 60% населения не удовлетворены медицинской помощью².

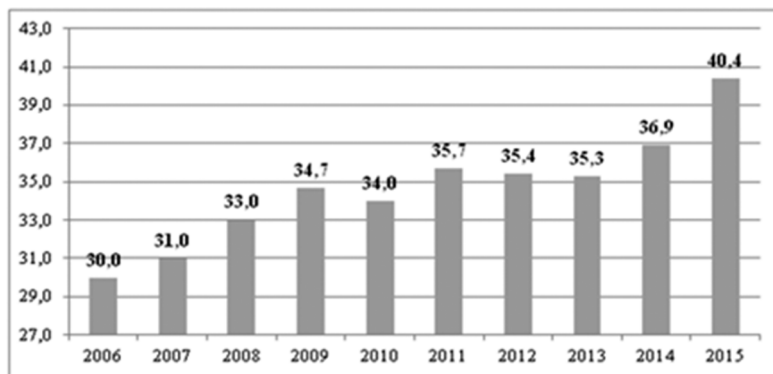

Рис. Динамика удовлетворенности населения Российской Федерации медицинской помощью (в %)

Такой результат ставит вопрос о системных корректировках в здравоохранении об учете негативных социальных практик при разработке новых программ в системе стратегического планирования, формирующейся в РФ.

Субъективное мнение о “болезнях” российского здравоохранения сводится к трем главным проблемам, каждая из которых многоаспектна — качество, профессионализм, материальная база. Опрос населения ВЦИОМ дал следующие результаты (см. табл. 1)³.

² Обобщенные результаты социологических исследований отношения населения к системе здравоохранения. Минздрав РФ, 2015. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/>

³ Оценка населением качества медицинских услуг. Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 18–19 июля 2015 г.

Как вы считаете, какие проблемы российской системы здравоохранения требуют улучшения в первую очередь (закрытый вопрос, не более трех ответов)

Варианты ответов	Количество выбравших данный вариант ответа (в %)
Необходимость повышения качества медицинских услуг в целом	50
Недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей	49
Недостаточная оснащенность учреждений современным оборудованием	39

Новый подход к разработке стратегического планирования в сфере здравоохранения должен основываться на базовых принципах, характеризующих особенности здравоохранения как отрасли деятельности. Прежде всего речь идет о часто не учитываемых социальных характеристиках отрасли.

Во-первых, здравоохранение непосредственно формирует социальный капитал общества. Широкий диапазон взаимосвязей, формируемых взаимным доверием между людьми в сфере здравоохранения, складывается положительным или отрицательным образом: между пациентом и врачом, пациентом и персоналом, пациентом и страховым фондом, пациентом и властью, так как в собственности власти находятся стационары, поликлиники и службы скорой помощи. Особый социальный капитал либо приумножается, либо уменьшается во взаимоотношениях больного человека с семьей, друзьями, сослуживцами. Система здравоохранения должна основываться на морально-нравственных принципах взаимоуважения и помощи.

Во-вторых, сфера здравоохранения формирует человеческий капитал как индивидуальный, так и общественный. Спасение человеческих жизней, возвращение к полноценной деятельности — не только проблема морали общества, но и непосредственный фактор экономической динамики. Такой подход снимает вопрос о “затратном” характере здравоохранения. Финансирование сферы здравоохранения — это инвестиции, дающие прямой экономический эффект, рост валового внутреннего продукта в масштабе государства. Поэтому бюджетное финансирование здравоохранения нельзя осуществлять по остаточному принципу, оно должно стать приоритетным.

Ответственность государства за развитие медицины в стране, особенность этой отрасли связаны с тем, что здравоохранение имеет

дело не с механизмами и продуктами питания, а с Человеком во всем многообразии психофизических и моральных свойств, сохраняя его главную ценность — жизнь. Кроме того, любой недуг человека — это отклонение от его стабильного, привычного состояния, что требует повышенного внимания и заботы. Общемировая тенденция старения населения ведет к тому, что и российское здравоохранение все чаще имеет дело с пожилыми людьми, и это требует особых подходов и в лечении, и в обслуживании пациентов с акцентом на психологические методы “врачевания”.

Материальная база здравоохранения находится в сложном положении вследствие долговременного невнимания властей к сфере здравоохранения. Статистические данные показывают отсталость больничных и поликлинических основных фондов (см. табл. 2)⁴.

Таблица 2

Техническое состояние и благоустройство зданий лечебно-профилактических организаций здравоохранения

Годы	2000	2005	2010	2011	2012
Больничные организации					
Всего зданий, тыс.	24,8	23,8	18,8	18,8	18,8
из них по техническому состоянию, в %:					
требуют капитального ремонта	29,6	28,5	32,9	31,7	31,5
Отсутствуют (в %) от общего числа зданий:					
горячее водоснабжение	35,5	33,1	24,9	24,5	22,5
канализация	13,2	12,2	8,3	7,6	6,5
телефонная связь	9,9	7,7	5,8	6,3	5,5
Амбулаторно-поликлинические организации					
Всего зданий, тыс.	19,9	20,0	19,2	18,8	18,8
Из них в %:					
требуют капитального ремонта	25,0	24,0	25,7	24,6	23,3
Удельный вес числа зданий, в которых отсутствуют (в %):					
горячее водоснабжение	42,9	42,3	31,8	31,8	30,9
телефонная связь	8,7	9,8	5,8	5,1	5,9

⁴ Здравоохранение в России. 2015. С. 88.

Как следует из представленных данных за 2000–2010 гг., а это годы экономического роста, число больниц и поликлиник, в которых требовался капитальный ремонт, не уменьшилось, а возросло. Отсутствие горячего водоснабжения, канализации и телефонной связи характеризует общий уровень системы здравоохранения и незамедлительного ресурсного обеспечения.

Вместе с тем обеспеченность населения лечебными местами уменьшается вследствие принятия стратегического решения об “оптимизации больничных коек”. Такому решению предшествовало два обстоятельства. Во-первых, согласно статистическим данным в России было значительно больше больничных коек, чем в высокоразвитых странах. Во-вторых, по модели других стран предполагалось сосредоточить долечивание больных на поликлиническом уровне. В результате предполагалась значительная экономия средств на здравоохранение. Однако практика показала, что поликлинический уровень совершенно не готов к новым функциям, а больничных коек не хватает, так как заболеваемость населения не снизилась. “Оптимизация” привела к сокращению коек в стационарах, закрытию больниц (см. табл. 3)⁵.

Таблица 3

“Оптимизация” больничных коек

Годы	2000	2005	2010	2011	2012
Всего больничных коек, тыс.	1671,6	1575,4	1339,5	1347,1	1332,3
Из них:					
терапевтического профиля	394,8	329,7	296,1	299,2	302,8
хирургического профиля	306,0	279,7	257,2	259,5	256,4
онкологических	38,2	38,3	39,7	40,4	42,8
гинекологических	98,1	81,7	68,8	66,9	64,6
туберкулезных	89,3	84,3	84,0	91,0	93,2
инфекционных	103,4	84,6	70,5	71,1	70,2
офтальмологических	29,2	26,3	25,8	25,4	23,7
отоларингологических	29,6	24,5	20,3	20,9	20,2
дермато-венерологических	30,0	21,6	16,4	16,5	16,0
психиатрических	173,3	167,0	153,4	153,2	149,4

⁵ Здравоохранение в России. 2015. С. 96.

Годы	2000	2005	2010	2011	2012
наркологических	29,6	29,3	26,3	26,3	25,5
неврологических	91,5	86,3	83,5	84,7	86,0
для беременных женщин и рожениц	90,7	81,9	80,3	79,2	77,4
Из всего числа коек — койки для детей	228,6	200,3	179,0	178,4	177,9

Как следует из приведенных данных, за 12 лет в РФ сокращено около 340 тыс. больничных коек, в том числе стационарные места лечения для детей и хирургического профиля, при незначительном увеличении коек онкологического и туберкулезного профиля.

Наряду с этим имеющий коечный фонд во многих случаях не соответствует современным санитарно-гигиеническим нормам, а место “в коридоре” не перестало быть экзотикой для российских больниц. Условия пребывания и питания больных, а также отношение персонала должны соответствовать достоинству человека, которое является непреходящей ценностью.

Изношенность материально-технической базы всех структур здравоохранения, дороговизна качественных лекарств, необходимость перехода к нормальному питанию, повышению оплаты труда медиков и многое другое требуют нового подхода к экономическим вопросам. В условиях затяжного кризиса, который в сфере здравоохранения привел к росту стоимости лекарств и медицинских материалов, увеличению стоимости питания в медицинских учреждениях и ряда других затрат, изменение налоговой (страховой) нагрузки на высокодоходные группы населения может стать единственным фактором выполнения гарантированных медицинских программ и одновременно механизмом некоторого выравнивания дифференциации населения по доходам.

У государства имеются два ресурсных источника, обеспечивающих систему здравоохранения — консолидированный бюджет (сумма федерального и региональных бюджетов) и бюджет Фонда обязательного медицинского страхования (государственный внебюджетный фонд). Поэтому увеличение финансирования системы здравоохранения непосредственно связано с величиной бюджетных назначений и величиной страховых платежей работодателей. По доле бюджетного финансирования здравоохранения РФ в 1,5–2 раза уступает развитым странам, что видно из следующих статистических данных (см. табл. 4)⁶.

⁶ Россия и страны мира. 2014.

Государственные расходы на здравоохранение (в % к ВВП)

Страна	Год	Расходы на здравоохранение
Россия	2013	3,5
Германия	2012	8,6
Соединенное Королевство (Великобритания)	2012	7,8
Финляндия	2012	6,9
Франция	2012	9,0
Чешская Республика	2012	6,5
Швейцария	2012	7,0
Швеция	2012	7,9
Израиль	2012	4,6
Япония	2012	8,3
США	2012	8,3

Вариантов увеличения финансирования здравоохранения из названных источников немного. Увеличить общую налоговую нагрузку на бизнес весьма проблематично, так как это приведет к сокращению инвестиций. Общего роста налогообложения личных доходов, восстановления прогрессивной шкалы взимания налогов также не произойдет в ближайшее время, поскольку это увеличит количество “безбилетников”. Одним из реальных инструментов является перераспределение расходов внутри бюджета. Обратимся к экономической структуре консолидированного бюджета РФ (см. табл. 5)⁷.

Стрелы критики последние годы обращены на значительный удельный вес военных расходов. Однако здесь Россия не самая первая, а масштабная программа перевооружения российской армии имеет срок выполнения и, если не произойдут чрезвычайные события в глобальном масштабе, то можно ожидать сокращения военных расходов. Но очевидное первенство структура российского бюджета занимает по статье “Услуги органов государственного управления”, в которой заложено финансирование содержания органов власти. Громоздкость и неповоротливость системы власти РФ об-

⁷ Финансы России. 2014.

Таблица 5

Структура расходов государственного (консолидированного) бюджета (в %)

Страна	Год	Услуги органов государственного управления	Оборона, общественный порядок и безопасность	Экономические услуги	Здравоохранение	Образование	Социальная защита
Россия	2012	23,6	14,2	9,1	8,4	9,5	29,7
Германия	2012	13,7	5,9	7,7	15,7	9,7	43,3
Италия	2012	18,0	6,6	6,7	14,5	8,2	41,5
Великобритания	2012	12,0	9,9	5,8	16,6	12,6	37,5
США	2009	11,5	17,1	10,1	20,5	15,8	21,1
Франция	2012	10,5	6,5	6,5	14,6	10,8	43,1
Япония	2009	12,3	5,9	11,3	19,9	10,0	34,9

шепризнана, очевидна необходимость устранения дублирующих функций, реорганизации служб и агентств и сокращения избыточных структур, реального сокращения всего государственного аппарата.

Целевые инвестиции на развитие лечебной материально-технической базы должны стать функцией Фонда будущих поколений по определению этого фонда. Именно здесь необходим задел на будущее через современность. Использование нефтегазовых доходов, полученных от эксплуатации государственной собственности, логичнее и справедливее направлять не на Трансиб и автодорогу вокруг Москвы, а на строительство современных больниц и поликлиник, оснащая их современным оборудованием.

С 2015 г. единственным источником финансирования текущей деятельности медицинских учреждений стали средства Федерального фонда обязательного медицинского страхования на основе региональных Программ государственных гарантий оказания российским гражданам бесплатной медицинской помощи.

Ожидания граждан от системы здравоохранения в России завышены. Они основаны на имеющихся конституционных нормах. Однако на практике государство в рамках гарантированных программ исходит из минимальных гарантий, которые не тождественны социетально приемлемым социальным потребностям. Это минимальные гарантии; нормативно зафиксированный минимум зависит от объема планируемых средств, собираемых страховой системой. Увеличить финансирование можно лишь изменив механизм страховой системы.

Страховой механизм в РФ охватывает пенсионную систему, систему здравоохранения и социального страхования, последняя определенным образом связана с здравоохранением (оплата по временной нетрудоспособности, несчастных случаев, демографические выплаты). По определенным страховым ставкам выплаты осуществляются работодателем в зависимости от фонда оплаты труда (см. табл. 6).

Отметим два обстоятельства: 1) в отличие от многих других стран в РФ взносы осуществляет работодатель из своей выручки, сам работник отчислений не производит, 2) величина страховых взносов начисляется на издержки и в большинстве случаев компенсируется через цены.

Если помнить о нерешаемости в РФ вопросов перехода к подоходным налогам, введения налогов на роскошь, неприкосновенности низкой налоговой ставки на дивиденды (9%), то, не забывая о социальной справедливости и исходя из здравого смысла, можно прийти к выводу о необходимости взимания страховых платежей с высокодоходных групп населения. Безусловно, необходимо вве-

сти четкие критерии и учитывать только реально высокие доходы, что позволит не ущемить интересы среднего класса.

Таблица 6

Тарифы страховых взносов

Фонд	В %	Предельная база
Пенсионный фонд	22	711 000 руб. (>10%)
Фонд социального страхования	2,9	670 000 руб.
Федеральный фонд обязательного медицинского страхования	5,1	Лимит отменен

Социальное неравенство довольно четко проявляется в заболеваемости населения и в системе здравоохранения. Низкодоходные группы населения чаще болеют, больше вынуждены пользоваться услугами медицинских учреждений, им менее доступны современные, как правило, дорогостоящие методы лечения и лекарства. Обратимся к выборочному исследованию Росстата (см. табл. 7)⁸.

Таблица 7

Заболеваемость в группах с разным уровнем доходов (в %)

Виды заболеваний	Уровень доходов			
	Высокий	Средний	Низкий	Всего
А	1	2	3	4
Остеохондроз	14,4	25,0	33,1	24,8
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	16,6	22,8	44,3	24,3
Артрит	5,3	9,2	18,5	9,8
Холецистит	3,6	6,4	10,9	6,6
Бронхит	3,3	4,8	9,1	5,2
Патология щитовидной железы	2,9	5,1	7,6	5,1
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	3,8	6,3	10,8	6,5

⁸ См.: Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения. URL: <http://www.gks.ru/>

Виды заболеваний	Уровень доходов			
	Высокий	Средний	Низкий	Всего
Мочекаменная болезнь	3,2	4,3	7,6	4,5
Диабет	2,3	4,0	12,9	4,7
Астма	1,6	2,0	4,0	2,2
Другие заболевания	10,7	13,9	18,9	14,1
Нет никаких недугов (болезней)	52,6	37,5	18,6	36,9
Затрудняюсь ответить	4,5	4,2	4,1	4,3

Низкая по доходам группа населения на 6,2 пп. больше подвержена гипертонии и ишемической болезни сердца (группа болезней с самым большим летальным исходом в РФ), высокодоходная группа более, чем на 15 пп. не обнаружила никаких болезней.

Расслоение в РФ в области здравоохранения существует по “закрепленности” медицинских учреждений и выводу ряда категорий населения из системы ОМС. Вся система госслужбы получила доступ к бюджетному финансированию дополнительного медицинского страхования, военные и силовые органы располагают медицинскими учреждениями в своей структуре, сохранились ведомственные структуры, в том числе коммерческих организаций (РЖД, Газпром и др.). Крупный и отчасти средний бизнес в рамках соцпакетов оплачивает своим сотрудникам дополнительное медицинское страхование, наконец, высокодоходные слои населения имеют материальную возможность консультаций и лечения в зарубежных центрах. В системе ОМС, с ее минимальными возможностями, остаются малооплачиваемые сотрудники бюджетных организаций, пенсионеры, безработные, мигранты, наемные работники малого бизнеса. Выравнивание качества и комфорта пребывания пациентов в системе ОМС и вне ее, осуществление принципа равенства и справедливости — процессы длительные и зависят от возможностей финансирования.

Грядущий переход к новому технологическому укладу с приоритетом био- и нанотехнологий предполагает широкое использование в медицине принципиально новых технологий, лекарственных средств, новых технологий искусственных органов, наконец, генную инженерию, что приведет к новому качеству жизни и долголетию. Поскольку большинство инноваций имеют высокую стои-

мость, новации в медицине окажутся доступны не всем членам общества. Расслоение будет объективно вести к социальным противоречиям. “Ремонт” и новое качество жизни на основе новых технологий не должны привести к формированию закрытых каст. Общество должно позаботиться о доступности медицинских благ человеческой цивилизации вне подоходных критериев.

В систему институционального регулирования сферой здравоохранения заложены важные принципы. Так, в ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” определены приоритеты интересов пациента при оказании медицинской помощи. Это:

- 1) соблюдение этических и моральных норм, а также уважительного и гуманного отношения со стороны медицинских работников и иных работников медицинской организации;

- 2) оказание медицинской помощи пациенту с учетом его физического состояния и с соблюдением по возможности культурных и религиозных традиций пациента;

- 3) обеспечение ухода при оказании медицинской помощи;

- 4) организации оказания медицинской помощи пациенту с учетом рационального использования его времени;

- 5) установление требований к проектированию и размещению медицинских организаций с учетом соблюдения санитарно-гигиенических норм и обеспечения комфортных условий пребывания пациентов в медицинских организациях.

Однако недовольство граждан сферой здравоохранения свидетельствует о провозглашении, а не о реализации Закона в социальных практиках. Как и по ряду других направлений социальной политики государства, введение в практику законодательных норм и принципов реализуется посредством участия в этом процессе гражданского общества, а также различных форм социального контроля.

Можно выделить три института контроля в сфере здравоохранения. Это Федеральная служба по контролю в сфере здравоохранения (структура исполнительной власти), Общественный совет при соответствующих министерствах (членство некоммерческих организаций) и фонды обязательного медицинского страхования.

Главная проблема социального контроля в медицине — отсутствие утвержденных стандартов качества лечения. Сегодня по сути существует один параметр стандарта — количество дней нахождения в стационаре в зависимости от заболевания и время пребывания у врача в поликлинике. Эти периоды выстроены под ОМС и контролируются этими фондами. Критерием качества работы медицинских учреждений становится выполнение норм пребывания в стационаре. Одной из стратегических ошибок реформы стал от-

ход от известного принципа мировой медицины — комплексный подход к человеку и его заболеваниям, исследование и лечение не только основного, но и сопутствующего недуга. Переход на финансирование по ОМС практически исключает возможность консультаций и лечения не по профилю поступления больного. Время нахождения в стационаре, а не результат лечения стало главным стандартом здравоохранения.

Недоразумением можно назвать законодательную норму, определившую фонды, выступающие как расчетно-кассовые структуры, субъектом проверки качества лечения. Более того, практика показала, что контроль основан на изучении историй болезни и амбулаторных карт пациентов. Возникает очень серьезная проблема сохранения врачебной тайны и ее гарантированности в соответствии с законом. Общественные советы проверяют доступность и качество лечения на сайтах поликлиник и больниц, на которых размещены вопросы для интерактивного голосования. Зная контингент государственных учреждений здравоохранения, можно усомниться в репрезентативности таких опросов и в их пользе. Представляется необходимой работа общественных советов с профессиональными социологами, что даст реальную картину работы исследуемых больниц, поликлиник, станций скорой помощи и позволит поставить достоверный “диагноз” и отдельным структурам, и системе здравоохранения в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Лось Н.А., Холоденко Ю.А. Государственное и муниципальное управление. М., 2014.

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5.

Гонтмахер Е.Ш. Здравоохранение и социальное обеспечение в поисках баланса интересов // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26).

Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. URL: www.rosminzdrav.ru/ministry/programms/health/info
Здравоохранение в России, 2015. М., 2015.

Иванова А.Е. Потребность населения в долголетьи и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2.

Инновации в социально-экономическом развитии: государство, фирма, менеджмент / Под ред. В.П. Васильева. М., 2007.

Конституция Российской Федерации. М., 2016.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: economy.gov.ru/mines/activity/sections/strategicPlanning/concept/indexdocs

Медик В.А., Осипов А.М. Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М., 2012.

Назарова И.Б. Здоровье и качество жизни жителей России // Социологические исследования. 2014. № 9.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2013.

Решетников А.В. Эволюция социологии медицины // Социология медицины. 2012. № 2 (20).

Россия и страны мира, 2014. М., 2014.

Рудовска И. Непрерывность оказания помощи в комплексном медицинском обслуживании // Социологические исследования. 2014. № 9.

Синельников А.Б. Влияние семейного и демографического статуса на состояние здоровья и его самооценку // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 6.

Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.

Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012 № 598 “О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения” // Российская газета. Столичный выпуск. 2012. 9 мая. № 5775 (102). URL: <https://rg.ru/2012/05/09/zdorovje-dok.html>

Федеральный закон “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. 3 дек. № 5353 (274). URL: <https://rg.ru/2010/12/03/oms-dok.html>

Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. 23 нояб. № 5639 (263). URL: <https://rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>

Финансы России, 2014. М., 2014.

REFERENCES

Federal'nyi zakon “Ob obyazatel'nom meditsinskom strakhovanii v Rossii-skoi Federatsii” // Rossiiskaya gazeta. Federal'nyi vypusk. 2010. 3 dek. N 5353 (274). URL: <https://rg.ru/2010/12/03/oms-dok.html>

Federal'nyi zakon “Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii” // Rossiiskaya gazeta. Federal'nyi vypusk. 2011. 23 noyab. N 5639 (263). URL: <https://rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>

Finansi Rossii, 2014. М., 2014.

Giddens E. Sud'ba risk i bezopasnost // THESIS. 1994. Vyp. 5.

Gontmaher E.Sh. Zdravoohranenie i socialnoe obespechenie v poiskah balansa interesov // Jurnal novoi ekonomicheskoi associacii. 2015. N 2 (26).

Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federacii “Razvitie zdavoohraneniya”. URL: www.rosminzdrav.ru/ministry/programms/health/info

Ivanova A.E. Potrebnost naseleniya v dolgoletii i stepen ee realizacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. N 2.

Innovacii v socialno-ekonomicheskom razvitii: gosudarstvo, firma, menedjment / Pod red. V.P. Vasilyeva. М., 2007.

Koncepciya dolgosrochnogo socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federacii na period do 2020 goda. URL: economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept/indexdocs

Konstituciya Rossiiskoi Federacii. М., 2016.

Medik V.A., Osipov A.M. Obschestvennoe zdorove i zdravoohranenie: medico-sociologicheskii analiz. M., 2012.

Nazarova I.B. Zdorove i kachestvo jizni jitelei Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. N 9.

Pierson C. Beyond the welfare state? The new political economy of welfare. Cambridge, 2006.

Prognoz dolgosrochnogo socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federacii na period do 2030 goda. M., 2013.

Reshetnikov A.V. Evolyuciya sociologii medicini // Sociologiya medicini. 2012. N 2 (20).

Rossiya i strani mira, 2014. M., 2014.

Rudovska I. Neprerivnost okazaniya pomoschi v kompleksnom medicinskom obslujivanii // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. N 9.

Sinelnikov A.B. Vliyanie semeinogo i demograficheskogo statusa na sostoyanie zdorovya i ego samooценku // Socialnie aspekti zdorovya naseleniya. 2012. N 6.

Sorokin P.A. Sistema sociologii. M., 2008.

The European health report 2015. Targets and beyond — Reaching new frontiers in evidence. URL: <http://www.euro.who.int/en/data-and-evidence/european-health-report/european-health-report-2015/ehr2015>

The sociology of health and illness: critical perspectives / Ed. by P. Conrad. N.Y., 2009.

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7.05.2012 N 598 “O sovershenstvovanii gosudarstvennoi politiki v sfere zdravookhraneniya” // Rossiiskaya gazeta. Stolichnyi vypusk. 2012. 9 maya. N 5775 (102). URL: <https://rg.ru/2012/05/09/zdorovje-dok.html>

Vasilev V.P., Dehanova N.G., Los' N.A., Holodenko Yu.A. Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. M., 2014.

World Health Statistics. 2013 (2014). URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/81965/7/9789244564585_rus.pdf?ua=1

Zdravoohranenie v Rossii, 2015. M., 2015.

Zola I. Medicine as an Institution of Social Control // The Sociology of Health and Illness: Critical Perspectives / Ed. by P. Conrad. N.Y., 2009.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Ю.А. Дроздова, канд. социол. наук, доц. кафедры философии и социологии Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

ДИСКУРСЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И АФФЕКТОВ В ТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (на примере Волгоградской области)

J.A. Drozdova, candidate of sociological sciences, assistant professor of philosophy and sociology Volgograd branch of Russian academy of National economy and public administration, e-mail: juliadrozdova@mail.ru

DISCOURSES OF ROUTINE AND AFFECTS IN THE TEXT OF REGIONAL SPACE (on the example of Volgograd region)

В статье рассматривается социальное пространство, каковым является регион, как текст, который определяется совокупностью сообщений, отправляемых населенными пунктами, улицами, площадями, памятниками, зданиями и системой знаков, отражающих возможности интерпретаций акторов, обусловленных особенностями субъективного состояния, языка и опыта. Используя методы дискурсивной и семиотической интерпретации, можно выделить две составляющие гетерогенного, многокодового текста — пространство повседневности и пространство аффектов. Пространство повседневности предполагает рациональное восприятие пространства, рассудочное реагирование, в нем происходит формирование традиций, установок, норм поведения, регулирующих поведение социальных субъектов в определенной пространственно-временной локальности. Изменения в восприятии привычных атрибутов регионального ландшафта способны в определенном смысловом и индивидуальном контексте вызвать аффективные реакции. Чувственное восприятие пространства — эмоциональная стимуляция и интрапсихическая репрезентация, ощущение травмы/излечения, опасности/безопасности, негатива/удовольствия, стыда/гордости, или их сочетание — формирует пространство аффектов.

Дуализм в восприятии пространства, его диалектическая природа, конгруэнтность, гибкость, изменчивость, конфликт локальных и индивидуальных смыслов, существующих практик, стереотипов, ментальностей и культур, ситуаций, информации СМИ являются условиями существования и маркирования регионального текста, актуализации его дискурсивности и исследования.

* Дроздова Юлия Алексеевна, e-mail: juliadrozdova@mail.ru

Ключевые слова: социальное пространство, текст, дискурс, пространство повседневности, пространство аффектов, регион, имидж региона.

The article discusses social space, which is the region of the text that is defined by a set of messages sent to settlements, streets, squares, monuments, buildings, and a system of signs that reflect possible interpretations of the actors, due to the peculiarities of the subjective state, language and experience. Using the methods of discursive and semiotic interpretation, we can distinguish two components of a heterogeneous, multi-code text — space of routine and space of affects. Space of routine presupposes a rational perception of space, rational response, it is a formation of traditions, attitudes, norms of conduct governing the behavior of social actors in a specific spatio-temporal locality. Changes in the perception of the usual attributes of the regional landscape can in a certain sense and individual context trigger affective reactions. The following factors form the space of the affects: sensual perception of space, emotional stimulation and intrapsychic representation, the sense of injury/cure, dangers/safety, negativity/pleasure, shame/pride, or a combination of them.

Dualism in the perception of space, its dialectical nature, congruence, flexibility, variability, the conflict of local and individual meanings, existing practices, patterns, mentalities and cultures, situations, the media are a condition of existence, and labeling of the regional text, updating its discursiveness and research.

Keywords: social space, a text, the discourse, the space of routine, the space of affects, a region, image of a region.

Изучению пространства и его характеристик исследователи уделяют особенное внимание, так как представления человека о мире и о самом себе выстраиваются в соотношении с пространственным концептом, который, с одной стороны, ограничивает эти представления, а, с другой стороны, локализация представлений имплицитно представляет модель безграничного мира восприятия, маркирования, интерпретации пространства как текста.

Пространство начиная с древнейших времен наделялось в сознании людей оценочными коннотациями, поэтому его восприятие предельно репрезентативно. Регион как локализованное пространство может быть рассмотрен в нескольких ракурсах: он является административным, политическим, культурным, торговым, экономическим и инфраструктурным субъектом в системе государственного управления, социальным институтом, связывающим различные субкультуры, различные общности людей, обладает уникальной архитектурой, структурирующей и маркирующей пространство, что оказывает влияние на формирование социального и духовного облика жителей региона; регион является носителем информации, представляя собой особую знаковую систему. И именно в связи с этим регион может быть рассмотрен как текст. Текст определяется особой системой знаков, отражающих в себе состояние сознания

и возможности бесконечных интерпретаций, обеспеченных особенностями субъективного состояния, языка, опыта, практик, которые способны называть, обозначать и описывать явления действительности как фиксированное законченное сообщение¹.

Физическое, локальное пространство региона служит основой инкорпорирования индивидов в группы, оказывает влияние на формирование общего опыта, типа взаимодействия, образов, целей, ценностей. Общество, обосновываясь в определенной местности, придает пространству некое содержание, регион является пространством коммуникации, состоящим из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (местоположению, ландшафту, стилю, мифологии и т.п.), и являющимся знаковой средой обитания человека².

Исследования западных ученых в области символики архитектуры и семиотики города (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ч. Дженкс, К. Линч и др.) заложили традицию в исследовании “семиотики пространства”³, текста, кода, знака, синтаксиса, “семантики пространства архитектуры”⁴, образа города⁵. В работах этих авторов было предложено определение архитектуры как пространства коммуникации.

Согласно концепции Ю.М. Лотмана, регион можно рассмотреть как “котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город, как и культура — механизм, противостоящий времени <...> потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно”⁶.

Рассматривая регион как совокупность сообщений, отправляемых населенными пунктами, улицами, площадями, памятниками, зданиями, людьми, можно выделить две составляющие гетерогенного, многокодового текста, которые мы, используя методы дискурсивной и семиотической интерпретации, определили как пространство повседневности и пространство аффектов. Пространство не существует вне текста повседневности и аффектов, являясь мыслимой, переживаемой, рефлекслируемой, воспроизводимой, изменяющейся, конструирующей и конструируемой в процессе коммуникации субстанцией и, в то же время, текст как носитель

¹ Завельский А.А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Текст и его интерпретация. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aid=149> (дата обращения: 27.07.2015).

² Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Под ред. В.Л. Каганского, Г.С. Кнабе, И.В. Кондакова и др. М., 2001. С. 127.

³ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. М., 1989.

⁴ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985. С. 70.

⁵ Линч К. Образ города. М., 1982.

⁶ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 325.

качественных характеристик рутинности (повседневности)/аффективности всегда включен в пространство.

Понимание категории повседневности основывается на феноменологическом подходе, позволяющем рассмотреть ее как целостный социокультурный жизненный мир, конструируемый и репрезентируемый в постоянных, привычных социальных практиках типичными представителями в определенной пространственно-временной локальности. Пространство повседневности может определяться как привычные условия жизни человека, рефлекслируемые как самоочевидность и рутинность социальной реальности, воспринимаемое, “читаемое” как текст, состоящий из знаков и символов⁷. Повседневность предполагает наличие типичных схем в интерпретации “близкого мира”⁸. Повседневность предполагает рациональное восприятие пространства, рассудочное реагирование, по мнению З. Баумана, выступающее “средством самозащиты против угрожающих его существованию течений и противоречий внешней среды”⁹.

Противоречивость социального пространства и существование множества текстов (глобальных/локальных, внешних/внутренних) обусловили реализацию его коммуникативной, диалогической функции, с одной стороны, в форме конструирования повседневности, заключающейся в формировании традиций, установок, норм поведения, регулирующих поведение социальных субъектов. Но, с другой стороны, социальное пространство региона интенсифицирует “nervous stimulus” — психологические воздействия на человека¹⁰. Привычные атрибуты регионального ландшафта способны в определенном смысловом и индивидуальном контексте привести к изменениям в восприятии¹¹ и вызвать аффективные реакции.

Аффект, согласно психологическим теориям, определяется как эмоциональный процесс, характеризующийся кратковременностью, интенсивностью и выраженными физиологическими проявлениями¹². В теории аффектов (*affectus*, лат. — “страсть”, “душевное волнение”), возникшей как музыкально-эстетическая концепция, было выявлено, что создаваемая художественная реальность имеет двойственную аффективную природу: изображает аффект (печали,

⁷ Pile S. Real cities: modernity, space and the phantasmagorias of city life. L., 2005.

⁸ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

⁹ Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3 (66). С. 48–49.

¹⁰ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34).

¹¹ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

¹² Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Б.Э. Мура, Б.Д. Фаина. М., 2000. С. 43.

радости, страдания и др.) и вызывает различные аффекты у реципиентов¹³. Пространство аффектов предполагает сильное и кратковременное эмоциональное переживание, которое может сопровождаться как внешними, так и внутренними поведенческими реакциями, которые, закрепляясь на бессознательном уровне, могут формировать аффективную память и вызывать кратковременную сильную эмоциональную реакцию в любых ситуациях, в том числе, связанных с воспроизводством дискурсивно заданного регионального текста. Пространство аффектов учитывает и нерепрезентируемые аспекты региональной жизни и индивидуального опыта переживания локальности и ее символов, знаков, взаимодействий. Согласно концепции Г. Зиммеля, поиск аффектов в повседневном взаимодействии способствует чувственному восприятию пространства, эмоциональной стимуляции и интрапсихической репрезентации, по-другому маркирует пространство повседневности: через ощущение травмы/излечения, опасности/безопасности, негатива/удовольствия, стыда/гордости, или их сочетанием¹⁴.

Пространство повседневности и аффектов при этом выполняет важную адаптивную функцию, подготавливая индивида к соответствующей реакции на внешние или внутренние события, к коммуникации внутренних состояний субъекта с состояниями других людей, и вызывая у них необходимые ответные реакции.

Изучение концептуального пространства Волгоградского региона как текста было начато в 2012 г. Исследование было продолжено в рамках полевого этапа реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 “Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ” (апрель — сентябрь 2013 г.). В качестве методов исследования были использованы экспертный (полуформализованный) и формализованный опросы, направленные на выявление общественного мнения жителей региона (N = 1000), изучение мнения экспертов внутренних (N = 20), проживающих в Волгоградской области и внешних (N = 30), уехавших из региона, но связанных с Волгоградским регионом устойчивыми социальными практиками (представителей органов государственной и муниципальной власти и региональных СМИ, бизнеса).

При разработке программы исследования было выдвинуто несколько гипотез:

1. Региональная идентичность формируется в сознании общест-

¹³ Meyer-Sickendiek B. Affektpoetik. Eine Kulturgeschichte literarischer Emotionen. Würzburg, 2005.

¹⁴ Зиммель Г. Указ. соч.

ции, распространяемой прессой и телевидением, но и в результате непосредственного контакта с политической, экономической, социальной и культурной средой региона. Восприятие и оценка регионального пространства населением зависит от степени удовлетворенности регионом как местом жительства, социальной средой, которая характеризуется достигнутым качеством жизни.

2. Волгоградская область ассоциируется у его жителей только с символами Сталинградской битвы, Великой Отечественной войны, которые и образуют, с одной стороны, аффективное пространство региона, вызывающее сильные эмоциональные реакции как жителей региона, так и прибывающего населения, а, с другой стороны, маркируют пространство повседневности, рутинности, ограниченное памятными датами, что оказывает влияние на формирование региональной идентичности и желание связывать настоящее и будущее с Волгоградским регионом.

3. Существующий имидж Волгоградской области как проблемного, экономически отстающего региона, с высокой степенью недоверия населения к власти не удовлетворяет его жителей, и большинство населения пространство аффектов связывает с негативными коннотациями регионального пространства.

4. В Волгоградской области не проводится системной политики по созданию и укреплению пространственного образа региона, все мероприятия носят “лоскутный” характер, пространство повседневности и аффектов выстраивается благодаря синергетическому эффекту исторического ресурса региона, повседневным социальным практикам населения и информации, которая транслируется федеральными СМИ, демонстрирующими интерес к негативной со-бытийности.

В ходе исследования один из уровней гетерогенного регионального текста был определен дискурсом повседневности. Пространство повседневности как рационализация и постоянная последовательность коммуникативных практик, осуществляемых в региональном ландшафте, вызывает типичные смысловые интерпретации жителей региона и прибывающего населения. По мнению информантов, пространство повседневности в Волгоградской области определяют следующие маркеры:

1) супермаркеты: *“постоянно ходим в этот магазин с мужем, удобно, рядом и все можно купить”, “конечно, хорошо: и шопинг, и в кино сходили...”*, *“ежедневное посещение: работа и магазины”*;

2) банки: *“очень много появилось в городе и области банков”, “везде кризис, а только им нипочем, банки, как грибы — на каждом углу”*;

3) реклама, уличные баннеры: *“Как-то незаметно стало много вдоль дороги, иногда обращаю внимание, есть интересные тексты,*

особенно личного характера”, “украшают серое небо”, “одна реклама везде, и никто не следит, где поставили, что написано”;

4) улицы: “Широкие, заснеженные, привычно грязные”, “хорошо, что названия не меняют”, “самое привычное — дорога по этой улице на работу”;

5) общественный транспорт: “В Волгограде всегда хорошо было с общественным транспортом, чем-то, а все равно уедешь”, “Я всегда на работу езжу трамваем, удобно, нет пробок”, “...всегда было холодно в транспорте”, “...на окне троллейбуса можно написать, нарисовать”;

6) дворы: “...вырос здесь”, “постоянно гуляем с ребенком”, “раньше всех знали, кто во дворе живет, гуляли, отдыхали”, “как всегда, неосвещенные, с грудой мусора”, “заснеженные”, “в каждом дворе катки, как раньше”.

Как видим, пространство повседневности в основном связано у жителей с повседневными рутинными практиками: работа, магазины, банки, транспорт. Регион, прежде всего, является местом, где происходит воспроизводство рабочей силы, производство, распределение и потребление товаров и услуг¹⁵. Исследование имиджа Волгоградского региона позволило интерпретировать маркеры повседневности через социально-экономические показатели, среди которых и опрошенное население, и эксперты выделяют депрессивное развитие региона (60,1% опрошенных), “отсутствие доверия к коррумпированной власти” (65,4% респондентов), снижение территориальной мобильности населения (36,6% участвующих в опросе “не выезжают за пределы области”), бесперспективность развития малого бизнеса (21,6% опрошенных), ограниченные возможности трудоустройства (95,5% респондентов) и достойной заработной платы (23,4% участников опроса), — что подтвердило нашу гипотезу о негативных коннотациях регионального пространства.

Информация в СМИ о положительной динамике и выходе из кризиса не соответствует оценке населения и свидетельствует о преобладании негативных оценок территориальных изменений за последнее время. Но депрессивные тенденции в изменении социального пространства региона воспринимаются жителями как повседневность, констатация. Для объяснения этой ситуации можно использовать понятие “рессентимент”, озвученное внутренним экспертом в интервью. Это такое состояние, когда человек (или общество) переживает проблему, которую он (оно) вначале не может,

¹⁵ Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Wiley-Blackwell, 1991.

а потом и не хочет решить, потому что сживается с этим состоянием и начинает находить его естественным, постоянно сублимируя чувство неполноценности¹⁶. Самоаттестация и самооправдание строится в таком состоянии на двух постулатах: “Мы — серая провинция”, “Мы — неудачники, если живем здесь”, “Наш город — бесперспективен”, “Виноваты в этом другие”. При состоянии рессентимента проблематично выстраивать региональную идентичность, или следует признать, что основой ее формирования является проблемная идентификация, основанная на восприятии упадка и кризиса как повседневности.

Показательно, что по данным проведенного исследования, свое социальное самочувствие респонденты описали следующим образом: “прекрасное, очень хорошее” — 14,8%; “в целом нормальное, ровное” — 58,1% опрошенного населения; “испытываю напряжение, раздражение” — 20,3% респондентов; “испытываю страх и тоску” — 4,8%, затруднились с ответом 2% участвовавших в опросе.

Сложившиеся теоретические и методологические подходы к изучению социального самочувствия позволяют рассмотреть данную категорию как интегральную характеристику, включающую отношение респондента к окружающей действительности, реализации жизненной стратегии личности на определенной территории, рефлексии социального пространства. Социальное самочувствие — это субъективная и во многом ситуативная категория, но, тем не менее, его можно рассматривать как важный механизм рефлексивного социального знания, используемого населением в организации пространства повседневности.

В контексте данного исследования роль социального самочувствия в поведении человека выражается, прежде всего, в его регулирующей функции: становясь мотивом поведения жителей региона, обуславливая “прочтение” регионального текста и принятие/непринятие пространства региональными акторами. Так, по мнению внешнего эксперта № 30 из Санкт-Петербурга: *“Для сегодняшних жителей Волгоградский регион — скорее не привлекательный, поскольку ситуация в положительную сторону не развивается. Тот потенциал жителей Волгограда, который существует, может улучшиться, если будут приложены силы городских и региональных властей”*. О слабой привлекательности региона для специалистов высокой квалификации говорили и внутренние эксперты: *“Чтобы, допустим, свои навыки где-то, каким-то образом применить, наверное, необходим какой-то запрос, чтобы было место, где можно применить. У нас нет таких мест, у нас все встало... Люди с каким-то багажом знаний*

¹⁶ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 424.

хотят соответствующую зарплату, уровень, им здесь такого не могут предложить” (внутренний эксперт № 33).

Полученные данные позволяют интерпретировать настроение волгоградцев в целом как апатичное, а воспринимаемое пространство — средней /слабой привлекательности, что подтвердило гипотезу исследования.

Рассматривая свойства трансграничного пространства, можно выделить рефлексивность, возможную в условиях последовательной непрерывности социальных практик в пространстве региона. Под рефлексивностью мы понимаем не просто “самосознание”, а непрерывный поток поведенческих проявлений¹⁷.

Таким образом, пространство повседневности является основой для формирования региональной идентичности как состояния соотнесенности с определенной территорией и желания взаимодействовать, связывать свое настоящее и будущее с Волгоградским регионом, образ которого СМИ формируют как “положительный, но проблемный”. Средняя/слабая привлекательность региона, постоянное акцентирование внимания только на исторических заслугах не могут восприниматься положительно жителями региона, по мнению которых: *“Пришла пора создавать новые объекты и формировать новые образы для гордости за родной край”* (внутренний эксперт № 40).

Рефлексируемое пространство повседневности региона способно аккумулироваться во времени и индивидуальных дискурсах и реконфигурироваться в пространство аффектов. Пространство аффектов связано с чувственным восприятием территории (с удовольствием или неудовольствием), “модификациями душевной жизни” взаимодействующих в нем акторов¹⁸. К маркерам пространства аффектов в Волгоградской области респонденты относят:

1. Мамаев курган, памятники мемориала: Родина-мать, Зал воинской славы, Вечный огонь, смена караула — *“Это мое любимое место в городе”, “Да, и ничего больше не надо, смотришь, как они шагают, и становишься патриотом”, “Гордость, восхищение и скорбь”, “Живем как на кладбище, в окружении памятников и памяти”, “Весь мир знает Родину-мать”*;

2. Церкви: *“их мало, но красивые”, “Звон колоколов, который звучит из монастыря, вызывает трепет”, “Город церкви украшают”, “есть храм, куда всей семьей ходим, души лечим”*;

¹⁷ Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2003.

¹⁸ Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 5. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html (дата обращения: 11.03.2016).

3. Городские шествия: *“Мало праздников, и так понравилось театральное шествие”*, *“Приехал и попал на праздник. Шли по улице, в костюмах... Поэтому и приехал — радостный, солнечный город”*, *“самое яркое впечатление в жизни — Крестный ход”*;

4. Маршрутные такси в Волгограде: *“Сплошной экстрим!”*, *«Раньше и пробок никаких не было, а “маршруточники” — просто все “отморозки”»*, *“самый опасный способ перемещения, неприятные пассажиры”*;

5. Дороги: *“...властям руки бы поотрывать”*, *“...как в войну”*, *“когда дождь, без сапог резиновых до остановки не дойти”*, *“Дороги — волгоградский позор: все воруют и воруют, а надо строить”*.

Символическое пространство региона текстуально связано с пространством аффектов. При этом символическое пространство рассматривается нами как определенная система региональной коммуникации, позволяющая в процессе социального взаимодействия выстраивать аппрезентационные отношения, основанные на возникновении общих смыслов, интерпретаций, дискурсов, которые отражают как унаследованный и разделяемый опыт реальности повседневности¹⁹, структурирующий и нормирующий образы, социальные практики, традиции и ценности, так и вновь конструируемый региональными акторами, вызывающий состояние аффекта.

Статус города-героя, символы Сталинградской битвы являются фундаментом, на котором строится имидж Волгоградской области в глазах его жителей и всей страны. Но синергетический эффект исторического ресурса, эксплуатируемый десятилетиями, без системной политики по формированию и продвижению имиджа региона, ежегодно ограниченной вниманием власти и СМИ праздничными днями (2 февраля, 9 Мая), является причиной конфликтов смыслов, образов, символов в восприятии региона как текста. Респонденты в возрасте от 18 до 24 лет в качестве символа региона называли *“танцующий мост”* через Волгу, который связан с негативной информацией о проблемах в строительстве этого современного объекта в регионе, что также определялось респондентами как пространство аффектов, но воспринимаемое молодежью как коннотативно позитивное.

Эмоциональные, поведенческие реакции на пространство способны аккумулироваться во времени и вместе с интересом СМИ к негативной событийности способны порождать страхи и создавать *“кумулятивный аффект”*²⁰. Теракты в Волгограде, унесшие десятки

¹⁹ Кардамонов О.А. Социология символа. М., 2004.

²⁰ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции, 1971. URL: <http://flogiston.ru/library/leontev> (дата обращения: 11.08.2015).

жизней в 2013 г., вызвали не только боль и волну сочувствия, но и понимание того, что война остается в нашем регионе и его пространстве как когнитивный и экспрессивный и как оценочный символ²¹ трагического и мужественного региона. “Сталинград. Возвращение”, — так описывались в СМИ события 2013 г.²², что сделало вновь востребованным и наполнило новыми смыслами аффективное пространство региона. Фонтан “Детский хоровод” на Привокзальной площади Волгограда, когда-то разрушенный во время массированных бомбардировок 1942 г. и ставший одним из символов Сталинградской битвы, был восстановлен летом 2013 г. как символ современного мирного региона, и именно он реанимировал трагический смысл пространства аффектов. Повторение ситуации, вызывающей сильные отрицательные переживания, вызвало аккумуляцию аффекта, и, позволим предположить, зафиксировало на бессознательном уровне сильную эмоционально окрашенную негативную реакцию, и спустя время происходит/будет происходить аффективное восприятие данного пространства (“аффективный взрыв”), что подтвердило и расширило гипотезу нашего исследования о возможности вытеснения пространства аффектов в сознании/реальности реципиентов (миграция).

Дуализм в восприятии, возникающие конфликты, в результате которых конструируются новые смыслы, символы, репозиционируются прежние, существующий диалог в региональном тексте являются показателями диалектической природы, конгруэнтности социального пространства.

О гибкости, изменчивости, взаимозависимости и взаимообусловленности, возможностях взаимопроникновения пространств повседневности и аффектов свидетельствуют маркеры, условно названные нами “переходниками”, которые респонденты в зависимости от общих локальных и индивидуальных смыслов, существующих практик, стереотипов, ментальностей и культур, ситуаций, информации, которая транслируется СМИ, относили к категориям и повседневности, и аффектов. Исследование выявило, что смешанное, дуальное пространство в Волгоградской области образуют:

1. Памятники: *«когда убрали на реставрацию “Комсомольцев”, сразу как-то пусто стало», “Много памятников и военных, и новых”, “...в праздники со школой ходим, этот танк рядом”, «“У танка” — это такая традиция вуза»;*

²¹ Parsons T. Action, symbols, and cybernetic control // Rossi I. Structural Sociology. N.Y., 1982. P. 163–170.

²² Ахмедова М. Сталинград. Возвращение. Как город герой на Волге снова оказался на передовой // Русский репортер. 2014. 16–23 янв. № 1–2 (329–330). С. 21.

2. Волга и Дон: “...выросли, а сейчас хорошо, что работа рядом, летом в обеденный перерыв хожу, купаюсь”, “Ну, а какой еще образ — Волга! Мы же волгоградцы”, «на “зеленую” в выходные, на Дон», “живу, окна на набережную выходят, привыкаю, а вот когда грустно, беру машину и еду на берег, все проходит”, “не смогла бы жить в городе, где нет реки”, “красивая, особенно лестница”, “набережная, как при царе Горохе”, “замечательное место встреч”, “грязь, мусор, шашлычные”, “здесь понимаю, что дома”;

3. Бродячие собаки: “Я в других городах столько бездомных собак не видел”, “не работают службы, антисанитария сплошная, мусор, бродячие собаки, бомжи”, “много брошенных животных”;

4. Школы: “всегда переживаю, когда иду в школу”, “быстрее бы ее закончить и забыть, как страшный сон”, “Это же кошмар какой-то: ни учителя, ни ученики сменную обувь не носят”, «...а наш однокурсник книгу пишет: “Институты несвободы: школа, армия, тюрьма”», “в школе все понятнее было”, “патриотизм в школах не формируется”, “не знают историю города, не учат”.

Процесс категоризации смешанного пространства предполагает рефлексию семантической насыщенности каждого элемента региональной среды, структуры регионального текста, повседневных практик пространственных оппозиций, которые структурируются по сходной системе пространственных координат²³. Нарративные (2012; N = 9) и полуформализованные интервью, данные опроса позволяют интерпретировать пространственный текст Волгоградской области, представляющий рационализированный, материальный контекст²⁴ через исторические образы, архитектурные формы, паттерны социального взаимодействия, современное состояние региона, номинированного как пространство повседневности, но интенционально аффективного, в том числе, и с учетом межпоколенческих дискурсов.

Определяя дискурс (*discursus*, позднелат. — “рассуждение, довод”) как текст, актуализация которого обусловлена множественными факторами, мы рассматриваем его как вид коммуникации, ориентированный на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов социальных действий, мнений, высказываний участников коммуникационного процесса: “Идентичности конструируются внутри, а не вне дискурса, мы должны понимать, что они создаются в особых исторически-институциональных средоточиях в пределах

²³ Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

²⁴ Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государств // Философия социологии и социальная антропология. 2013. Т. 16. № 1. С. 21, 36.

особых дискурсивных формулировок и практик при помощи особых декларативных стратегий”²⁵. Региональная идентичность определяется нами как состояние соотнесения личности с регионом, где она проживает, региональным сообществом и определенными социальными группами; это состояние вызывает желание и потребность участвовать в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона. Региональная идентичность является разновидностью групповой принадлежности, при которой субъект через конструирование социальной реальности сам осознает такую принадлежность к определенному региону и руководствуется ею в своем поведении как типичной необходимой практикой²⁶, поэтому она имеет позитивный и негативный вектор когнитивного, ценностного, эмоционального компонентов в своей структуре, что “естественным образом проявляется в ее деятельностной составляющей, т.е. в определенных моделях поведения членов регионального сообщества по отношению к своему региону”²⁷.

Региональная идентичность структурирует регион как текст и обеспечивает понимание и конструирование социального мира через зафиксированные значения в языке²⁸. Векторы региональной идентичности представлены в прилагательных, которыми реципиенты описывают регион и которые позволяют интерпретировать вербализацию пространства через выделенные нами категории повседневности и аффектов. Респондентами, участвующими в интервьюировании, были выбраны следующие слова: *родной, патристичный, длинный, пыльный, грязный, культурный, застывший*. При осевом кодировании, предполагающем интенсивный анализ категории отношения, через качественные характеристики, мы расположили эти коды в порядке убывания (см. рис.).

Кроме того вербализация социального пространства выявляет взаимодополняемость и взаимосвязи пространств повседневности и аффектов, что также подтвердило гипотезу исследования об интерпретационном восприятии пространства как результата восприятия информации, распространяемой СМИ, и социального опыта региональных акторов.

²⁵ Hall S. Who needs identity // Day P. du, Evans J., Redman P. The Identity. Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 17.

²⁶ Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84.

²⁷ Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (дата обращения: 12.03.2016).

²⁸ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 26.

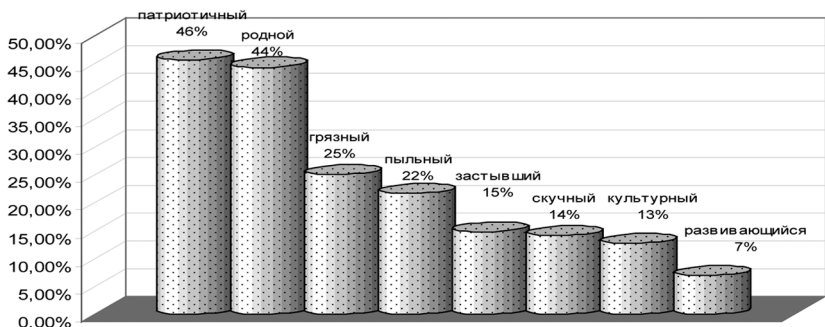

Рис. Вербализация социального пространства Волгоградского региона (в %)

Население региона, с одной стороны, гордится историческим наследием Волгоградского региона, но, с другой стороны, видит тот нереализованный потенциал, множество проблем и испытывает чувство неудовлетворенности современным состоянием региона, что, по мнению респондентов, делает регион непривлекательным как для жителей региона, так и для инвесторов и туристов. При этом большинство жителей региона проявляет желание в реконфигурации социального пространства региона, ориентируясь на существующие успехи и достоинства области, так или иначе связывая свое будущее с Волгоградской областью, формируя региональную идентичность: *“Буду учиться и жить в другом городе, но не хочу, чтобы родители уезжали из Волгограда, мне надо возвращаться домой”*, *“Вот, например, моя дочка не хочет жить в регионе, хотя родилась и выросла, и ее дочь родилась и выросла там. А мы с женой хотим. Все мечтаем вернуться домой, в Волгоград”* (внешние эксперты)²⁹.

Проведенное исследование позволило выявить основной круг вопросов и направлений исследования социального пространства, рассмотреть регион как локализацию социальных отношений, связей и взаимозависимостей, одновременно предполагающую комплементарность и сохранение социальной дистанции в “присваивании” региона. Конгруэнтность пространства повседневности и аффектов, дистанционные сближения/отдаления, динамичность и диалогичность, консенсус и конфликт значений, смыслов, объективированных в символах, конструируют региональную среду как текст, делая его полноценным субъектом социальной коммуникации.

²⁹ Дроздова Ю. А. Региональная идентичность как культурная практика: к вопросу о знании и любви к малой Родине // Девятые Ковалевские чтения. Мат-лы науч.-практ. конференции 14–15 ноября 2014 г. / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2014. С. 537.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмедова М. Сталинград. Возвращение. Как город герой на Волге снова оказался на передовой // Русский репортер. 2014. 16–23 янв. № 1–2 (329–330).

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3 (66).

Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2003.

Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Под ред. В.Л. Каганского, Г.С. Кнабе, И.В. Кондакова и др. М., 2001.

Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Под ред. А.В. Рябушина, Л. Хайта. М., 1985.

Дроздова Ю.А. Региональная идентичность как культурная практика: к вопросу о знании и любви к малой Родине // Девятые Ковалевские чтения. Мат-лы науч.-практ. конференции 14–15 ноября 2014 г. / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2014.

Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (дата обращения: 12.03.2016).

Завельский А.А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Текст и его интерпретация. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=149> (дата обращения: 27.07.2015).

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34).

Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.

Кардамонов О.А. Социология символа. М., 2004.

Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971. URL: <http://flogiston.ru/library/leontev> (дата обращения: 11.08.2015).

Линч К. Образ города / Под ред. А.В. Иконникова. М., 1982.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.

Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Б.Э. Мура, Б.Д. Фаина. М., 2000.

Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государств // Философия социологии и социальная антропология. 2013. Т. 16. № 1.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 5. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html (дата обращения: 11.03.2016).

Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М., 2003.

REFERENCES

Ahmedova M. Stalingrad. Vozvrashhenie. Kak gorod geroj na Volge snova okazalsja na peredovoj // Russkij reporter. 2014. 16–23 janv. N 1–2 (329–330).

Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika. M., 1989.

Berger P. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znaniya. M., 1995.

Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Wiley-Blackwell, 1991.

Drozdova Yu.A. Regional'naya identichnost' kak kul'turnaya praktika: k voprosu o znanii i lyubvi k maloj Rodine // Devyatye Kovalevskie chteniya. Mat-ly nauch.–prakt. konferencii 14–15 noyabrya 2014 g. / Otv. red. Yu.V. Asochakov. SPb., 2014.

Dzhenks Ch. Jazyk arhitektury postmodernizma / Pod red. A.V. Rjabushina, L. Hajta. M., 1985.

Eremina E.V. Regional'naya identichnost' v kontekste sociologicheskogo analiza // Regionologiya. 2011. N 3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (data obrashcheniya 12.03.2016).

Filippov A. Sociologiya prostranstva: obshchij zamysel i klassicheskaya razrabotka problemy // Logos. 2000. N 5 (data obrashheniya: 11.03.2016).

Giddens E.H. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii. M., 2003.

Gorod v processah istoricheskikh perehodov: teoreticheskie aspekty i socio-kul'turnye karakteristiki / Pod red. V.L. Kaganskogo, G.S. Knabe, I.V. Kondakova i dr. M., 2001.

Hall S. Who needs identity // Day P.du, Evans J., Redman P. The Identity. Thousand Oaks; New Delhi, 2000.

Jorgensen M.V., Fillips L.Dzh. Diskurs-analiz. Teorija i metod. Har'kov, 2008.

Kardamonov O.A. Sociologiya simvola. M., 2004.

Kuveneva T.N., Manakov A.G. Formirovanie prostranstvennyh identichnostej v porubezhnom regione // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 7. S. 77–84.

Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i jemocii. M., 1971. URL: <http://flogiston.ru/library/leontev> (data obrashheniya: 11.08.2015).

Linch K. Obraz goroda / Pod red. A.V. Ikonnikova. M., 1982.

Lotman Ju.M. Semiosfera. SPb., 2000.

Meyer-Sickendiek B. Affektpoetik. Eine Kulturgeschichte literarischer Emotionen. Würzburg, 2005.

Nicsh F. K genealogii morali // Nicsh F. Soch.: V 2 t. T. 2. M., 1990.

Parsons T. Action, symbols, and cybernetic control // Rossi I. Structural Sociology. N.Y., 1982.

Pile S. Real cities: modernity, space and the phantasmagorias of city life. L., 2005.

Psihoanaliticheskie terminy i ponjatija: Slovar' / Pod red. B.Je. Mura, B.D. Faina. M., 2000.

Shjuc A. Smyslovaja struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii / Sost. A.Ja. Alhasov. M., 2003.

Terborn J. Kak ponjat' goroda: sovremennyj krizis i ideja gorodov bez gosudarstv // Filosofija sociologii i social'naja antropologija. 2013. T. 16. N 1.

Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M., 1983.

Zavel'skij A.A., Zave'skaja D.A., Platonov S.I. Tekst i ego interpretacija. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=149> (data obrashhenija: 27.07.2015).

Zimmel' G. Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' // Logos. 2002. N 3–4 (34).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Б.Р. Могилевич, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского*

ДИСКУРС КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

B.R. Mogilevich, doctor of sociology, associate professor of the Chair of English of Saratov State University named after N.G. Chernushevsky, e-mail: mogilevich@sgu.ru

COMMUNICATIVE TOLERANCE DISCOURSE

Толерантность, коммуникация и тематический репертуар представляют собой компоненты дискурса коммуникативной толерантности. Диалогические отношения между коммуникантами в процессе жизнедеятельности отражают их социокультурную специфику. Речевая структурированность коммуникации характеризуется соблюдением коммуникантами разговорных фреймов и следованием Принципам Кооперации и Вежливости как индикаторов толерантности и эмпатийности. Носители одного языка обладают общим дискурсивным кодом как условием успешной коммуникации. Дискурсивная деятельность коммуникаторов представляет собой обмен информацией для достижения разнообразных социокультурных и когнитивных целей. Толерантность, в свою очередь, включает взаимную эмпатию коммуникантов как основного условия достижения коммуникативных целей. Она проявляется и в социокультурном, и в социолингвистическом аспектах. Коммуникативная толерантность выступает в виде прескрипций коммуникативного поведения, специфичных для разных социокультурных сообществ. Феномен тематического репертуара означает общие для всех участников процесса социальной коммуникации знания и интерпретации. Особую значимость приобретает сочетание локальных и глобального контекстов. Контекстуальные ограничения отражают социокультурную и природно-климатическую специфику и детерминированы наличием поведенческих стереотипов и их оценкой. Таким образом, каждый компонент дискурса вносит свой вклад в достижения коммуникативной цели.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная толерантность, коммуникативные прескрипции, эмпатия, речевая деятельность, тематический репертуар, диалог, контекстуальные ограничения.

Tolerance, communication and theme repertoire are communicative discourse components. The dialogue relations of communicators in the process of their life activity reflect where socio-cultural specific characteristics. The speech structure of communication adherence to speech frames and the Principles of

* Могилевич Бронислава Рафаиловна, e-mail: mogilevich@sgu.ru

Cooperation and Politeness as indicators of tolerance and empathy. Language speakers share one discourse code as a condition of successful communication. Discourse activity represents information exchange in the process of achieving various socio-cultural and cognitive goals. Tolerance, in its term, includes communicators' mutual empathy as the main conditions of communication success. Communicative tolerance is presented as communicative behavior prescriptions, specific for various socio-cultural areas. Theme repertoire phenomenon means shared knowledge and interpretation of all social communication participants. The combination of global context and local ones acquire special significance. Contextual limitations reflect socio-cultural specifics and are determined by the existence of behavior stereotypes and their evaluation. Thus, each discourse component contributes to achieving social-communication goals.

Keywords: *discourse, communicative tolerance, communicative prescriptions, empathy, speech activity, theme repertoire, dialogue, contextual limitations.*

Феномен дискурса коммуникативной толерантности предполагает сочетание двух его видов — коммуникации и толерантности. Коммуникативный дискурс представляет собой совокупность социокультурной специфики экстралингвистической ситуации и самих коммуникантов как представителей своей культуры, актуализирующейся в языке¹. Дискурс толерантности, в свою очередь, имеет своей основой индивидуальную неповторимость коммуникантов и их права. Кроме того, необходимым компонентом дискурса толерантности является неоспоримое право каждого индивида жить согласно своим принципам при условии нанесения ущерба другим индивидам и всему обществу. Современная точка зрения на проблему дискурса толерантности акцентирует принцип индивидуальной автономии каждого члена социума. Вместе с тем, этот принцип неотделим от принципа плюрализма, что, в свою очередь, является причиной конфликтов между личными и общественными ценностями, т.е. между локальными проявлениями и глобальной унификацией². Можно утверждать, что дискурс толерантности — это:

— коммуникативная категория, актуализирующаяся в процессе социальной коммуникации, в том числе межкультурной;

— социолингвокультурологическая категория, отражающая национальную специфику языка.

Толерантная коммуникация детерминирована существующими в данном социуме коммуникативными прескрипциями, основные из которых могут быть представлены как:

¹ См.: Пурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в социальной коммуникации. Воронеж, 2002. С. 163.

² См.: Асмолов А.Г. Толерантность как культура в XXI веке // Толерантность: объединяем усилия. М., 2000. С. 19.

- поведение, исключаящее насилие и провоцирование конфликтов;
- признание наличия у всех участников коммуникативного процесса своих прав;
- готовность к восприятию чужих ценностных моделей³.

В этой связи особую значимость приобретает феномен “коммуникативной толерантности” как совокупности норм, упорядочивающих коммуникацию в виде предписывающих, запретительных и объясняющих прескрипций⁴. В свою очередь, коммуникативная толерантность включает в себя такие компоненты, как:

- повседневный — терпимое отношение к слабостям других;
- религиозный — уважительное отношение ко всем конфессиям;
- этнический — невраждебное отношение к другим этносам;
- интеллектуальный — признание плюрализма мнений.

Правомерно утверждать, что межкультурный компонент (уважительное отношение к другим культурам и языкам) также имеет право быть включенным в эту совокупность⁵. Прескрипции коммуникативной толерантности особенно ярко проявляются в речевых действиях коммуникантов. Согласно М.М. Бахтину, речевая деятельность коммуникантов обусловлена спецификой социокультурной среды их обитания. Эта среда является источником знаков в виде слов с их эксплицитными и имплицитными значениями⁶. При обмене социокультурными смыслами коммуниканты вступают в разные виды взаимодействия, которое можно представить в виде оппозиции: конгруэнтность (взаимопонимание) — конфронтация (несовпадение позиций в виде конфликта)⁷. Наблюдающийся в настоящее время процесс размывания норм поведения наглядно представлен наличием в речевой деятельности коммуникантов все возрастающего количества инвективов⁸. Коммуникативная толерантность обеспечивается и поддерживается соблюдением всеми коммуникантами Принципов Кооперации и Вежливости. Следуя им, коммуниканты осуществляют речевую деятельность, имеющую целью достижение поставленных позитивных целей.

³ См.: *Могилевич Б.Р.* Особенности дискурса межкультурной коммуникации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология. 2009. № 1. С. 43–48.

⁴ См.: *Стернин И.А.* Толерантность и коммуникация // *Философские и культурологические проблемы толерантности*. М., 2005.

⁵ См.: *Могилевич Б.Р.* Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Саратов, 2008. С. 134.

⁶ См.: *Бахтин М.М.* Проблемы речевых жанров. М., 1986. С. 441.

⁷ См.: *Дробизева Л.М.* Социология межэтнической толерантности. М., 2003. С. 209.

⁸ См.: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 87.

Согласно П. Грайсу, коммуникативная деятельность имеет в основе Принцип Кооперации, опираясь на который все участники интеракции способствуют ее успеху, используя максимы речевого общения: качества — сообщение правдивой информации; количества — подача оптимального объема информации; манеры — логичность и лаконичность изложения; релевантности — актуальности и предметности информации. П. Грайс ввел термин “импликатуры дискурса” для описания имплицитных дополнительных смыслов коммуникации⁹.

Д. Лич, развивая теорию П. Грайса, дополнил Принцип Кооперации Принципом Вежливости, характеризующийся двумя основополагающими правилами: минимизацией всего, что невежливо, обидно и максимизацией вежливости. Он также вводит свои максимы — такта (минимум усилий партнера при максимуме его выгоды); великодушия (минимум выгоды для себя и максимум твоих усилий); одобрения (максимальное одобрение партнера и минимальное неодобрение); скромности (минимальное неодобрение партнера); согласия (максимизация согласия и минимизация несогласия); симпатии (минимизация антипатии к партнеру)¹⁰.

Феномены Кооперации и Вежливости представляют собой основополагающие характеристики толерантного взаимодействия разных культур в процессе естественной человеческой коммуникации. Установление и поддержание гармоничного коммуникативного взаимодействия основаны на учете социокультурной специфики коммуникантов. Особую значимость проблема гармонии коммуникации приобретает при взаимодействии разных культур из-за сложности установления границ между специфическими и универсальными характеристиками дискурсов коммуникантов¹¹.

Дискурс коммуникативной толерантности включает такой компонент, как “тематический репертуар”. Т. ван Дейк пришел к выводу, что успешная вербальная коммуникация осуществима при наличии общих знаний и значений коммуникантов¹². Общие принципы интерпретации любого высказывания (текста) предполагают сочетание общих и индивидуальных характеристик когнитивных способностей коммуникантов. Особый интерес представляет собой феномен “тематического репертуара”, характеризующего определенный набор тем, соответствующий определенному дискурсу¹³.

⁹ См.: *Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. N.Y., 1975. P. 47.*

¹⁰ См.: *Ibid. P. 58.*

¹¹ См.: *Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness / Ed. by E.N. Goody. Cambridge, 1978. P. 203.*

¹² См.: *Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 192.*

¹³ См.: *Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 24.*

Тематический репертуар отражает двоякую сущность каждого дискурса: 1) темы многих дискурсов можно предсказать с большей или меньшей степенью точности (информированные коммуниканты, обладающие определенным уровнем знаний о причинно-следственных связях, способны формировать контекстные ожидания); 2) не все дискурсы могут быть ожидаемы вследствие прагматических ожиданий новизны, но когнитивные характеристики коммуникантов определяют уровень понимания¹⁴.

Социокультурные различия определяют тематический репертуар коммуникации, например: одно и то же событие по-разному интерпретируется жителями разных регионов Европы, Америки или Африки — темы разговоров в семье за завтраком, на работе, в обеденный перерыв и т.д. Естественно, существует определенный набор универсальных тем — любовь, карьера, смерть, измена¹⁵.

Тематический репертуар различных дискурсов определяется контекстуальными стратегиями коммуникантов, обусловленными их социокультурными нормами, особенностями ситуации коммуникации, социальными ролями коммуникантов и их личностными характеристиками. Контекстуальные стратегии определяют виды дискурсов (контекстуальной информации), приемлемых в данной социокультурной ситуации¹⁶. Т. ван Дейк предложил список совокупности видов информации, необходимый для определения тематического репертуара, куда входят: общекультурная информация о деятельности данной социокультурной группы, ее традиции и обычаи, природно-климатические условия; социокультурная ситуация (ситуация коммуникации), социальные роли коммуникантов, социокультурные характеристики (пол, возраст), типы взаимодействия (помощь, оплата); индивидуальные характеристики (темперамент, интересы), а также существующие в данном социуме законы и правила¹⁷.

В контексте межкультурного взаимодействия (коммуникации) целесообразно акцентировать действия коммуникантов на сочетании общекультурного тематического репертуара с социокультурными различиями этносов в глобальном и локальном ракурсах¹⁸.

¹⁴ См.: *Стернин И.А.* Язык и национальное сознание // Логос. 2005. № 4 (49). С. 148.

¹⁵ См.: *Гришаева Л.И.* Прецедентный текст как модель осмысления деятельности // Содержание единиц языка и текста: Межвуз. сб. СПб., 2003.

¹⁶ См.: *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсах. М., 2000.

¹⁷ См.: *Dijk van T.A.* Options and attitudes in discourse comprehension // Language and comprehension. Amsterdam, 1982.

¹⁸ См.: *Филюшкина С.Н.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4. С. 132.

Дискурс в межкультурной коммуникации языка является, следовательно, составной и определяющей частью коммуникативных (социокультурных и культурных) целей коммуникантов. При коммуникации носителей одной культуры (языка) изначально есть представления о контекстуальной ситуации в рамках стереотипного взаимодействия¹⁹. В процессе межкультурной коммуникации влияние стереотипных социальных установок может, с одной стороны, содействовать правильному выбору тематического репертуара, а с другой стороны, мешать этому. В этой связи особую значимость приобретают коммуникативные прескрипции в виде сложившихся мнений и убеждений когнитивного характера, присущих определенному социуму²⁰.

Что касается повседневной коммуникации, то современные социологические, лингвистические и антропологические исследования не дают четкого набора характеристик тематических репертуаров в разных культурах. Особенно большое значение определение тематического репертуара имеет для процесса межкультурной коммуникации, так как разные социокультурные реальности обладают разными стереотипами представлений о приемлемом и неприемлемом. Дискурс социокультурного взаимодействия как межкультурного, так и в рамках одной культуры предполагает наличие общего стиля поведения, интересов и целей коммуникантов²¹. Носители разных языков как представители разных культур формируют тематический репертуар дискурсов в зависимости от контекстуальных ограничений. Например, разговор в транспорте варьируется от обсуждения погоды, роста цен до обсуждения политических событий, но не касается личных вопросов (секс, состояние здоровья, семейные проблемы). Или, российская культура характеризуется потребностью людей подробно обсуждать состояние своего здоровья; в англосаксонской культуре существует неприятие дискуссий по поводу здоровья с другими людьми в противовес пропаганде здорового образа жизни²².

В процессе обмена социокультурными смыслами коммуниканты вступают в диалогические отношения²³. В контексте социологического подхода эти диалогические отношения представляют собой

¹⁹ См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

²⁰ См.: Seribs L., Kendall J., Woodward J. Locating cosmopolitanism: between humanist ideals and grounded social category // Theory, culture and society. 2004. Vol. 21. N 6.

²¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

²² См.: Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М., 2004. С. 82.

²³ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996.

межличностную интеракцию²⁴. Именно диалоги (разговоры), с точки зрения символического интеракционизма, представляют наиболее полную актуализацию человеческого взаимодействия²⁵. Большой вклад в изучение диалогов (повседневных разговоров) внес И. Гофман. Он использовал свой “драматургический” подход к исследованию ситуаций повседневного общения. По его мнению, все действия индивидов, в том числе и речевая деятельность социально структурированы, а повседневность представляет собой “фабрику” социальностей²⁶. И. Гофман разработал типологию повседневного разговора с точки зрения их успешного понимания, причем особое внимание он обращал на различие фреймов — правил разговоров между знакомыми и незнакомыми индивидами. Оптимальная коммуникация при повседневном разговоре будет достигнута, если коммуниканты следуют правилам “ситуативного приличия” (*situational propriety*), что означает осознание уместности/неуместности речевых действий в рамках социального контекста; коммуниканты придерживаются адекватного уровня вовлеченности (*involvement*), предполагающего одинаковую заинтересованность в разговоре; все участники разговора должны быть доступны друг для друга (*accessibility*), причем акцент делается на приветствие, вступление в разговор; коммуниканты обязаны продемонстрировать гражданское невмешательство (*civil inattention*) в чужое пространство, характеризующееся уважением друг к другу²⁷. Ситуативные приличия представляют собой пресуппозицию как критерий нормальности/ненормальности речевого поведения участников коммуникативного процесса²⁸.

Каждое языковое сообщество обладает своим, чаще всего, имплицитным кодом, определяющим социально-ролевые правила коммуникации (создание когерентного дискурса, правильную интерпретацию интенции партнера и т.д.), а осознание, принятие и использование этих норм является залогом успешной коммуникации²⁹.

²⁴ См.: Бубер М. Я и Ты. М., 1993. С. 175.

²⁵ См.: Могилевич Б.Р. Социальная актуализация диалога // Известия Волгоградск. гос. тех. ун-та: Межвуз. сб. науч. ст. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Вып. 13. № 9 (112). С. 55.

²⁶ См.: Гофман Е. Анализ фреймов. М., 2004. С. 663.

²⁷ См.: Могилевич Б.Р. Социальная актуализация диалога // Известия Волгоградск. гос. тех. ун-та: Межвуз. сб. науч. ст. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Вып. 13. № 9 (112). С. 55.

²⁸ См.: Goffman E. Felicity's condition // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 89. N 1. P. 153.

²⁹ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Таким образом, дискурс коммуникативной толерантности представляет собой многокомпонентное явление, характеризующееся взаимодействием коммуникантов как дискурсивной деятельностью по обмену информацией с целью решения социальных и когнитивных задач. Обмен социокультурными смыслами является процессом создания каждым участником коммуникативного акта определенных интенций и соблюдения/несоблюдения конвенций их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Асмолов А.Г. Толерантность как культура в XXI веке // Толерантность: объединяем усилия. М., 2000.

Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров. М., 1986.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М., 2004.

Бубер М. Я и Ты. М., 1993.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Гофман Е. Анализ фреймов. М., 2004.

Гришаева Л.И. Прецедентный текст как модель осмысления действительности // Содержание единиц языка и текста: Межвуз. сб. СПб., 2003.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Дробизжева Л.М. Социология межнациональной толерантности. М., 2003.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996.

Могилевич Б.Р. Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Саратов, 2008.

Могилевич Б.Р. Особенности дискурса межкультурной коммуникации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология. 2009. № 1. С. 43–48.

Могилевич Б.Р. Социальная актуализация диалога // Известия Волгоградск. гос. тех. ун-та: Межвуз. сб. науч. ст. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Вып. 13. № 9 (112). С. 53–56.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсах. М., 2000.

Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и культурологические проблемы толерантности. М., 2005.

Стернин И.А. Язык и национальное сознание // Логос. 2005. № 4 (49).

Филошкина С.Н. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4.

Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в социальной коммуникации. Воронеж, 2002.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

REFERENCES

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma. М., 2001.

Asmolv A.G. Tolerantnost kak kultura v XXI veke. М., 2000.

Bakhtin M.M. Problemi rechevikh ganrov. М., 1986.

Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. М., 1986.

Berger P. Kul'turnaya dinamika globalizatsii // Mnogolikaya globalizatsiya. М., 2004.

Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness / Ed. by E.N. Goody. Cambridge, 1978. P. 56–289.

Buber M. Ya i Ty. М., 1993.

Curikova L.V. Problema estestvennosti diskursa v social'noj kommunikatsii. Voronezh, 2002. S. 163.

Deik T.A. van. Yazik. Posnanie. Kommunikatsiya. М., 1989.

Diyk van T.A. Options and attitudes in discourse comprehension // Language and comprehension. Amsterdam, 1982.

Drobigeva L.M. Sociologiya megetnicheskoy tolerantnosti. М., 2003.

Filyushkina S.N. Nacional'nyj stereotip v massovom soznanii i literature (opyt issledovatel'skogo podhoda) // Logos. 2005. N 4.

Giddens E. Uskol'zayushchij mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. М., 2004.

Goffman E. Felicity's condition // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 89. N 1.

Goffman E. Analiz freimov. М., 2004.

Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. N.Y., 1975.

Grishaeva L.I. Precedentnyj tekst kak model' osmysleniya dejstvitel'nosti // Soderzhanie edinic yazyka i teksta: Mezhvuz. sb. SPb., 2003.

Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. М., 2004.

Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya. М., 1996.

Mogilevich B.R. Megkulturnaya kommunikatsiya v sisteme sociologicheskogo znaniya. Saratov, 2008.

Mogilevich B.R. Osobennosti diskursa megkulturnoi kommunikatsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta drugbi narodov. 2009. N 1. P. 43–48.

Mogilevich B.R. Socialnaya aktualizatsiya dialoga // Izvestiya Volgogradsk. gos. tech. un-ta: Megvuz. sb. nauch. st. Ser. Problemi socialno-gumanitarnogo znaniya. 2013. Vol. 13. N 9 (112). P. 53–56.

Seribs L., Kendall J., Woodward J. Locating cosmopolitanism: between humanist ideals and grounded social category // *Theory, culture and society*. 2004. Vol. 21. N 6.

Shtompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij. M., 1996.

Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precendentnyh tekstov v soznanii i diskursah. M., 2000.

Sternin I.A. Tolerantnost i kommunikacii // *Filosofskie i kulturologicheskie problemi tolerantnosti*. M., 2005.

Sternin I.A. Yazyk i nacional'noe soznanie // *Logos*. 2005. N 4 (49).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2016: ПОДВОДЯ ИТОГИ

Материал посвящен итогам проведения X Международной конференции “Сорокинские чтения”, проходившей под названием “Здоровье российского общества в XXI в.: социологические, психологические и медицинские аспекты”.

Ключевые слова: Сорокинские чтения, современная социология, здоровье, социологическая теория, социологический факультет

Current article is dedicated to X International scientific conference “Sorokin Readings” held under the name “Health of the Russian society in the XXI century: sociological, psychological and medical aspects”.

Keywords: Sorokin readings, contemporary sociology, health, sociological theory, faculty of sociology.

17–18 февраля 2016 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась юбилейная X Международная научная конференция “Сорокинские чтения”, которая вот уже целое десятилетие является одним из самых значимых событий в жизни российского социологического сообщества. В этом году конференция была посвящена одной из актуальнейших тем современности — здоровью российского общества. Соорганизаторами конференции выступили Научный институт сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева и факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, благодаря чему удалось отразить ключевые аспекты данной тематики — социологические, психологические и медицинские.

Здоровье общества — это сложная и крайне актуальная на сегодняшний момент проблема, требующая междисциплинарного подхода к изучению. Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как “состояние полного физического, душевного и социального благополучия”¹ — это указывает на тот факт, что эффективное взаимодействие медиков, социологов, психологов и других специалистов является крайне важным для выработки общей концепции сохранения и приумножения здоровья российского общества.

В 2016 г. на конференцию было подано около 500 заявок на участие в девяти секциях и одном круглом столе, непосредственно же в работе конференции приняли участие более 200 человек, среди них представители различных регионов России, а также Украины, Белоруссии, Германии, Израиля и Китая.

¹ Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/ru/>

17 февраля состоялось торжественное открытие и пленарное заседание конференции. Сразу после торжественного открытия конференции деканом социологического факультета МГУ, доктором социологических наук, профессором **Надеждой Геннадьевной Осиповой** слово было предоставлено Директору Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, академику РАН и РАМН, президенту Общероссийской общественной организации “Лига здоровья нации” **Лео Антоновичу Бокерия**, который выступил с приветственным словом участникам конференции и докладом “Здоровье нации в XXI веке”. Затем декан социологического факультета Н.Г. Осипова сделала доклад “Социальное конструирование общественного здоровья”, сопроводив его оригинальной презентацией. В своем докладе профессор Н.Г. Осипова особо отметила, что общественное здоровье формируется под воздействием двух групп факторов — эндогенных (индивидуальных) и экзогенных (социально-экологических). В выступлении было подчеркнуто, что “общественное здоровье может быть улучшено, если обеспечить достойное место выявлению и изучению конкретных социальных проблем, связанных с экзогенными факторами общественного здоровья”².

Декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО **Юрий Петрович Зинченко** в докладе “Психология на службе здоровья нации” озвучил основные научно-практические направления и проблемы, связанные с психологической реабилитацией пациентов.

Далее выступил заместитель директора Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, директор Института здоровья “Лига здоровья нации”, доктор медицинских наук, профессор **Игорь Николаевич Ступаков** с докладом “Эпидемиология и социальные аспекты”.

В конце пленарного заседания заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ, доктор социологических наук, профессор **Юрий Петрович Аверин** и Директор программ Фонда содействия национальным проектам в области общественного здравоохранения “Здоровье и развитие” **Сергей Анатольевич Фролов** представили доклад “Коммуникативная роль социологии в программах мобильного здравоохранения”.

² *Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Международная научная конференция “Сорокинские чтения” “Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты”: Сб. мат.-лов. М., 2016. С. 111.*

Второй день конференции (18 февраля) был полностью посвящен проведению девяти секций, на которых были рассмотрены различные и крайне актуальные стороны здоровья общества: медицина и общество в условиях современных трансформаций, социальные отношения и конфликты в сфере здравоохранения, здоровье и качество жизни российских граждан, социально-экономические и социально-политические аспекты здоровья общества, демографические аспекты здоровья семьи, личности и общества, клиническая социология и психология здоровья, взаимоотношение образования и здоровья, психологическая реабилитация в клинической практике. Также прошло заседание круглого стола, который объединил участников широкой темой “Здоровье нации в общественном мнении и средствах массовой информации”.

В частности, в рамках секции “Медицина и общество в условиях современных трансформаций”, прошедшей под руководством декана факультета, заведующей кафедрой современной социологии Н.Г. Осиповой, докладчиками были обозначены такие важные аспекты, как социальное неравенство и его влияние на доступ к системе здравоохранения, особенности социологического анализа здоровья, социальные риски современного здравоохранения.

По итогам конференции было отмечено, что данная тематика должна и дальше разрабатываться в рамках междисциплинарного знания, так как от решения обсуждавшихся проблем во многом зависит безопасное и устойчивое развитие всего российского общества, сохранение здоровья нации.

Материал подготовили:

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

* Каневский Павел Сергеевич, kanevskiy@socio.msu.ru

** Новосёлова Елена Николаевна, alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

ПАМЯТИ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА КНЯЗЕВА (1926–1989)

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Князев Борис Владимирович — один из выдающихся ученых, организаторов социологической науки и подготовки высокопрофессиональных кадров, оказал существенное влияние на историю развития российской социологии.

Специалист по социологии и социальной философии. Доктор философских наук, профессор.

Б.В. Князев родился в Москве 2 мая 1926 г. Его трудовая деятельность началась после окончания Московского авиационного техникума в авиационной промышленности. Позднее был на партийной и государственной работе. Но наиболее полно его талант и способности проявились в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. После окончания философского факультета МГУ и аспирантуры этого факультета он успешно защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, прошел путь от ассистента до ведущего профессора Московского университета. На протяжении ряда лет работал заместителем декана по научной работе философского факультета МГУ. В период с 1984 по 1989 г. работал заведующим кафедрой методики конкретных социологических исследований, был организатором и первым руководителем отделения прикладной социологии с несколькими кафедрами в структуре философского факультета МГУ. Профессор Б.В. Князев был организатором открытия в МГУ в 1989 г. одного из первых социологических факультетов в стране.

Профессор Б.В. Князев был одним из талантливейших руководителей ведущего учебно-научного подразделения в области социологии в нашей стране, принимал активное участие в возрождении научного статуса отечественной социологии в конце восьмидесятых годов XX в., в развитии и формировании системы социологического образования, процессе подготовки профессиональных социологических кадров. Профессор Б.В. Князев заложил основы формирования в нашей стране научной социологической инфраструктуры нового типа, ориентированной на проведение в вузах как прикладных, так и фундаментальных исследований, воссоединение преподавания и исследования. При активном участии профессора Б.В. Князева в 1988 г. социология была включена в номенклатуру специальностей научных работников, специальность “прикладная

социология” преобразовалась в специальность “социология”, Государственным комитетом СССР по народному образованию было принято решение об открытии в вузах социологических факультетов.

Профессор Б.В. Князев известен как автор почти ста научных работ, в том числе десяти монографий. Был научным руководителем и консультантом по подготовке кандидатских и докторских диссертаций. Под его руководством разработаны учебные планы и программы подготовки социологов, подготовлен первый в стране (СССР) учебник по социологии и практикум по прикладной социологии (1987), который на протяжении почти тридцати лет входит в перечень основной литературы для подготовки социологов в стране. Им была создана научная школа по проблемам прикладной социологии. Научные труды профессора Б.В. Князева оказали существенное влияние на становление и развитие в России таких отраслей научного знания как социология труда, трудовых коллективов, экономическая социология.

Ученики профессора Б.В. Князева работают во многих вузах, научно-исследовательских институтах, в законодательных и исполнительных органах власти страны и за рубежом. Среди них — ведущие профессора, руководители кафедр, факультетов и институтов.

Свидетельством высокого научного авторитета профессора Б.В. Князева служило то, что он избирался членом президиума Советской социологической ассоциации, многие годы был экспертом ВАК СССР, возглавлял докторский и кандидатский специализированные ученые советы в МГУ. На протяжении ряда лет Б.В. Князев был членом редколлегии журнала “Вестник Московского университета”, серия “Теория научного коммунизма” и плодотворно работал в ее составе. (С 1990 г. серия журнала называется “Социально-политические исследования”, а с 1995 г. вместо одной серии издаются две серии — “Социология и политология” и “Политические науки”.)

Б.В. Князев будет всегда ориентиром для научной и педагогической общественности, примером добросовестности и напряженного труда. Он пользовался заслуженным уважением и авторитетом студентов, аспирантов, сотрудников и профессорско-преподавательского состава Московского университета. Его отличали высокое чувство ответственности, принципиальности, требовательности к себе, а также душевная щедрость и отзывчивость. Был любящим мужем, отцом и дедом.

Борис Владимирович Князев всегда будет жив в памяти родных, друзей, коллег, учеников.

Друзья, коллеги, ученики

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология” публикует статьи по социологии и политологии, результаты исследований и экспериментов в различных сферах социальной и политической жизни России и зарубежных стран, методические материалы, информацию о конференциях, библиографические обзоры и критические рецензии. Журнал открыт для публикации результатов научных исследований ученых Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, других научных учреждений и высших учебных заведений.

Материалы представляются в редакцию в электронной версии (на дискете, компакт-диске или по электронной почте) и в распечатанном виде (1 экз.).

Требования к оформлению статей

К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 0,7 (28 тыс. знаков) до одного авторского листа (40 тыс. знаков). Объем аспирантских статей, как правило, не должен превышать 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Ссылки обычные (не конечные и не постраничные), нумерация сквозная. Документ должен быть выполнен в формате MS Word for Windows. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14; интервал — 1,5; абзацный отступ — 1,25 см. Обязательны ссылки на источники всей информации (цитат, цифр) и расшифровка не-общеупотребительной аббревиатуры. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Автор сопровождает статью переводом названия на английский, аннотацией на русском и английском языках не менее 150 слов (каждая) и ключевыми словами также на русском и английском языках. В конце приводится список литературы (не менее 27 наименований). Обязательно указание следующих сведений об авторах: ученой степени, должности и места работы, а также контактной информации (e-mail). Кроме того необходимо сопроводить статью сведениями об авторе (-ах) на английском языке.

Напоминаем, что все рукописи направляются редакцией на рецензию (экспертную оценку).

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам не выплачивается. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала.

Адрес редакции: 119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, социологический факультет, каб. 514 (e-mail: vestnik@socio.msu.ru), тел.: (495) 939-08-54; 8(903) 268-89-69.